

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2017 9 (781)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 9 (781)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 9 (781)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2017

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)   *С.С.Кунанбаева*, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)   *Т. В. Медведева*, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)   *Л. В. Моисеенко*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)   *А. И. Мусаев*, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)   *Л. А. Ноздрина*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)   *Т. В. Писанова*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)   *Р. К. Потапова*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)   *О. А. Радченко*, д-р филол. наук, проф. (Россия)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)   *М. Н. Русецкая*, д-р пед. наук, проф. (Россия)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)   *И. А. Семина*, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)   *Т. С. Сорокина*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)   *И. И. Убин*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (Литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (Ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бондарчук Г. Г.

Роль языковых знаков разных типов в становлении и развитии английских наименований одежды 11

Барина И. В.

Особенности семантики абстрактных неологизмов-существительных, образованных при помощи суффиксов «-ness» и «-ism» 21

Демина М. А., Шевелева Е. О.

Просодическая выделенность смысловых доминант концепта «power» в дискурсе политических дебатов 27

Ефремова Д. А.

Функционально-семантические особенности личных местоимений в тексте биографических очерков 40

Кузнецов В. Г.

Лексические лакуны и границы переводимости 50

Мухин С. В.

Лингвокультурологические модели фразеологического калькирования 60

Раренко М. Б.

Историко-дискурсивные основания возникновения социальной рекламы в российском обществе 67

Рыжжина Е. В.

Перекодирование имени в ходе фразеологической номинации как проявление интерпретирующей функции языка 84

Сапронова А.-М. В.

Просодические и невербальные характеристики политического дискурса 96

Скворцова Н. С.

Роль антонимического образа в формировании семантики фразеологических единиц 105

<i>Таунсенд К. И.</i> О неизвестном переводчике в России XVIII века (рукописные переводы архимандрита Ювеналия Смирнова)	114
<i>Уралова Л. А.</i> Устойчивые словесные комплексы в «живой» речи англичан	127
<i>Щербань О. В.</i> Семантическая деривация в английской фразеологии как продукт языковой интерпретации	135

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Сязск И. В.</i> Что скрывает «Туманность Андромеды»?	145
<i>Толкачев С. П.</i> «Малый английский» как «другой»	152

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Родионова О. В.</i> Проблема феномена Востока в культуре России в XIX–XX веков	160
<i>Силантьев Р. А.</i> К проблеме классификации организаций, запрещенных в России	177

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Васильев В. А.</i> Философы-стоики о проблеме блага	189
<i>Прокудина Д. А.</i> Университетский музей в современном обществе: возможности, проблемы, задачи	201

CONTENTS

LINGUISTICS

Bondarchuk G. G.

The Role of Different Types of Language Signs in the Formation
and Development of English Dress Names 11

Barinova I. V.

Semantic Features of Abstract Neologisms Formed
by Means of the Suffixes '-ness' and '-ism' 21

Demina M. A., Sheveleva E. O.

Semantic Dominants of the Concept «Power» in Political Debates
and Their Prosodic Prominence 27

Efremova D. A.

Semantic and Functional Peculiarities of Personal Pronouns
in Biographical Sketches 40

Kuznetsov V. G.

Lexical Lacunae and Borders in Translation 50

Muhin S. V.

Linguocultural Modes of Phraseological Loan-Translation 60

Rarenko M. B.

Historical and Discursive Grounds for the Emergence
of Social Advertising in Russian Society 67

Ryzhkina E. V.

Personal Name Recoding in Idiom Formation as Reflection
of Linguistic Interpretation 84

Sapronova A.-M. V.

Prosodic and Nonverbal Characteristics of Political Discourse 96

Skvortsova N. S.

The Role of Antonymic Image in Formation
of Phraseological Semantics 105

<i>Taunzend K. I.</i> An Unknown Russian Translator of the 18th Century (manuscripts by Archimandrite Juvenalis Smirnov)	114
<i>Uralova L. A.</i> Stable Many-Word Complexes in English Everyday Oral Communication	127
<i>Scherban O.</i> Semantic Derivation in English Phraseology as a Product of Linguistic Interpretation	135

LITERARY STUDIES

<i>Sääsk I. V.</i> What Is Hidden in Andromeda Nebula?	145
<i>Tolkachev S. P.</i> The “English” as the “Other” Language	152

CULTUROLOGY

<i>Rodionova O. V.</i> The Problem of the East in Russian Culture 19 th – 20 th Centures	160
<i>Silantyev R. A.</i> To the Problem of Classification of Prohibited in Russia Organizations	177

PHILOSOPHY

<i>Vasiliev V. A.</i> Philosophers Stoicos about the Problem of Welfare	189
<i>Prokudina D. A.</i> University Museum in the Modern Society: Opportunities, Problems, Challenges	201

В этом году исполнилось бы 90 лет выдающемуся лингвисту, главному научному сотруднику Института языкознания РАН РФ, доктору филологических наук, профессору Елене Самойловне Кубряковой. В честь этого юбилея кафедра лексикологии провела традиционные ежегодные лексикологические чтения «В поисках сущности языка». Именно этой задаче Елена Самойловна посвятила свою долгую плодотворную творческую научную деятельность. В этом же направлении продолжают работать и ее многочисленные ученики, развивая в своих исследованиях положения и методику когнитивно-дискурсивной научной парадигмы, разработанную Е. С. Кубряковой.

Участие в чтениях известных современных российских лингвистов, чьи статьи собраны в разделе «Языкознание» в Вестниках 7 (779) и 9 (781), отражают традиционные связи нашего университета с академической наукой, которые закладывались уникальными лекциями, читаемыми ежегодно в стенах нашего университета Е. С. Кубряковой. Благодаря ее руководству аспирантами и докторантами кафедры тематика ежегодных лексикологических чтений всегда отвечала современным международным научным разработкам.

Именно такое название «В поисках сущности языка» объединило в двух упомянутых вестниках разных авторов, практикующих различные подходы к загадке языка и работающих с материалом различных языков.

Надеемся, что выдающемуся ученому, а для многих из нас руководителю, было бы интересно полемизировать с новым поколением лингвистов, которых по-прежнему интересует загадка сущности человеческого языка и пути способов его описания.

УДК 81'22

Г. Г. Бондарчук

доктор филологических наук, профессор; профессор каф. лексикологии
английского языка факультета английского языка МГЛУ;
тел. 8 (499) 245 31 21

РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ РАЗНЫХ ТИПОВ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ АНГЛИЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ

В статье категория английских наименований одежды рассматривается с семиотической точки зрения. Автор предпринимает попытку определить, к какому классу знаков относится большинство рассматриваемых наименований. Подчеркивается, что за историей категории английских наименований одежды стоит история изменения типов знаков, в том числе превращение мотивированных знаков в немотивированные / демотивированные и, наоборот, превращение одних семиотических типов в другие, а также создание в современном английском языке разных типов знаков.

Ключевые слова: категория; когнитивный подход; концепт; категоризация; семиотическая функция; дискурс.

G. G. Bondarchuk

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor;
Professor at the Chair of English Lexicology, English Department,
MSLU; tel. 8 (499) 245 31 21

THE ROLE OF DIFFERENT TYPES OF LANGUAGE SIGNS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ENGLISH DRESS NAMES

In the article the category of English dress names is studied from the semiotic point of view. The author makes an attempt to find out to what classes of signs the majority of names under investigation belong. It is stressed that changes in the development of the category of English dress names are based on changes of different types of signs including transformation of motivated signs into non-motivated / demotivated and vice versa transformation of certain semiotic types into some other ones as well as creation of different types of signs in modern English.

Key words: category; cognitive approach; concept; categorization; semiotic function; discourse.

Цель нашего изучения членов категории английских наименований одежды заключалась в том, чтобы взглянуть на наименования

одежды с семиотической точки зрения, а именно – проследить, к какому классу относятся эти знаки естественного языка. Результаты исследования показали, что большинство современных наименований одежды принадлежат к знакам-символам, поскольку в них связь между означаемым и означающим является произвольной. Это в первую очередь простые слова, принадлежащие в основном к базовому уровню категоризации, такие как *dress, shoe, suit, hat, shirt, trousers* и др.

Не следует, однако, забывать, что относить знаки к определенному типу можно лишь в **синхронном** плане, поскольку в **диахронном** плане они могли относиться к другому типу. Так, некоторые из приведенных выше наименований-символов в настоящее время действительно являются знаками произвольными, но их этимология указывает на то, что в плане своего происхождения они были знаками **мотивированными**, в частности **иконическими**. Например, этимология приведенного выше слова *shirt* (ср.-англ. *sherte, shurte* от *общегерман. skurtjoin*, англ.-сакс. *scyrte* vs. англ.-сакс. *scort short*) *рубашка, сорочка* говорит о том, этот предмет одежды был назван так потому, что был коротким (*short*), ср. англ.-сакс. *skyrte* от *scort short*. Таким образом, слово *shirt* при своем появлении в английском языке представляло собой иконический знак-образ, в котором было отражено такое *простое качество* (по терминологии Пирса) означаемого, как его размер, в частности длина. Ср. с исланд. *skyrta* “a shirt”, kind of kirtle; швед. *skjorta*, дат. *skiorte*, названным так, поскольку они *короткие* (*short*) [Skeat 1967, с. 482]. Или: современное английское слово *smock* (ср.-англ. *smok* “a woman’s shirt”, англ.-сакс. *smoc, тевтон. *smugnoz, инд.-евр. *smugnos, тевтонское *smug-* представлено в англ.-сакс. *smog-* (слабая форма глагола *smugan* “to creep into”), т. е. название предмету одежды было дано по **характеру движения**, которым его надевали: в него «влезали», «надевали через голову». Ср. с иотл. глаголом *smook* – «надевать перчатку или чулок». В исландском языке *smokkr* “a smock” произошло от *smog-* слабой формы глагола *smjuga* “to creep through a hole, to put on a garment over the head”. Ср. со ср.-швед. словом *smog* “a round hole for the head” [Skeat 1967, с. 496].

Есть *иконические* знаки и среди созданных в новейший период названий одежды. К ним, видимо, можно отнести созданные на основе метафоры наименования, вызывающие **образ** предмета одежды

в разных аспектах: например, мы представляем форму предмета одежды или его фасон, когда слышим слова *bubble skirt*, *tube sock*, *drain-pipe trousers* или название брюк в форме колокола *bells*, расклеванных брюк *flares*, облегающего женского нижнего белья *body stocking*, широкой блузы без рукавов *shell* и др., а также некоторые названия направлений моды, например, **layered look** (1972) “a fashion in clothes in which garments of various types and lengths are worn one over the other” [B 2, с. 278], **Big Look** “a fashion in woman’s clothes introduced in 1974, characterized by loose, broad, voluminous designs” [B 2, с. 65].

Слово может вызывать у нас образ другого предмета одежды, на который данный предмет похож, как в случае с *pantskirt* “a divided skirt resembling trousers” [B 1, с. 346], *pantdress* “a dress with a skirt and sewed like trousers; a dress with culottes” [B 1, с. 346], *shirt-jacket* (1973) “a lightweight, shirtlike jacket with an open collar and either long or short sleeves” [B 2, с. 419].

Интересный случай представляют наименования **V-shirt** и **T-shirt**. *V-shirt* – иконический знак по форме выреза: так как вырез напоминает букву V, то с ее помощью образ фасона и передан в наименовании. В слове *T-shirt* буква T, как зарегистрировано словарем [М, с. 268], тоже повторяет форму изделия, хотя и существует мнение, что буква T – это сокращение от слова *tennis*.

Мы можем представить **манеру действия** предмета, например, юбки *cuddle skirt* (1958), которую обычно шьют из толстого мягкого материала, поскольку знаем значение глагола *cuddle* «крепко обнимать; обволакивать»; или костюма *drape suit* (1952), так как *to drape* означает «драпировать; ниспадать красивыми складками». Наконец, можем представить **манеру издавать звуки**: «шлепки» *flip-flop sandals*, или *flip-flops* (1969) “... so called from the flip-flopping motion of the sole hitting against the foot” [B 2, с. 200].

Можно говорить об **иконичности**, но уже в ее **диаграмматическом** варианте, т. е. о соответствии отношений между частями языковой структуры и частями концептуальной структуры, отражающей действительность, рассматривая категорию одежды в целом. В настоящее время в рассматриваемой категории наряду с простыми словами существует целый ряд сложных и производных слов (*evening dress*, *jogging shoe*, *bubble skirt*, *russeting*). Противопоставление простых знаков указанным сложным знакам того же уровня языка может

рассматриваться как отражение простоты / сложности соответствующих им понятий, т. е. как одно из проявлений **иконической мотивированности**, поскольку, согласно данному принципу, то, что более сложно в жизни, должно быть передано и более сложными знаками. Тогда ясно, что концепт «вечернее платье» более сложный, чем концепт «платье», и поэтому он обозначается более сложным языковым знаком *evening dress*. Представляется логичным поэтому, что принцип иконической мотивированности усматривается и в иерархии знаков внутри категории одежды.

Е. С. Кубрякова о разных случаях проявления диаграмматического иконизма пишет: «... предложения, организованные «в одну сторону», своим способом такого развертывания легко делают такую схему предложения иконическим образом ситуации. Реализация предложений в определенном порядке открывает возможности диаграмматического иконизма, тогда как в строении системы иконизм может проявиться только там, где отдельные участки этой системы должны быть иерархизированы» [Кубрякова 2004, с. 502].

Исследование показало, что в категории одежды можно выделить три уровня – суперординатный, базовый и субординатный, при этом элементы суперординатного и базового (родового) уровня обозначаются, как правило, простыми словами (*attire, habit, boot, gown, dress*), а элементы субординатного (видового) устроены сложнее и представляют собой производные или сложные слова (*creeper, leisure suit, granny dress*). Таким образом, и здесь структура означающего иконически мотивирована структурой означаемого: простому понятию соответствует простое выражение (простое слово), а более сложному, производному понятию – более сложное (производное или сложное слово).

Принцип иконической мотивированности помогает по-новому взглянуть и на другие вопросы, ждущие своего разрешения. Например, на вопрос о декодировании английских синтаксических сложных слов. Как отмечалось в предыдущей главе, вместе с лексическим и корреляционным синтаксическое / дефиниционное словообразование составляет три основных типа словообразовательных процессов по аналогии, выделенных Е. С. Кубряковой в ее классификации, основанной на разнообразных ассоциациях, лежащих в основе аналогии, конкретном источнике будущего аналогического образования и модели механизма аналогии [Кубрякова 1977; Kubrjakova 1978].

Синтактико-ориентированный подход к словосложению, не раз подвергавшийся критике в теоретической литературе¹, позволял тем не менее восстановить предполагаемый источник деривации, т. е. мотивирующую конструкцию, и предложить правила перехода от нее к реальному композиту. При этом становилось очевидным, какие звенья исходной конструкции должны быть опущены, а какие – сохранены / унаследованы. Данный подход позволял также выявить, какие мотивирующие конструкции играют особую роль, выступая в качестве концептуальных оснований для создания сложных слов в изучаемой сфере. Наконец, при обращении к перифразе выявилась семантическая неоднородность сложных слов, что позволило подойти по-новому к их классификации.

Вместе с тем в рамках рассматриваемой проблемы существуют, естественно, и другие вопросы, которые ждут еще своего разрешения, например, вопросы о том, **почему** синтаксические сложные слова обладают семантической неоднородностью, **от чего зависит** степень такой неоднородности, или, другими словами, на чем основывается глубина их семантической структуры, степень их компрессии?

Традиционно приводимые в этом случае объяснения, ставящие степень мотивированности слова в прямую зависимость от естественности / легкости реконструкции опущенной части мотивирующей структуры или объясняющие невысокую степень мотивации слова его отдаленностью от мотивирующего суждения, подчеркивающие необходимость инференции при интерпретации подобных слов, представляются совершенно справедливыми. Вместе с тем обращение к другим областям лингвистического знания, в частности к **семиотике**, позволяет предложить и несколько иные ответы на поставленные выше вопросы.

С семиотической точки зрения английские сложные слова – это языковые знаки, являющиеся в основной своей массе продуктом пропорциональной языковой аналогии, которая по своей природе диаграмматически иконична, т. е. представляет собой икону отношений [Antilla 1975, с. 19].

Известно, что **диаграмма** (diagram), наряду с образом (image), была выделена Ч. Пирсом в его типологии как один из видов **иконических**

---

¹ См., например, критический обзор синтактико-ориентированного словосложения в работе О. В. Мешкова [Мешков 1985, с. 25–64].

знаков, которые, в отличие от индексов и символов, в своем значении каким-то образом отражают их форму [Pierce 1931]. Как справедливо полагает большинство ученых, диаграмма более важна для всех знаковых систем, чем образ. Одна из причин заключается, видимо, в том, что в отличие от образа (акустического, визуального, обонятельного или тактильного), который, также как и фотография, старается быть полностью похожим на свой референт, диаграмма является несколько размытым (*attenuated*) иконическим знаком в том смысле, что хотя составляющие его компоненты могут и не напоминать то, что они обозначают, но связи между этими компонентами примерно такие же, как в жизни у обозначаемого ею референта, например связи между мыслями, которые они обозначают. Типичным примером могут служить языковые модели типа высказывания Юлия Цезаря «*Veni, vidi, vici*», которые диаграмматически иконичны, поскольку в них порядок слов соответствует последовательности событий в жизни. При этом необходимо помнить, что языки используют формальные связи между частями высказываний для иконической репрезентации и простых, и очень сложных концептов.

Говоря о проникновении диаграмматической иконичности в язык, обычно выделяют разные виды ее отражения в нем, среди которых при рассмотрении данного вопроса нас больше всего интересует феномен **отчуждения / разрыва (alienation)**, или **концептуального расстояния (conceptual distance)**, а еще точнее – такое его формальное выражение, как **координация (coordination)**. Суть данного вида диаграмматической иконичности можно сформулировать следующим образом: чем дальше удалены по смыслу какие-либо понятия в жизни, т. е. чем больше между ними концептуальное расстояние, тем больше и формальное расстояние в высказывании между номинирующими их лексическими единицами. Другими словами, формальное расстояние между частями высказывания отражает концептуальное расстояние между обозначаемыми понятиями¹.

Если подходить к вопросу о семантической неоднородности английских сложных слов с позиции рассмотренных выше теоретических положений, становится очевидным, **почему** данные слова обладают разной семантической глубиной. Компоненты таких сложных слов называют самые разные понятия, которые, естественно, в жизни

---

¹ О координации подробнее см. работу Шандлера [Schachter 1977].

удалены друг от друга на разное концептуальное расстояние. По этой причине синтаксические сложные слова семантически однородными быть просто не могут.

Семиотический подход помогает более детально объяснить и вопрос о степени семантической компрессии таких композитов, которая, несомненно, зависит от семиотического характера мотивирующих суждений, лежащих в их основе и обладающих диаграмматической иконичностью: чем длиннее фраза, лежащая в основе синтаксического сложного слова, и чем дальше удалены в ней лексические единицы, являющиеся компонентами его поверхностной структуры и обозначающие определенные понятия или предметы жизни, тем выше степень компрессии значения слова и тем сложнее декодировать его значение.

Чтобы проиллюстрировать рассмотренные выше теоретические положения, приведем в качестве примера несколько английских наименований одежды, представляющих собой сложные существительные, образованные по традиционной для английского словосложения модели **n+n**. Часть таких слов «расшифровывается» легко, поскольку в их основе лежит короткая фраза, в которой отношения между обозначаемыми понятиями в жизни можно объяснить при помощи таких словосочетаний, как *for / against smth, made of, worn by / at, having smth* и др. Так, ясно, что *jogging shoes* – это *shoes for jogging*, *silk shirt* – *shirt made of silk*, *workwear* – *wear for / worn at work*, *trouser suit* – *suit having trousers* и т. д.

Вместе с тем в последнее время в английском языке создается всё больше сложных слов, при интерпретации которых необходимо использовать предложение / суждение. О значении некоторых из них всё же можно догадаться: *pantshoes* – особый фасон туфель, который носят только с широкими расклешенными брюками (*shoes worn with flaring or bell-bottomed trousers*). В то же время другие синтаксические композиты характеризуются высокой степенью идиоматичности: *earth shoes* – “*shoes introduced into the United States from Denmark (where they originated) on Earth Day (April 22 of 1970)*” [В 2, с. 163–164]. Иногда в мотивирующем суждении левый компонент сложного наименования вообще не присутствует, что создает, на наш взгляд, дополнительные трудности при «расшифровке» значения такого слова. Например, в поверхностной структуре слова *fun fur искусственный*

mex из дефиниции сохранено лишь *fur* (“relatively inexpensive or synthetic *fur* for casual wear” [6000 Words, с. 79]).

Представляется, что исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что синтаксические сложные слова в английском языке «наследуют» сложность суждений, лежащих в их основе. При этом степень мотивированности значений таких слов, являющихся аналогическими образованиями, согласно принципу диаграмматической иконичности обратно пропорциональна длине суждения и удаленности в нем друг от друга номинаций обозначаемых понятий.

Как отмечалось, по мнению Ч. Пирса, принадлежность знака к одному из трех классов носит не абсолютный, а относительный характер, поскольку знак может одновременно иметь и черты иконичности, и черты индексальности, и черты условности, поэтому при отнесении его к одному из классов нужно учитывать, какие черты в нем преобладают. Данное утверждение совершенно справедливо и в отношении наименований одежды в английском языке, среди которых наряду со знаками-символами и иконическими знаками встречаются знаки, обладающие чертами и первого, и второго из указанных классов, но у которых **индексальные** характеристики выходят на первый план. Такие знаки-индексы, обозначающие семиотически маркированные объекты, пополняли категорию английских наименований одежды на протяжении всей истории английского языка. Достаточно сказать, что само существительное *dress платье* – одно из основных слов базового уровня данной категории, – образованное в 1606 г. по конверсии от глагола *to dress одеваться*, впервые упомянутое в тексте трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра», было семиотически окрашенным, так как обозначало одежду, соответствующую либо определенному рангу человека, либо определенной ситуации ношения, например одеваемое на какую-либо торжественную церемонию: “clothing, especially appropriate to rank or a specific ceremony” [BDE, с. 301]. Позднее, в 1638 г., у слова *dress* было зарегистрировано значение, в котором оно широко употребляется по настоящий день – *женское платье*, и которое, как мы видим, тоже является семиотически маркированным, поскольку указывает на пол носителя.

Говоря об английских наименованиях одежды, являющихся знаками-символами, нельзя отдельно не упомянуть современный слой этой лексики, содержащий большое число новых слов с семиотическим

характером, имеющих индекс (обычно название фирмы или имя дизайнера) непосредственно в своей поверхностной структуре. Они не только служат обозначением определенного предмета одежды, но и обладают концептуальными характеристиками, связанными с использованием данного предмета одежды в семиотической функции как знака принадлежности носящего его человека к той или иной категории людей, различающихся по полу, возрасту, профессии, социальному статусу и т. д. (*Dior dress, Versace suit, Gucci cardigan* и др.). Другими словами, смежность означающего и означаемого здесь проявляется в том, что в каждом акте произнесения их означающих происходит отсылка к фирме-изготовителю, и наименование одежды воспринимается как индекс богатства, хорошего вкуса и т. п.

Таким образом, в статье были рассмотрели случаи семиотически маркированных объектов, обозначения которых указывают на определенные характеристики одежды (пол, тип ситуации ношения и др.), имея в своей внутренней форме соответствующие имплицитные признаки, обнаружение которых связано с проведением этимологического анализа.

На основании проведенного исследования можно сделать общий вывод о том, что за историей категории английских наименований одежды стоит история изменения составляющих ее типов знаков: 1) превращение мотивированных знаков в немотивированные / демотивированные и наоборот; 2) превращение одних семиотических типов в другие, а также создание разных типов знаков в современном английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кубрякова Е. С.* Семантика синтаксиса и некоторые проблемы словообразования // Предмет и методы синтаксической семантики. М., 1977. С. 123–133. (Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца; вып. 112.)
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
- Меиков О. Д.* Словосложение в современном английском языке. М. : Высшая школа, 1985. 187 с.
- Antilla R.* The indexical element in morphology // Innsbruck Beiträge zur Sprachwissenschaft, 12. Innsbruck : Institut für Sprachwissenschaft der Universität, 1975. P. 17–25.
- Barnhart C. L., Steinmetz S., Barnhart R. K.* The Barnhart Dictionary of New Words. London, 1973. – 520 p. (B 1)

- Barnhart C. L., Steinmetz S., Barnhart R. K.* The Second Barnhart Dictionary of New Words. N. Y., 1980. 512 p. (B 2)
- Barnhart R. K., Steinmetz S.* The Barnhart Dictionary of Etymology. N. Y.: The H. W. Wilson Company, 1988. 1284 p. (BDE)
- Kubryakova E.* On the theory of word-formation // Proceedings of the Twelfth International Congress of Linguistics. Innsbruck : Institut für Sprachwissenschaft der Universität, 1978. P. 441–443.
- Pierce Ch. S.* Collected papers. Vol. 2. Elements of logic. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1931. 431 p.
- Schachter P.* Constraints on coordination // Language. 1977. # 53. P. 87–100.
- The Morrow Book of English. N. Y., 1982. 465 p. (M)
- 6000 Words. A Supplement to Webster's Third New International Dictionary. Springfield (Mass.), 1976. 512 p.

УДК 81'37

И. В. Барина

кандидат филологических наук, доцент;
заведующая каф. лексикологии английского языка,
факультет английского языка, Московский государственный
лингвистический университет; iv-barinova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ АБСТРАКТНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ПРИ ПОМОЩИ СУФФИКСОВ «-NESS» И «-ISM»

В статье рассматриваются особенности семантики недавно возникших существительных, образованных суффиксальным способом при помощи элементов «-ness» и «-ist». Наличие указанных суффиксов предполагает абстрактное значение у всех существительных. Анализ примеров свидетельствует о возможности изменения оттенка значения слова по сравнению с тем, которое можно предположить с учетом семантики мотивирующего слова и суффикса. В статье приводятся примеры расширения и сужения значения мотивирующего слова.

Ключевые слова: словообразование; суффиксация; абстрактные существительные; производное слово; сужение значения; расширение значения.

I. V. Barinova

Moscow State Linguistics University,
Department of the English Language
(Lexicology of the English Language), PhD;
e-mail: iv-barinova@mail.ru

SEMANTIC FEATURES OF ABSTRACT NEOLOGISMS FORMED BY MEANS OF THE SUFFIXES 'NESS' AND 'ISM'

The article centres on the peculiarities of newly formed nouns with the 'ness' and 'ist', both of which determine the abstract character of the noun. The analysis of a number of examples proves the possibility of certain changes in the lexical meaning of words compared to the expected meaning of the derivative. There are cases of the narrowing and extension of meaning.

Key words: word formation; suffixation; abstract nouns; derivative; narrowing of meaning; extension of meaning.

Суффиксальный способ образования новых слов играл в английском языке чрезвычайно важную роль на всех этапах развития; в частности, продуктивными на протяжении долгого времени являются суффиксы *-ness* и *-ism*. В настоящее время словари неологизмов

фиксируют достаточно большое число существительных, образованных по формулам «Adj. + *ness*», «Participle + *ness*» и даже «Pro-noun + *ness*»; при этом чаще всего новые слова образуются от имен прилагательных (93 % из всех рассмотренных примеров). Абсолютно во всех рассмотренных нами случаях использования указанного суффикса для образования абстрактных существительных действуют принципы, сформулированные Е. С. Кубряковой: «Производное слово... черпает свое значение из мотивирующего его слова» [Кубрякова 1981, с. 8], «Словообразовательное значение предопределяет главные особенности смысловой структуры производного» [Кубрякова 1981, с. 6]. Действительно, все рассмотренные слова – мотивирующие и мотивированные – связаны семантически; значение суффиксов *-ness* и *-ism* – придание абстрактности смыслу слова, и эти положения справедливы во всех случаях.

Необходимо отметить, что при более подробном рассмотрении семантики неологизмов, оказывается, что возможно некоторое изменение значения слова по сравнению с тем, которое можно прогнозировать, учитывая семантику мотивирующего слова и суффикса. Рассмотрим примеры, представленные в словарях неологизмов.

Интересно сравнить слова *unemployment* и *worklessness*, которые на первый взгляд могут обозначать одно и то же явление – отсутствие работы. Однако при анализе контекстов употребления этих слов можно прийти к выводу, что значения оказываются несколько разными за счет дополнительных смыслов, приобретенных вторым существительным. Слово *unemployment* зафиксировано словарями и определяется как «the state of being unemployed», а также «the rate of such unemployment» [ODEL]; слово *workless* есть в словаре «Merriam-Webster», определяемое как «being without work», т. е. фактически «unemployed». В последнем указанном словаре вместе с прилагательным *workless* присутствует также существительное *worklessness*, но отсутствует его дефиниция, из чего можно сделать вывод, что значение полностью производно от прилагательного *workless*, и в таком случае *unemployment* и *worklessness* оказываются синонимичными. Если рассмотреть определение *worklessness* как «the condition of being unemployed and having little or no prospect for employment», предложенное на сайте www.wordspy.com, а также контексты его употребления, можно прийти к выводу о различиях между ним и словом

unemployed. Во всех контекстах вместе со словом *worklessness* встречаются сочетания: *physical and infrastructure dilapidation, lack of educational opportunities, deprived area, dangerous rule-breakers, lone parenthood, homelessness, social housing, difficult conditions imposed by the state, exploitation, vulnerability and destitution, increase in community tension* и др. В прессе было высказано наблюдение, что термин *worklessness* частично заменяет слова *chronic unemployment* и *persistent unemployment*, подчеркивая некоторые из признаков, им выражаемых (отсутствие работы на протяжении долгого времени). Таким образом, мы видим, что во всех случаях употребления этого слова речь идет о длительной безработице как социальном явлении, вызываемом и сопровождаемом целым рядом негативных обстоятельств, с которыми гражданам без поддержки государства очень трудно справиться.

Рассмотрим существительное *heartfulness*, образованное от прилагательного *heartful* (*characterized by deep emotion or sincerity of expression; genuine, sincere, heartfelt; of an emotion: deeply or acutely felt; intense*) и с XVII в. имевшее значение «the fact or quality of being heartful; sincerity or warmth of feeling or expression», приобрело недавно другое значение – «a type of meditation that involves being aware of your heart, thought to create a feeling of calm» [ODEL], которое в практике медитации переводится словом *сердечность*. Такой перевод, вероятно, не вполне отражает смысл термина, так как русское слово *сердечность* имеет значение «доброта, сострадательность, отзывчивость, душевность, искренность и т. д.» [CO], что не является сутью рассматриваемого вида медитации. Слово *heartfulness* скорее обозначает сердечное спокойствие, вызывающее расслабленность и спокойствие всего организма человека: «The heartfulness technique shows us to gently turn our attention towards our heart and experience that inner presence for ourselves» [MEC].

Другое существительное, образованное при помощи суффикса *-ness*, также имеет значение, отличное от ожидаемого, учитывая дефиницию мотивирующего слова *overconnected* – «excessively connected; having too many connections» [YD]. *Overconnectedness*, однако, обозначает не просто связи, а только связи, устанавливаемые при помощи современных интернет-технологий; таким образом, происходит сужение значения, конкретизация исходного слова.

Есть случаи, когда значение деривата абсолютно мотивировано. Так происходит с существительным *presidentialness*, обозначающим

«the physical and mental qualities that make a person appear to be suitable for the job of United States president» [WS]. Значение полностью соотносится с дефиницией прилагательного *presidential* – «having a bearing or demeanour befitting a president» [ODEL]. В проанализированных нами примерах в большинстве случаев описываются физические характеристики кандидата на пост президента США: «He's big, he's masculine, with the towering height, the stentorian voice, the measured demeanor» [Kerr 2010, с. 129], но есть примеры, в которых акцентируются иные качества человека, например, ораторское умение: «One slip of the tongue and your presidentialness can go up in flames» [Kerr 2010, с. 130].

Интересно абстрактное существительное *somewhereness*, не являющееся, собственно, неологизмом. В своем мотивированном значении («The state or quality of existing in a place that is unknown or cannot be pinpointed») [WS] оно впервые употребляется конце XIX в.; очевидно, что значение непосредственно связано с семантикой неопределенного местоимения *somewhere* – «some unspecified place». Однако позднее, в конце XX в., возникло новое значение этого слова: «the state or quality of being in, occurring in, or belonging to a specific place» [WS], т. е. «происходящий в определенном месте / из определенного места». Словари приводят фразу «For politics is defined by its *somewhereness*, its concrete historicity in the real world of human beings» [Barber 1984, с. 64]. Далее, в начале XXI в., происходит сужение указанного значения, фактически превращая его в винодельческий термин: «a unique set of characteristics that identify a wine with a particular geographical area» [WS]. Авторы сайта, посвященного канадским винам, производимым на берегу озера Эри, в своих описаниях термина «*somewhereness*», характеризующего их продукцию, делают его значение еще уже, включая в него указание на время производства вина, почву, на которой рос виноград, климат места, а также особенности производства.

Нам встретились и противоположные примеры: случаи расширения значения слов-дериватов, что произошло, в частности, с причастием *woke* и существительным *wokeness*. У указанного причастия, существовавшего в неофициальном стиле американского варианта английского языка, было значение «alert to injustice in society, especially racism» [ODEL]. В сентябре 2016 г. в британском журнале «Elle» была опубликована статья под названием «Why Is Everyone Saying The Word

‘Woke’?»), в которой речь шла о популярности этого слова, и приводились контексты с его употреблением: феминизм, участие молодежи в политических процессах, несправедливое обращение с американцами афроамериканского происхождения, поиск новых знаний и правды, т. е. равнодушное отношение ко всему неправильному, что происходит в обществе и отрицательно влияет на его развитие. Таким образом, постепенно произошло существенное расширение значения причастия, которое не было отражено в словарях; в значении же неологизма *woke-ness* – возможность его употребления в самых разных контекстах.

В ходе исследования были также рассмотрены неологизмы, образованные при помощи суффикса *-ism*, который в ряде слов имеет значение, несколько отличное от традиционно описываемых. В. Ф. Новодранова пишет о пяти значениях слов с указанным суффиксом: «процесс», «отклонение от нормы», «отравление», «заболевание», «научное направление» [Новодранова 2008, с. 46]. Таким образом, суффикс *-ism* в любом случае служит для образования абстрактных существительных. Встречаются слова, которые, являясь абстрактными, обозначают поведение людей в целях достижения определенной цели, и степень абстрактности этого значения представляется меньшей, чем в вышеперечисленных случаях. Существительное *craftivism*, образованное от слова *craft*, связано с активной деятельностью граждан, особенно женщин, цель которых – привлечь внимание общества к той или иной насущной проблеме; при этом активисты используют сделанные вручную вещи как символ своей приверженности мирным идеалам, а также доброты и человечности. Акцент делается именно на активном использовании поделок, а не теоретическом обосновании своего движения. Аналогичным образом возник неологизм *tartanism* – использование вещей, связанных с Шотландией, для выражения своей любви к этой стране и рекламы для привлечения туристов.

Недавно появились слова, образованные при помощи суффикса *-ism* и связанные с исключением людей из общества на основании определенного признака: *singlism*, *audism*, *adultism* и *voicism*. Существительные обозначают, соответственно, поведение, направленное против одиноких или глухих людей, молодежи и тех, чей голос по определенным причинам не нравится.

Необходимо отметить, что до сих пор появляются существительные, в которых суффикс *-ism* имеет свое прежнее значение – «теория»,

«убеждение, вера во что-либо». Именно это значение суффикс имеет в неологизмах *Trumpism* (теории и философия Президента США Доналда Трампа), *birtherism* (мысль, что Барак Обама не является уроженцем США и, следовательно, не имел права занимать пост Президента страны), *deathism* (утверждение, что науке никогда не удастся сделать людей бессмертными).

Ряд примеров свидетельствуют о том, что суффикс *-ism* в последнее время приобрел и новое значение – «активная деятельность, цель которой – привлечение внимания к своим взглядам и убеждениям, а также выражение критичного отношения к той или иной группе лиц».

Таким образом, при рассмотрении недавно возникших существительных, образованных при помощи суффиксов *-ness* и *-ism*, оказывается, что они в ряде случаев имеют значение, не абсолютно равное сумме значений мотивирующей основы и суффикса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. : Наука. 1981. 199 с.
- Новодранова В. Ф. Словообразовательная полисемия // Тенденции развития английского лексикона: вариативность и многозначность единиц языка. М., 2008. С. 45–48. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 544.)
- Ожегов С. И. Словарь русского языка (СО). URL : www.ozhegov.org.
- Barber B. R. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. University of California Press, 1984. 158 p.
- Kerr Ch. How to Be Presidential: The Secret Handbook for Top-Level Executives and Those Who Aspire to Be. ExecuProv Press, 2010. 134 p.
- Meditation and the Evolution of Consciousness. URL : en.heartfulness.org (MEC)
- Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL : www.merriam-webster.com (MW).
- Oxford Dictionary of the English Language. URL : www.en.oxforddictionaries.com (ODEL).
- Word Spy: The Word Lover's Guide to New Words. URL : www.wordspy.com (WS).
- Your Dictionary. URL : www.yourdictionary.com (YD).

УДК 81'373

М. А. Демина, Е. О. Шевелева

Демина М. А., кандидат филологических наук;
доцент каф. фонетики английского языка ФАЯ ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

Шевелева Е. О., кандидат филологических наук;
доцент каф. лексикологии английского языка ФАЯ ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: shevelev28@mail.ru

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ВЫДЕЛЕННОСТЬ СМЫСЛОВЫХ ДОМИНАНТ КОНЦЕПТА «POWER» В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ

Статья представляет собой попытку установить и доказать концептуальную связь лексико-семантических и просодических характеристик публичных выступлений британских политиков на парламентских дебатах. Сопоставив данные семантического и акустического анализа речевых образцов, авторы отметили, что концепт «Power» объективируется комплексом языковых и внеязыковых средств в политическом дискурсе. При этом просодические показатели речи политиков позволяют выстроить иерархию смысловых доминант в их выступлениях и способствуют более глубокому и полному описанию изучаемого концепта.

Ключевые слова: политический дискурс; семантика; смысловые доминанты; просодическая выделенность; фонопрагматический подход; средняя длительность слога (далее – СДС); частота основного тона (далее – ЧОТ).

M. A. Demina, E. O. Sheveleva

Demina M. A., Associate professor, the Department of English Phonetics,
The Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: malvinademina@rambler.ru

Sheveleva E. O., Associate professor, the Department of English Lexicology,
The Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: shevelev28@mail.ru

SEMANTIC DOMINANTS OF THE CONCEPT «POWER» IN POLITICAL DEBATES AND THEIR PROSODIC PROMINENCE

The present article aims to prove the connection between lexical-semantic and prosodic characteristics of the speeches of British politicians in parliamentary debates. Having compared the data of semantic and acoustic analyses of the speech samples, the authors argue that the concept «Power» is objectified by a complex of linguistic and extralinguistic means in political debates. The prosodic indicators in the politicians' speeches allow constructing a hierarchy of semantic dominants and contribute to a deeper and broader description of the concept.

Key words: political discourse; semantics; semantic dominants; prosodic prominence; phonopragmatic approach; syllable duration; fundamental frequency.

На современном этапе развития когнитивная лингвистика ставит своей целью разностороннее, когнитивно-дискурсивное описание языковых явлений; «экспланаторность» становится одним из важнейших принципов исследования, способствующим переориентации когнитивной лингвистики от «что-лингвистики», в терминах А. Е. Кибрика, к «почему-лингвистике» [Голубкова 2012]. Как зарубежные, так и отечественные лингвисты-когнитологи стремятся максимально полно изучить и обосновать механизмы отражения окружающего мира в сознании человека.

В последние годы наблюдается интерес ученых к поиску концептуальных оснований не только реализации непосредственно языковых явлений в дискурсе, но и использования паралингвистических характеристик, в частности интонационно-просодического оформления речи [Демина, Шевелева 2016]. Актуальность подобных исследований определяется тем, что данное направление позволяет изучить разноплановые репрезентации многочисленных объектов окружающей действительности и определить статус и характер взаимодействия их лингвистических и паралингвистических особенностей в речи.

Данная статья представляет собой попытку проследить концептуальную связь лингвопрагматических и паралингвистических характеристик речи, а также предлагает краткое описание методики установления этой связи, в основе которой лежит комплексный анализ дискурса политических дебатов.

Материалом лингвистического исследования послужили записи публичных выступлений британских политиков (Дэвида Кэмерона и Эда Милибэнда) на парламентских дебатах в 2013 г. о целесообразности военного вмешательства Великобритании в Сирийский конфликт.

Как известно, в акте речи вербализуются коммуникативно-релевантные части тех или иных концептов [Карасик, Стернин 2005, с. 8]. В этой связи первым этапом исследования смыслового содержания отобранных политических выступлений стало выявление в них лексических средств объективации различных ментальных образований.

Так, языковое наполнение отобранных политических выступлений, по результатам исследования, характеризуется рядом смысловых парцелл – блоков лексических единиц (*далее* ЛЕ), объективирующих

цельное смысловое содержание¹ [Карасик 2005]. Семантический анализ ЛЕ, представленных в речевых образцах (более 1 тыс.), показал, что в смысловом отношении используемые говорящими языковые средства распределяются на такие парцеллы, как «War», «Aggression», «Law», «Authority», «Ability», «Intensity», «Conflict». Семантика единиц, номинирующих каждую из парцелл, позволяет говорить о том, что выявленные смысловые блоки складываются в более крупное ментальное образование, а именно, репрезентируют концепт «Power», который на языковом уровне характеризуется семантической гетерогенностью. На концептуальном уровне ЛЕ, номинирующие каждую из выделенных парцелл, представляют собой ключевые разновидности концепта «Power» и служат важнейшими концептуальными признаками его в речи.

Смысловое наполнение речи Дэвида Кэмерона характеризуется активным использованием четырех парцелл – «War», «Authority», «Intensity» и «Ability». Неоднократное употребление единиц, входящих в парцеллу «War» (*weapon, war, regime, military, battlefield, Syria, Iraq, to arm*), обеспечивает этому признаку смысловую релевантность, фокусирует внимание слушающего на данном смысловом блоке, позволяет говорящему подчеркнуть важность боевых действий для достижения конкретных целей. Смысловой доминантой, или ключевым семантическим элементом, парцеллы «War» выступает ЛЕ *weapon*, поскольку именно эта единица характеризуется наибольшей частотностью в первой речи (10 из 29, или 30 %, словоупотреблений единиц-репрезентантов указанного смыслового блока).

Воинственный характер речи Д. Кэмерона подчеркивает и наличие смысловой парцеллы «Aggression». Несмотря на сравнительно небольшое количественное наполнение («Aggression» вербализуется за счет таких единиц, как: *to invade, crime, attack, rebels*), на глубинном, смысловом уровне данная парцелла, очевидно, поддерживает общую семантику войны, так как ее единицы расположены рядом с вербализаторами смыслового блока «War».

---

¹ Термин «парцелла» широко используется В. И. Карасиком в работе «Антология концептов». Под парцеллой автор понимает определенное лексико-семантическое образование, группу лексических единиц, отражающих единое смысловое содержание. Парцеллы, или смысловые блоки, членившие более крупные фрагменты действительности на более мелкие смысловые образования, обладают различной структурно-семантической организацией, состоят из более мелких смысловых группировок – микрополей.

Интересно, что Д. Кэмерон, стремясь подчеркнуть значимость государственной поддержки военных действий, употребляет ЛЕ, объективирующие смысловую парцеллу «Authority». При этом такие ЛЕ, как *government* (семантическая доминанта парцеллы), *the House, the House of Commons, the Joint Intelligence Committee* и др., служат дополнительной смысловой опорой блока «War», так как расположены в непосредственной близости от репрезентирующих его единиц. Кроме того, наряду с ЛЕ, объективирующими признак «Authority», употребляются и единицы, определяющие небольшую парцеллу «Law» (*legal* – ее ключевая единица и смысловая доминанта; *independent judgement, explicit, vote*). На наш взгляд, это свидетельствует о желании премьер-министра обосновать легитимность решения правительства вести боевые действия в Сирии.

Агрессивную риторику Д. Кэмерона подчеркивает и использование ЛЕ, вербализующих смысловую парцеллу «Intensity», в частности *most, abhorrent, massive, much, large-scale, ultimately* и ряд других. Семантическим ядром данного смыслового блока выступает *ultimately*. Определяющий статус указанной единицы подтверждает и ее семантика: компонент «максимальная степень интенсивности» в семантической структуре *ultimate* одновременно является одним из доминантных признаков концепта «Power» [Шевелева 2015]. Примечательно, что Д. Кэмерон использовал именно данную единицу, утверждая факт использования Сирией оружия массового уничтожения, и тем самым указывая на ключевую причину начала военной операции против Башара Асада.

В меньшей степени в речи Д. Кэмерона представлена смысловая парцелла «Ability», которая объективирована такими единицами, как *take sides, responsible, vital, interest, intelligence, doubt, want, will, consider* и др. Приведенные ЛЕ репрезентируют идею о психических способностях; в качестве смысловых стержней при этом выступают единицы *will* и *want*, акцентирующие внимание аудитории на *волевом* характере указанных способностей [Шевелева 2011].

Речь Эда Милибэнда, противника военной операции в Сирии, отличается иным соотношением смысловых блоков. Ключевой парцеллой в данном случае является «Ability», единицы которой, как было упомянуто выше, вербализуют идею психических способностей. Такие ЛЕ, как *decision* (семантическая доминанта), *determine, respect, want, rule out, ensure, belief, sinew, accept* подчеркивают *интеллектуальный* характер способностей (в отличие от *волевого* у Д. Кэмерона). При этом

указанная идея доминирует над всеми остальными как в позиционном плане, так и в семантическом. Интересно, что единицы парцеллы «War» сконцентрированы в начале выступления Э. Милибэнда, далее же их частотность резко снижается. На наш взгляд, подобная локализация несет определенную смысловую нагрузку – парцеллы «Ability» и «War» противопоставляются друг другу в контексте речи. Доказывая нежелательность военной операции в Сирии, политик демонстрирует резкий переход от семантики войны к необходимости более тщательного обдумывания решения о военном вмешательстве в этом регионе и начинает активнее употреблять ЛЕ смыслового блока «Ability».

По-иному использует Э. Милибэнд и единицы парцеллы «Law». Объединяя смысловые блоки «Ability» и «Law», политик обозначает первостепенность законности и здравого смысла по отношению к военным действиям. То же наблюдение касается и смысловой парцеллы «Intensity», единицы которой усиливают ЛЕ блока «Ability».

В ходе рассмотрения семантических особенностей выступлений был отмечен интересный и неординарный статус смысловой парцеллы «Intensity». Политики по-разному прибегают к использованию единиц данной парцеллы. Так, Д. Кэмерон интенсифицирует смысловой блок «War», в то время как его оппонент использует средства интенсификации для усиления семантики «Ability». В этом наблюдении кроется, на наш взгляд, фундаментально разные подходы ораторов к решению внешнеполитических задач. «Intensity» в данном случае приобретает статус коммуникативной категории, от реализации которой в дискурсе дебатов, возможно, зависит их исход.

Полученные результаты во многом подтверждает исследование просодической составляющей речи политиков. Детальный акустический анализ аудиозаписей выступлений, проведенный с помощью компьютерной программы Speech Analyzer 3.0.1, позволят уточнить иерархию смысловых доминант в рассматриваемых выступлениях за счет объективной оценки просодической выделенности вербализаторов концепта «Power» в записанных речевых образцах. При этом просодическую выделенность можно трактовать как базовую когнитивную способность человека, связанную с процессами восприятия и дифференциации явлений действительности на первостепенные и фоновые. Подобное выделение главного и второстепенного в речи реализуется при помощи разноуровневых средств языка. В политическом дискурсе важнейшим

средством выражения коммуникативной значимости определенных лексических единиц является вариативность их просодических характеристик, которые используются говорящим для оказания целенаправленного, преднамеренного воздействия на аудиторию.

Согласно результатам проведенного исследования, главную роль в достижении эффекта просодической выделенности играют показатели средней длительности ударного слога ($CDC_{уд.}$) и значения высотных максимумов частоты основного тона ($ЧОТ_{max}$) в ЛЕ, реализующих концепт «Power» и его концептуальные разновидности в дискурсе политических дебатов. Мелодический диапазон и общая длительность ЛЕ при этом выступают дополнительными ориентирами для аудитории, усиливающими эффект коммуникативной значимости в определенных случаях.

Количественная обработка полученных результатов позволяет ранжировать выявленные ранее концептуальные признаки (далее КП) не только на основе частотности лексических единиц, объективирующих содержание концепта в речи политиков, но также на основе яркости их просодических характеристик (см. табл. 1–4).

Данные, представленные в таблицах 1 и 2, позволяют более глубоко интерпретировать содержание и значение политического выступления Д. Кэмерона. Так, доминирующий по частотности лексических единиц концептуальный блок «War» отличается гораздо меньшей просодической яркостью, чем «Aggression», «Law» и «Intensity». Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о повышенном акцентировании в речи именно этих признаков. Политик, как упоминалось выше, настаивал на необходимости военной кампании в Сирии, утверждая, что Великобритания должна следовать предписаниям международного права и призвать правительство страны к ответственности за использование запрещенного оружия:

We have a summary of the government's legal position making explicit that military action would have a clear legal basis¹.

We have the key independent judgments of the Joint Intelligence Committee making clear *the view* of what happened and who is responsible.

---

¹ Примеры контекстов взяты из выступлений премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона и лидера Лейбористской партии Великобритании Эда Милибэнда в ходе парламентских дебатов в Палате общин по ситуации в Сирии 29 августа 2013 года.

Таблица 1

**Просодические характеристики вербализаторов концепта «Power»
в речи Дэвида Кэмерона**

КП	№ ЛЕ	СДС _{ул.} мс	ЧОТ _{max} Гц	ЧОТ _{min} Гц	ЧОТ _{max} пт	ЧО _{min} пт	Диа- пазон пт
1. War	28	253 (69) ¹	206 (45)	142 (48)	48 (20)	44 (18)	4
2. Authority	24	226 (69)	208 (39)	175 (61)	53 (12)	50 (12)	3
3. Ability	24	263 (101)	203 (38)	167 (50)	53 (13)	49 (13)	4
4. Intensity	20	264 (68)	233 (27)	205 (41)	55 (14)	52 (14)	3
5. Law	19	271 (103)	215 (38)	188 (37)	56 (3)	54 (3)	2
6. Aggression	6	275 (120)	218 (52)	172 (47)	55 (2,5)	52 (4,6)	3
7. Conflict	4	202 (22)	162 (6)	130 (21)	52 (0,5)	48 (2,9)	4

Таблица 2

**Ранжирование концептуальных признаков согласно частотности
и просодической выделенности ЛЕ в речи Дэвида Кэмерона**

Частотность	СДС _{ул.}	ЧОТ _{max}
War	Aggression	Intensity
Authority	Law	Aggression
Ability	Intensity	Law
Intensity	Ability	Authority
Law	War	War
Aggression	Authority	Ability
Conflict	Conflict	Conflict

¹ В таблицах 1 и 3 в скобках указаны показатели среднеквадратического отклонения (SD).

Интересно, что в речи Д. Кэмерона концептуальный признак «Aggression» отличается яркой просодической выделенностью сразу по двум параметрам – СДС и ЧОТ. При низкой частотности лексических единиц, вербализирующих данную смысловую парцеллу, их просодическая выделенность выполняет компенсирующую роль и, на наш взгляд, выражает главную интенцию выступающего – настроить парламент на агрессивное развитие конфликта в Сирии.

В речи второго политика Э. Милибэнда наиболее просодически выделенными оказываются парцеллы «Ability», «Intensity», «War» и «Law» (см. табл. 3, 4). Примечательно, что акустический анализ подтверждает смысловое доминирование признака «Ability» в речи политика. В этой связи можно заключить, что выступающий действительно верит в возможность мирного урегулирования конфликта и в потенциальные силы Великобритании сдерживать военную агрессию в проблемном регионе.

Данное положение подтверждает и просодическое выделение смыслового блока «War», лексические единицы которого достаточно часто встречаются в речи политика. Подобное частотное употребление вербализаторов парцеллы «War», сопряженное с их весьма ярким голосовым выделением, свидетельствует о том, что этот концептуальный признак также служит смысловым стержнем речи Э. Милибэнда, демонстрируя аудитории повышенную значимость обсуждаемого вопроса и чрезвычайно серьезное отношение говорящего к проблеме, а также желание выступающего акцентировать внимание на ужасах, связанных с открытой военной конфронтацией.

Важнейшим просодическим параметром, указывающим на значимость сказанного, является показатель ЧОТ_{max}. Голосовое выделение ключевых слов в выступлении политика достигается путем повышения верхней границы диапазона ЧОТ речи, сопровождающегося обычно увеличением громкости речи. В этой связи наиболее яркой просодической выделенностью обладает концептуальный признак «Law». Политик говорит о порядке мирного урегулирования подобных конфликтов и о необходимости составить доказательную базу, которая послужит законным основанием дальнейших действий Великобритании в данном конфликте:

Evidence should precede decision, not decision – precede evidence.

Mr Speaker, this is fundamental to the principles of Britain: a belief in the rule of law, a belief that any military action we take must be justified in terms of the cause and also the potential consequences.

Таблица 3

**Просодические характеристики вербализаторов «Power»
в речи Эда Милибэнда**

КП	№ ЛЕ	СДС _{ул.} мс	ЧОТ _{max} Гц	ЧОТ _{min} Гц	ЧОТ _{max} пт	ЧОТ _{min} пт	Диа- пазон пт
1. Ability	42	383 (127)	179 (52)	152 (62)	51 (10)	48 (10)	3
2. War	18	294 (110)	135 (42)	119 (53)	48 (4,5)	45 (8)	3
3. Authority	12	281 (126)	164 (43)	137 (41)	52 (4)	48 (5,5)	4
4. Law	11	226 (91)	209 (46)	161 (63)	56 (4)	51 (7)	5
5. Intensity	10	329 (118)	186 (54)	152 (69)	53 (5,5)	49 (9)	4
6. Conflict	5	260 (29)	134 (24)	134 (24)	49 (4)	49 (4)	0
7. Aggression	2	279 (118)	125 (29)	125 (29)	47 (4)	47 (4)	0

Таблица 4

**Ранжирование концептуальных признаков согласно частотности
и просодической выделенности ЛЕ в речи Эда Милибэнда**

Частотность	СДС _{ул.}	ЧОТ _{max}
Ability	Ability	Law
War	Intensity	Intensity
Authority	War	Ability
Law	Authority	Authority
Intensity	Aggression	War
Conflict	Conflict	Conflict
Aggression	Law	Aggression

Именно здесь наиболее ярко проявляется связь лексико-семантических и интонационно-просодических характеристик речи, поскольку как семантический, так и акустический анализ показали очевидную корреляцию смысловых парцелл «Ability» и «Law» в речи Э. Милибэнда, подтверждая приверженность политика рациональному подходу в сложившейся ситуации, в которой государственные деятели должны сохранять здравый смысл, соблюдать закон и воздерживаться от открытой конфронтации.

Соотношение просодических параметров речи политиков наглядно представлено на рисунках 1–3.

На рисунках 2 и 3 очевидна просодическая яркость лексических единиц, включенных в смысловой блок «Intensity». Несмотря на относительно невысокую частотность в речи политиков, просодическая выделенность ЛЕ парцеллы «Intensity» в очередной раз доказывает тот факт, что «Intensity» является одной из ключевых концептуальных составляющих «Power», которая во многом обеспечивает реализацию данного концепта на просодическом уровне за счет такого концептуального механизма, как фокусировка фрейма «Power», одним из элементов которого и является «интенсивность».

В этой связи интересно отметить, что именно Э. Милибэнд одержал верх над Д. Кэмероном в ходе этого раунда парламентских дебатов. На наш взгляд, фундаментальные различия в лексико-семантическом и просодическом оформлении выступлений оппонентов сыграли не последнюю роль в победе одного оратора и поражении другого. Э. Милибэнд за счет семантико-просодической интенсификации концептуального признака «Ability» подчеркнул способность Великобритании урегулировать конфликт в Сирии мирным путем, в отличие от своего более воинственно настроенного соперника.

Проведенный комплексный анализ политических речей позволяет проследить смысловые доминанты в выступлениях и уточнить их приоритетные установки в ходе фонопрагматической интерпретации. В этой связи апелляцию к просодическим средствам публичного выступления можно рассматривать как своеобразную верификацию полученных в ходе исследования данных, поскольку акустический анализ позволяет получить более объективные сведения о яркости когнитивного признака в дискурсивной реализации концепта. Фонопрагматический подход, используемый в настоящем исследовании,

повышает надежность и психологическую достоверность описания дискурсивной реализации концепта.

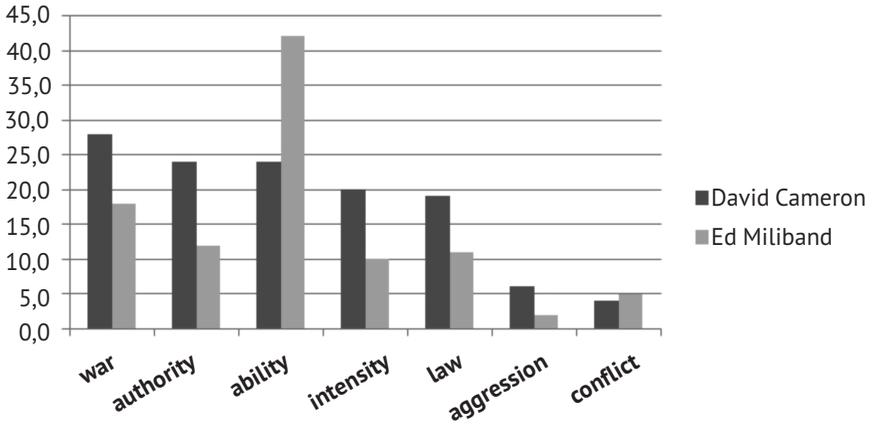

Рис. 1. Частотность лексических единиц, вербализирующих концептуальные признаки «Power» в речи Дэвида Кэмерона и Эда Милибэнда

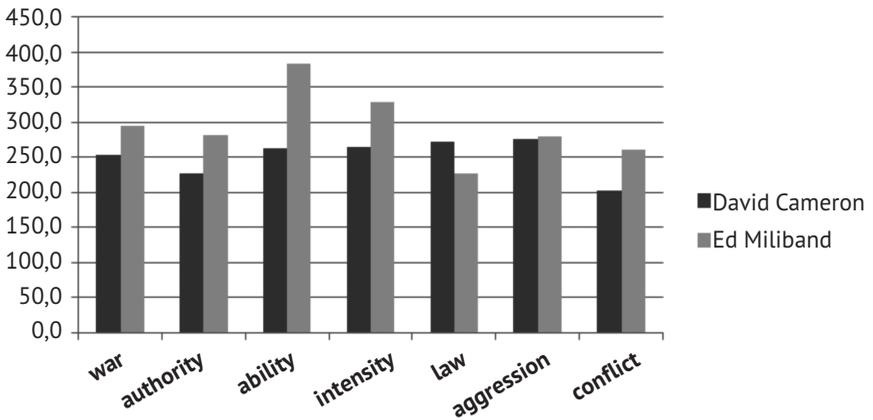

Рис. 2. Средняя длительность ударного слога (СДСуд.) в лексических единицах, вербализирующих концептуальные признаки «Power» в речи Дэвида Кэмерона и Эда Милибэнда (в мс)

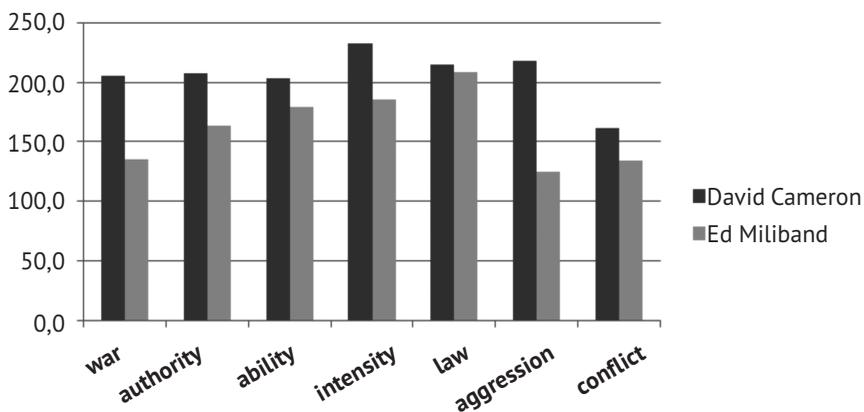

Рис. 3. ЧОТ_{max} в лексических единицах, вербализирующих концептуальные признаки «Power» в речи Дэвида Кэмерона и Эда Милибэнда (в Гц)

Смысловое наполнение речей политиков в процессе дебатов характеризуется многочисленными средствами объективации различных концептов. Поскольку такой вид политического диалога, как дебаты, дает возможность публично отстоять свою точку зрения и убедить аудиторию следовать ей, риторика оратора, несомненно, пронизана силовыми способами воздействия на слушателей. «Power» в дебатах является важнейшей коммуникативной категорией, объективирующей комплекс языковых и внеязыковых средств, систематизация которых способствует более углубленному, максимально полному описанию изучаемого объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубкова Е. Е., Басинская М. В., Давыдова Н. А., Ткачик А. К. К 80-летию МГЛУ: Обзор направлений научно-исследовательской работы кафедры лексикологии английского языка (1973–2010) // *Язык в действии: актуальные проблемы и методы исследования в англистике*. М. : «Рема», 2012. С. 9–23. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 627. Сер. Языкознания.)
- Демина М. А., Шевелева Е. О. Концептуальные основания вариативности просодических характеристик речи в англоязычном политическом дискурсе (на примере концепта «Power») // *Междисциплинарность в лексикологических исследованиях: наследие прошлого и перспективы*. М. : Рема, 2016. С. 190–206. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13 (752)).

- Карасик В. И., Стернин И. А.* Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград : Парадигма, 2005. 352 с.
- Шевелева Е. О.* Семантические доминанты смыслового пространства «Power» («Сила») в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 230 с.
- Шевелева Е. О.* Способы репрезентации компонента «Ability» («способность») в структуре концепта «Power» («сила») // Когнитивное моделирование семантики разноструктурных единиц языка. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 58–70. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (627). Сер. Языкознание.)

УДК 811.1/.2

Д. А. Ефремова

кандидат филологических наук, преподаватель
каф. английского языка № 1 факультета МО МГИМО МИД России;
e-mail: efremovadarya@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТЕКСТЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ

В статье рассматривается семантика и функционирование личных местоимений первого лица единственного и множественного числа в тексте англоязычных биографических очерков, написанных в XIX–XXI вв. В исследовании выявляются основные референты личных местоимений и устанавливается модальный характер их функций. Особенности употребления местоимений отражают межстилевой статус изучаемого типа текста.

Ключевые слова: личные местоимения; биографические очерки; публицистический стиль; научный стиль.

D. A. Efremova

PhD, Teacher, English Language Department #1,
Faculty of International Relations,
Moscow State Institute of International Relations;
e-mail: efremovadarya@yandex.ru

SEMANTIC AND FUNCTIONAL PECULIARITIES OF PERSONAL PRONOUNS IN BIOGRAPHICAL SKETCHES

The article deals with the semantics of personal pronouns of the 1st person singular and plural in biographical sketches written in XIX–XXI centuries. The research establishes the main referents of the pronouns concerned and discovers the dominant modal character of their functions: objective or subjective. The article posits that semantics and functional peculiarities of the pronouns in question in biographical sketches reflect their intermediate stylistic status.

Key words: personal pronouns; biographical sketch; publicistic style; scientific style.

Исследования в области лингвистики текста доказали, что функционирование разноуровневых элементов языка изменяется в такой сложной и многокомпонентной структуре, как текст. Поэтому во многом вопрос об особенностях личных местоимений в различных типах текста неоднократно становился предметом изучения лингвистов, которых интересовали проблемы взаимосвязи функционально-

стилевого статуса текстов и своеобразия применения в них личных местоимений [Голуб 2010; Разинкина 2004; Рахманова 2010], а также жанровая природа использования личных местоимений [Бенвенист 1974; Дронсейка 2012; Мякшева 2013]. Тем не менее материалом для анализа послужили в основном тексты художественного, публицистического и научного стилей, их основных жанров; в биографическом тексте особенности использования личных местоимений не были отдельно рассмотрены. Этим обуславливается научная новизна данного исследования, предметом которого является семантика и функционирование личных местоимений в тексте англоязычных биографических очерков, написанных в XIX–XXI вв. Выбор данного временного периода объясняется тем, что, начиная с XIX в., можно говорить о существовании отдельного биографического жанра и его типовых разновидностей [Ушакова 2001]. Анализ проводился на материале 30 биографических очерков общим объемом более 1 300 с.

Целью данной статьи является установление взаимосвязи между стилевыми и типовыми особенностями биографических очерков и лексическими и функциональными характеристиками личных местоимений первого лица.

Биографический очерк – тип биографического текста, который характеризуется небольшим объемом, стремлением к типизации (выраженным в генерализации, использовании аналогий, сравнения, отвлеченной лексики, абстрактных понятий), трехчастной композицией (предполагающей вступление, основную часть, заключение), лаконичностью (использованием прерывистого синтаксиса), бессюжетностью (выраженной в нивелировании роли повествователя). Биографический текст трактуется как межстилевое явление, лежащее на стыке научного, публицистического и художественного стилей [Ефремова 2016], поэтому представляется, что употребление личных местоимений в нем определяется чертами всех вышеназванных стилей. Биографический очерк рассматривается как тип биографического текста, наиболее приближенный к публицистическому стилю и обнаруживающий в большей степени характеристики данного стиля. По мнению некоторых лингвистов [Голуб, 2010; Кожина 1993; Костомаров 1971; Рахманова 2010], в зависимости от жанра публицистического текста и степени проявления в нем авторской субъективности применяются различные типы повествования: от первого и от третьего

лица. Нужно отметить, что, хотя для биографических очерков характерны оба типа повествования, наиболее типичным является имплицитный, иными словами, не называющий себя тип повествования (в терминологии Е. В. Падучевой [Падучева 1996, с. 203]), который отражает бессюжетность как типовую черту биографических очерков. В языке это проявляется в использовании безличных конструкций, неопределенно-личного местоимения *one* или личного местоимения *they*, не имеющего конкретного референта.

Если личное местоимение первого лица единственного числа употребляется в биографическом очерке, оно имеет референтом самого автора, как и в других разновидностях мемуарной литературы. Личное местоимение *I* используется биографами преимущественно субъективно (в 91 %¹ проанализированных примеров) для введения их мнений, предположений, чувств, волеизъявления, оценок:

Admitting the exquisite colouring and charming execution of this picture (“Scene from *Midsummer Night’s Dream*” – прим. Д. Е.), *I confess it never gave me any pleasure* to look at it. The idea of a beautiful female fondling what seems to be a non-descript animal is *repugnant* to the feelings: take away the head of the ass, and the objection is gone; but then the poet’s conception would go with it [Dafforne 2015, с. 39].

При помощи личного местоимения первого лица единственного числа автор очерка вводит свою отрицательную оценку картины биографируемого лица, выраженную при помощи конструкции с отрицанием *it never gave me any pleasure* и лексической единицы с отрицательной коннотацией *repugnant*. Подобное аксиологическое суждение противоречит общему положительному отношению биографа к герою и его творчеству, поэтому очеркист пытается всячески его смягчить, прежде всего употреблением глагола *confess*, который означает «to admit something that you feel embarrassed about»², а также последующим рассуждением, показывающим при помощи конструкции с сослагательным наклонением важность замысла автора.

Характерным для биографических очерков, как и для публицистических текстов, является применение личного местоимения первого

---

¹ За 100 % принято общее число проанализированных примеров реализации личного местоимения *I* в тексте биографических эссе.

² URL : www.ldoceonline.com/dictionary/confess

лица единственного числа для индивидуализации повествования, если автор предстает героем своего текста наравне с биографируемым лицом. В основном, в подобных случаях личное местоимение *I* функционирует как средство субъективности, но также может использоваться объективно для подтверждения авторского мнения, оценок, суждений, если очеркист стремится увеличить достоверность своего текста:

Her few remaining years were *beautifully holy and instructive*. *I speak of what I saw* [Price 1881, с. 14].

Авторская оценка последних лет жизни героини, выраженная лексическими единицами с положительной коннотацией *beautifully holy and instructive*, подтверждается тем, что очеркист говорит здесь о себе как об очевидце событий. На самом деле, подобные способы усиления достоверности текста не имеют реальной объективной силы, так как автор, выражая определенное мнение, ссылается на себя самого. Однако сама форма, в которой субъективное суждение подается и подтверждается, способствует тому, что оно скрытым образом навязывается.

Местоимение *I* также употребляется для усиления достоверности текста путем введения цитат, документированных диалогов и включения в текст новой фактической информации. Однако в целом, учитывая процентное соотношение субъективных и объективных функций личного местоимения первого лица единственного числа в тексте биографических очерков (91% : 9%), можно сказать, что личное местоимение *I* преимущественно используется как средство субъективности, что согласуется с характером его применения в текстах публицистического стиля.

Более типичным для рассматриваемого типа текста является личное местоимение *we*, которое имеет различных референтов. По типу референта Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева выделяют следующие типы личного местоимения первого лица множественного числа: авторское, обобщающе-ограничительное, совместно-ограничительное, обобщающее [Рахманова 2010]. Для биографических очерков наиболее характерно употребление личного местоимения *we* как исследовательского *мы* в научном тексте, т. е. референтом в этом случае является сам автор. Подобная форма транспозиции позволяет биографу

звучать более скромно, менее категорично, более объективно. Исследовательское *мы* используется в биографических очерках, чтобы придать авторской оценке, предположениям и мнению значение всеобщности, которое можно определить как значение, выражающее характеристику, признаваемую всеми представителями общности, которым известно биографируемое лицо [Ильенков 1991; Холл 2001]:

Considering these fruitful activities in promoting Buddhism in Indonesia and Sri Lanka, *we might describe* Mahasi Sayadaw's missions to these countries as '*Dhamma-vijaya*' (victory of the Dhamma) journeys.¹

Личное местоимение *we*, имеющее референтом самого автора, введено для того, чтобы дать оценочное суждение в отношении деятельности биографируемого лица, которое представлено как общепринятое. В сочетании с модальным глаголом, выражающим сомнение, авторское оценочное суждение, переданное лексической единицей с положительной коннотацией *victory*, звучит менее категорично, максимально дистанцированно от автора.

С другой стороны, авторское *мы* применяется и как средство субъективности для описания собственных действий и намерений, когда автор является героем биографического очерка, а также для личностной характеристики персонажа:

Whatever circumstances there may have been to be regretted, in the origin and process of a war between Great Britain and her revolted colonies, there never was any service in which the officers of the British army appeared to more advantage. Diligent, obedient, indefatigable, and humane as well as brave, they generally prevailed in the fortune of arms, and moved through the streets, villages and farms of those who were in arms against them, as in the country of a friend; general character *we* are happy to prefix to the particulars which occur to be mentioned, relating to the person who is the subject of this sketch [Ferguson 1817, с. 7].

Личное местоимение *we*, имеющее референтом самого автора, вводит имплицитную характеристику очеркистом биографируемого лица. Используя лексические единицы с положительным значением *diligent, obedient, indefatigable, and humane as well as brave* для описания британских солдат, автор намекает на то, что его герой, принадлежащий к их числу, также обладал подобными достоинствами.

---

¹ URL : www.buddhanet.net/mahabio.htm

Для биографических очерков характерно использование совместно-ограничительного *мы*, для которого референтом является «автор+читатель». В научном тексте такая транспозиция местоимения используется при реализации приема интимизации [Разинкина 2004]. Точно так же, как и в научном тексте, употребляя местоимение *we* в этом значении, авторы биографических очерков как бы приглашают читателя к совместному размышлению, что активизирует процесс восприятия и служит определенной субъективации текста:

Let us look around upon the hearers. At her (Mrs Hutchison's – прим. Д. Е.) right hand his countenance suiting well with the gloomy light which discovers it, stands Vane, the youthful governor, preferred by a hasty judgment of the people over all the wise and hoary heads that had preceded him to New England. In his mysterious eyes we may read dark enthusiasm, akin to that of the woman whose cause he has espoused, combined with shrewd worldly foresight, which tells him that her doctrines will be productive of change and tumult, the elements of his power and delight [Hawthorne 1838, с.9].

Автор апеллирует к воображению читателей, побуждая их представить встречу сторонников нового религиозного курса, который создала героиня биографического очерка. Личное местоимение *us* используется также для введения личностной характеристики биографом персонажа, на негативное отношение к которому намекают лексические единицы с отрицательной коннотацией *preferred by a hasty judgment* и *tumult*.

В биографических очерках употребляется обобщающее *мы*, которое указывает на то, что сформулированное суждение в равной мере относится как к говорящему, так и к любому другому человеку, что, по мнению Н. М. Разинкиной, также характерно для современного научного текста [Разинкина 2004]. Личное местоимение *we* функционирует в биографических очерках как средство объективности для введения новой информации, ссылок на авторитетные источники, общепринятого мнения:

There is a fiction of English law – fiction, however, founded in justice – that a man shall not be tried by his peers; whilst we all know that no two men are constituted alike, and that the world around us is to everyone, according to his constitution, a different world [Hall 1873, с. 156].

Использование личного местоимения *we* и его падежной формы *us*, которые имеют референтом коллективный обобщенный субъект,

заставляет мнение об индивидуальных различиях людей и расхождении в особенностях их восприятия звучать объективнее.

Текстам биографических очерков свойственно использование обобщающе-ограничительного *мы*, указывающего на совокупность представителей одной социальной или социально-исторической группы, к которой принадлежит и автор. Наиболее распространенными референтами *we* в биографических очерках являются «автор + его современники», «автор + его соотечественники», «автор + все лица, которым известно биографируемое лицо». Применение обобщающе-ограничительного *мы* не является характерным для научного стиля и роднит биографические очерки скорее с публицистическим стилем. Когда биографы прибегают к подобным транспозициям, они пытаются усилить субъективность текста, сокращая разрыв между ними и предполагаемой читательской аудиторией:

There was no longer *a fear* that *we should* be governed by a succession of childless old men [Martineau 1869, с. 47].

Обобщающе-ограничительное *we*, имеющее своим референтом автора и его соотечественников, используется для интимизации повествования и для того, чтобы скрытым образом навязать читателям определенное восприятие ситуации, связанной с престолонаследием в Англии. Воздействие на читателей оказывают эмоционально-экспрессивная лексическая единица *fear* и модальный глагол *should*, усиливающие эмоциональность текста.

Обобщающе-ограничительное *мы* используется для усиления объективного плана текста: для введения фактов, ссылок на авторитетные источники, подтверждающих авторское мнение, оценки, предположения, введения терминов, придающих тексту достоверность, а также для создания исторического контекста для описываемых событий из жизни биографируемого лица:

Congress had previously laid an embargo upon American vessels, and in no other section was there grater suffering than in the industries of Cape Cod. The fisheries was vital leading industry of Barnstable country; and the impressments of *our* seamen, and the injury done to *our* commerce by Great Britain was seriously felt throughout New England. It was the sailor's rights for which *we* were contending [Phinney 1888, с. 32].

Личное местоимение первого лица множественного числа, имеющее референтом автора и жителей его штата, вводит исторические

сведения о родине биографируемого лица тогда еще британской колонии. Данные сведения играют большую роль для очерка, так как главный герой, занимавший активную гражданскую позицию, боролся за улучшение экономических условий для своего штата.

В целом можно сказать, что преимущественно личное местоимение *we* используется как средство объективности (в 73 %¹ проанализированных примеров), что сходно с особенностями употребления этого местоимения в научном тексте.

Таким образом, функционально-семантические особенности употребления личных местоимений отражают стилевую и типовую природу текстов биографических очерков. Тяготение данного типа текста к повествованию от третьего лица отражает такую типовую черту биографических очерков, как бессюжетность. Лексические и функциональные характеристики личных местоимений первого лица свидетельствуют о межстилевом статусе изучаемого типа текста. Употребление личного местоимения *I* обнаруживает сходства с функционированием данного местоимения в публицистическом стиле: для биографических очерков характерно их применение как средств субъективности для введения авторского мнения, предположений, чувств, волеизъявления, оценок. Фрагментарно-личное местоимение первого лица единственного числа используется и как средство объективности для подтверждения суждений биографа.

Семантика и функционирование личного местоимения *we* в биографических очерках имеет больше сходства с научным стилем: в них употребляются те же разновидности *we* – авторское, совместно-ограничительное, обобщающее. Личное местоимение *we* употребляется двояко преимущественно для повышения объективного плана повествования: для подтверждения авторского мнения, оценок, суждений, сообщения новой информации, введения цитат, терминов, ссылок на авторитетные источники, общепринятого мнения. Кроме того, личное местоимение первого лица множественного числа может применяться для усиления субъективности: интимизации изложения, описания собственных действий или намерений и личностной характеристики персонажа. В целом можно сказать, что личные местоимения в биографических очерках функционально двунаправлены и используются

---

¹ За 100% принято общее число проанализированных примеров употребления личного местоимения *we*

как средства объективности и субъективности. Однако в личное местоимение *I* большей степени применяется как средство субъективации, а личное местоимение *we* – как средство объективации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
- Голуб И. Б. Литературное редактирование. [Электронный ресурс]. М. : Логос, 2010. 432 с. URL : knigi.link/literaturnoe-redaktirovanie-stilistika/stilisticheskoe-ispolzovanie-mestoimeniy-29303.html.
- Дронсейка Р. П. К вопросу об эгоцентризме личного местоимения «я» и альтруизме личного местоимения «мы» (на примере прозы Б. Акунина) // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 8–32.
- Ефремова Д. А. Лингвостилистические средства выражения модальности в тексте биографии : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 251 с.
- Ильенков Э. В. О всеобщем // Философия и культура (Мыслители XX в.). М. : Политиздат, 1991. С. 320–339.
- Кожина Н. М. Стилистика русского языка. М. : Просвещение, 1993. 224 с.
- Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публикации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 266 с.
- Мякшева О. В. Местоимения и специфика их функционирования в текстах разных жанров одного лица // Научный потенциал мира : материалы IX Научно-практической конференции. 2013. Т. 13. Филологические науки. С. 31–36.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Разинкина Н. М. Стилистика научного текста. М. : URSS, 2004. С. 177, 181.
- Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М. : АспектПресс, 2010. 464 с.
- Ушакова Е. В. Литературная биография как жанр в творчестве П. Акройда: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 195 с.
- Холл М., Боденхаймер Б. Полный курс НЛП. СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. 635 с.
- Dafforne J. Pictures by Sir Edwin Landseer, Royal Academician, with Descriptions and Biographical Sketch of the Painter. Lnd. : Virtue & Co, ltd, 2015. P. 39.
- Ferguson A. Biographical Sketch of Lieutenant-Colonel Patrick Ferguson. Edinburg : Royal Bank Close, 1817. P. 7.
- Hall S. T. Biographical Sketches of Remarkable People Chiefly from Personal Recollection. Lnd. : Simpkin, Marshall & Co, 1873. P.133, 156.

- Hawthorne N.* Biographical Sketches. Lnd. : Print-on-Demand, 1838. P. 9.
- Longman Dictionary Online.* URL : www.ldoceonline.com/dictionary/confess
- Martineau H.* Biographical Sketches. Lnd. : McMillan &Co, 1869. P. 47.
- Phinney S. B.* Biographical Sketch. Boston : Rand Avery Company Printers, 1888. P. 32.
- Price E. K.* Biographical Sketches of James Embree, Philip Price, and Eli K. Price. Philadelphia : Louise H. Everts, 1881. P. 14.
- Venerable Mahasi Sayadaw.* A Biographical Sketch. URL : www.buddhanet.net/mahabio.htm

УДК 81'255

В. Г. Кузнецов

доктор филологических наук, профессор; профессор каф. лексикологии
и стилистики французского языка ФФЯ МГЛУ;
e-mail: vgk.avamo@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ И ГРАНИЦЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ

Под языковой лакуной понимается пустое место в лексико-семантической системе языка – отсутствие лексической единицы при наличии в концептуальной сфере соответствующего этой единице понятийного содержания. Выделяются и анализируются четыре типа лексических лакун: словообразовательные, структурно-семантические, гипер-гипонимические и коннотативные. Сопоставление эквивалентов и переводов художественных произведений свидетельствует о том, что при переводе лакун неизбежно имеет место утрата части семантического содержания в силу несоответствия лексико-семантических систем.

Ключевые слова: лакуна; типы лакун; реалии; лексико-семантическая система; языковая картина мира; переводимость.

V. G. Kuznetsov

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor; Professor of the Department
of lexicology and stylistics of the Faculty of French, MSLU;
e-mail: vgk.avamo@mail.ru

LEXICAL LACUNAE AND BORDERS IN TRANSLATION

A lacuna in linguistics is a gap in the language system – absence of a lexical item to denote a concept present in the conceptual sphere. The paper distinguishes and analyses four types of lexical lacunae : derivational, structural-semantic, hyperhyponymic and connotative. Lexical lacunarity owing to its ethno-semantic and categorical properties plays an important role in the formation of the language worldview. There is a loss of a part of semantic content of lacunae during the translation.

Key words: lacuna; types of lexical lacunae; realia; lexical-semantic system; language worldview; translatability.

Термин «лакуна» был введен в научный оборот франко-канадскими лингвистами Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [Vinay, Darbelnet 1958], их же можно считать основателями изучения этого явления в аспекте перевода.

Следует проводить различие между лексическими лакунами и реалиями. Их иногда отождествляют (В. Л. Муравьев, С. Влахов и С. Флорин, И. Ю. Морковина), хотя с точки зрения референции

это разные явления. В случае лексической лакуны у говорящих есть представление о денотате, но в словаре отсутствует однословное либо узкозначное обозначение. Что касается реалий (блюда национальной кухни, национальная одежда, образ жизни языкового коллектива, социальные реалии), то денотат знаком только тем носителям языка, которые владеют соответствующей этнокультурной информацией. Между лакунами и реалиями существуют различия и в плане использования приемов перевода.

Тем более вызывает возражение широкая трактовка термина «лакуна», когда под лакуной понимаются не просто отдельные слова, а межъязыковые несоответствия на фонологическом, морфологическом, фразеологическом уровнях и даже еще шире – различия понятийных, языковых и эмотивных категорий, и даже текстов двух локальных культур (В. И. Жельвис, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин). Так, О. А. Огурцова понимает под лакуной: «слово, словосочетание (как свободное, так и фразеологическое), грамматическую категорию, бытующие в одном из сопоставляемых языков и не встречающиеся в другом сопоставляемом языке» [Огурцова 1979, с. 77]. А Л. К. Байрамова предлагает распространить понятие лакунарности даже на звуки [Байрамова 2011]. Под такое определение лакунарности подпадают все случаи несоответствия. Если принять подобную точку зрения, то под понятие лакуны подпадут любые различия языковых и дискурсивных единиц.

Вызывает также возражение употребление термина «межъязыковая лакуна». Дело в том, что лакуны в силу своей природы – принадлежность конкретного языка, носители языка лакуны не осознают, а выявляются они путем межъязыкового сопоставления.

Лексические лакуны подразделяются на два неравнозначных класса: абсолютные, или полные, и неполные лакуны. В случае полных лакун у носителей языка есть представление о предмете, понятии (денотате), однако в словаре отсутствует слово для обозначения соответствующего денотата. Так, в русском и французском языках отсутствуют эквиваленты английского слова *lap*, означающего «колени сидящего человека». Во французском, так же как в русском, возможен только описательный, объяснительный перевод: *genoux en position assise*. В английской языковой картине мира имеется еще одна точечная, конкретная номинация *shank* «узкая часть подошвы между каблуком и стопой».

С другой стороны, в английской и французской языковой картине мира вербально не различаются *стопа* и *ступня*. Эквивалентами выступают слова с более широким значением англ. *foot* и фр. *pied*. Соответственно в словосочетаниях с опорным словом *стопа* оно передается словами той же предметно-тематической группы, но с общим значением: *направить свои стопы* к.-л. – *direct / bend one's steps, diriger / conduire ses pas*; *идти по стопам* к.-л. – *follow in smb.'s footsteps; suivre les traces de qn., emboîter les pas de qn.* [Ермолович 2004, Щерба 2005]. Неслучайно в английском и во французском языках гораздо больше устойчивых словосочетаний со словами *foot* и *pied*, чем со словом *ступня* в русском. Больше всего их во французском – более 250!

Абсолютные лакуны могут переводиться другими частями речи. Так, во французском языке отсутствует эквивалент существительного *стук*, который передается инфинитивной конструкцией: *Мы услышали стук в дверь.* – *Nous avons entendu frapper à la porte.* В некоторых случаях абсолютные лакуны передаются целой фразой: *Слякоть.* – *Il fait bien crotté dans les rues* или *La neige à demi fondue.* Передача другого природного явления на английский и французский языки: *Мемëm.* – *There is a snow storm. Le vent balaie la neige.* Среди абсолютных лакун встречаются глаголы: *зануть* (лекарство) передается описательно англ. *take medecine with water*; фр. *avaler de l'eau pour faire passer le goût de la medecine* [Ермолович 2004; Щерба 2005]. Существуют пространственные лакуны. Так, в английском языке глагол *садиться* передается по-разному. Если действие производится из положения стоя – *to sit down*, а если из положения лежа – *to sit up*.

Типология лексических лакун еще не разработана. В целом можно выделить четыре типа лакун: словообразовательные, структурно-семантические, гипер-гипонимические и коннотативные. Рассмотрим их последовательно в аспекте перевода.

Наличие словообразовательных лакун во французском и английском языках обусловлены их ограниченными деривационными возможностями в силу аналитического строя. Префикс *no-* русских глаголов передается на английский и французский раздельно оформленными словосочетаниями, а в некоторых значениях не передается: 1) совершение действия в течение непродолжительного времени: *нобегать* – англ. *run a little, run for a while*, фр. *courir un peu*; 2) действие с перерывами в ослабленной степени: *поглядывать* – *cast a glance*,

jeter des regards; 3) действие в ослабленной степени: *поохать* – *sigh, moan, gémir, geindre*. Значение префикса не передается; 4) распространение действия на все или многие объекты: *нопямать* – *hide, cacher*. При передаче на английский и французский происходит утрата значения префикса русского глагола; 5) начало совершения к.-л. действия: *поползти* – англ. *crawl, creep along*, фр. *ramper*. Значение префикса также не вербализуется.

Префикс *при-* характеризуется многозначностью: 1) достижение цели движения: *прибежать*. Данное значение префикса передается на английский посредством причастия настоящего времени: *to come running*. Во французском языке есть глагольный префикс *a-* с тем же значением: *accourir*; 2) доведение действия до определенного результата: *приневолить*. Данное аспектное значение не передается лексически ни в английском, ни во французском языках. Словарные эквиваленты совпадают с соответствующими бесприставочными глаголами: *to force, forcer*; 3) сближение, соприкосновение: *приставить*. В английском и французском языках значение префикса передается предлогами: *put (set) against, appuyer contre*; 4) неполнота действия сжатием, уплотнением путем давления сверху: *примантывать* ч.-л. (ногами). В английском передается фразовым глаголом либо отдельно оформленным словосочетанием: *thread down, tap with one's heels*. Приводимый в русско-французских словарях эквивалент *piétiner* совпадает с русским глаголом без префикса и означает в большой степени полноту действия: *затоптать*.

При переводе на французский язык ряда глаголов с префиксом *в-* в значении «действие, направленное внутрь к.-л. пространства» это значение передается глаголом широкой семантики без указания способа действия. Примером могут служить глаголы *ворваться* (о ветре, свете) – *entrer, вползти* – *se glisser, se faufilet*; *вбить* – *enfoncer*, в английском в данном случае используются фразовые глаголы, соответственно: *burst into, crawl in (into), drive in*.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что словообразовательные средства (мы ограничились некоторыми глагольными префиксами) играют существенную роль в структуризации категории действия в пространственном и других планах и тем самым формируют языковую картину мира. Неразличение словообразовательных, деривационных лакун может привести к ошибочным заключениям.

Так, О. А. Огурцова неправомерно объясняет наличие во французском языке лакуны, эквивалентом которой является отдельное слово *заварка*, тем, что в России привычка пить чай была больше распространена, чем в странах Европы [Огурцова 1979]. Между тем причина в том, что во французском языке нет глагола *заваривать*, который передается глаголом с широким значением *faire (le thé)*, и соответственно отсутствует отглагольное существительное.

Следует заметить, что деривация, в том числе префиксальные глаголы, играют большую роль в структурировании и категоризации, чем иногда представляют. «Словообразовательная категоризация – процесс познавательной деятельности человека, позволяющий подвести объект под определенную категорию или рубрику опыта при помощи словообразования» [Абросимова 2015, с. 6].

Другим средством формирования языковой картины мира, межязыковые различия которой проявляется в практике перевода, являются структурно-семантические лакуны. Основанием их выделения является отсутствие однословного обозначения соответствующего референта. Семантические лакуны обнаруживаются в различных частях речи. Больше всего их среди существительных. Широко известны примеры отсутствия во французском и английском языках однословных обозначений таких денотатов, как *сутки, кипяток, именинник, гардеробщица, буженина*: фр. *vingt-quatre heures, eau bouillante, celui qui fête son anniversaire / le héros du jour*; англ. *twenty four hours / day and night, boiled water, birthday boy*; фр. *préposée au vestiaire*; англ. *cloak room attendant*; фр. *porc bouilli*; англ. *cold boiled pork* [Ермолович 2004, Щерба 2005]. К этому можно добавить и другие примеры: *иждивенец*. В английском эквивалент есть: *dependent*, а во французском эквивалент раздельно оформленный, представляющий собой, собственно говоря, дефиницию: *une personne à la charge*. Существительное с абстрактным значением *целеустремленность* может передаваться раздельно оформленным эквивалентом: англ. *firmness of purpose*, фр. *les efforts vers un but commun*.

Явление лакунарности тесно связано с гипер-гипонимией в силу их общей этносемантической природы и роли в структуризации и классификации предметов объективной действительности. Лакунарность свойственна как гиперонимам, так и гипонимам. Гипер-гипонимическая лакунарность выявляется в процессе сопоставительно-

типологических исследований, носители языка ее не осознают, также как и лакуны других типов. В английском языке есть гипероним *finch*, родовое название многих певчих птиц, а во французском гипероним *la rentrée* означает «возобновление любой деятельности после отсутствия (отпуска, каникул)». В английском и французском языках наряду с родовыми словами эквивалентами русскому *водонад* – *waterfall* и *chute d'eau* имеются отсутствующие в русском языке гипонимы *cataract* и *cataracte, f*, означающие «большой, мощный водопад».

С точки зрения когнитивной номинации гипонимы характеризуются узкозначным значением, совмещением нескольких означаемых при одном означающем. Ни в английском, ни во французском нет эквивалента гипонима русского языка *проталина*, который переводится описательно англ. *thawed patch*, фр. *l'endroit où la neige a fondu*. Как нетрудно заметить, французский эквивалент особенно вербализует внутреннюю семантическую структуру русского гипонима.

Гипонимы бывают разных типов: метонимического, например, фр. *margelle, f* – *край* (фонтана, бассейна), которые могут совмещать название действия, способ его осуществления и другие характеристики: *to troll* – *ловить рыбу на блесну*, *to hack* – *ехать верхом не спеша*; обозначать: действие, осуществляемое с помощью к.-л. или ч.-л.: *to ferret* – *охотиться с хорьком*; интенсивность действия: *to guzzle* – *есть или пить с жадностью*; действие, направленное на определенный объект: *to foil* – *сбивать (собаку) со следа*; конкретное действие: фр. *pugilat, m.* – *кулачный бой*, англ. *peer* – *взгляд украдкой*. Среди гипонимов нередко встречаются видо-видовые номинации, различающиеся по разным основаниям: по возрасту англ. *parr* – *молодой лосось*; размеру фр. *conque, f* – *большая раковина*, *flaque, f* – *маленькая лужа*; назначению инструмента *gouet, m* – *большой нож лесоруба*.

Коннотативные лакуны характеризуются отсутствием добавочных функционально-стилистических, экспрессивно-стилистических и эмоционально-экспрессивных созначений, которые накладываются на основное значение. Так, во французском и английском языках отсутствуют полные эквиваленты таких слов возвышенного стиля русского языка, как *очи*, *деяние*, *кручина*, *ненаглядный*, *заснобушка*, *уста*, *Отчизна*, *шествовать*, *высь*, *тишь*, *знамение* (времени), *одеяние*, *свершение*, *детище*. При переводе передается только общее значение, а созначения утрачиваются: соответственно английские

и французские эквиваленты *очи* – *eyes / les yeux*; *деяние* – *deed / acte*; *кручина* – *sorrow / affliction*; *ненаглядный* – *darling / chéri*, *заснобушка* – *sweet-heart / béguin* (близко по значению к русскому); *уста* – *mouth, lips / bouche, lèvres*; *Отчизна* – *Fatherland / Patrie*; *шествовать* – *walk / marcher*; *высь* – *height / hauteur*; *мишь* – *calm / le calme*; *знамение* (времени) – *sign of the times / signe du temps*; *одеяние* – *garment / vêtement*; *свершение* – *achievement / travail remarquable*; *демище* – *creation / création* [Ермолович 2004; Щерба 2005].

Наличие лексических лакун, «пустых клеток» в словарном составе языка объясняется не характером национального менталитета, а особенностями развития лексико-семантической системы, ее словообразовательными возможностями.

Представляет интерес сопоставление словарных эквивалентов лексических лакун с их переводами в текстах. Лексикографические, словарные эквиваленты могут соответствовать переводческому, но могут от них и отличаться. Подобные сопоставления обогащают лексикографическую практику. В качестве материала исследования использованы переводы на французский язык романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» и его повести «Первая любовь»

Многие глаголы интенсивного действия русского языка не имеют соответствий во французском и передаются раздельно оформленными эквивалентами.

...Аркадий... *вскочил* со стула [Тургенев 1956, с. 20].

Et il *se leva brusquement* [Tourguéniev 1947, с. 23].

Раздельно оформленным эквивалентом передается также глагол *насмотреться*.

В кои веки дождался я Аркаши ... Я со вчерашнего дня *насмотреться* на него не успел [Тургенев 1956, с. 20–21].

Il y a un siècle que j'attendais Arcade ... et je n'ai pas encore eu le temps de le *regarder à mon aise* [Tourguéniev 1947, с. 23].

Представляют интерес расхождения между словарными и дискурсивными эквивалентами. В качестве эквивалента глагола *потакать* русско-французский словарь дает словосочетания *contenter les caprices de qn.* и *montrer de l'indulgence pour qn.* Однако переводчик выбрал глагол *ménager* с общим значением «щадить»:

Базаров, который владел особым умением возбуждать к себе доверие в людях низших, хотя он никогда не *попакал* им ... [Тургенев 1956, с. 18].

Bazarov, qui avait le don d'inspirer confiance aux petites gens qu'ils ne *ménageait* pourtant pas ... [Tourguéniev 1947, с. 21].

Установление эквивалентностей языковых средств на фоне сопоставления их сходств и различий Р. Якобсон относил к кардинальным вопросам лингвистики [Якобсон 1985, с. 363].

В случае отсутствия во французском языке эквивалента гипонима русского языка он передается гиперонимом: *рукомойник* – *lavabo*.

В моей комнате английский *умывальник*... [Тургенев 1956, с. 17].

Il y a dans ma chambre un *lavabo* anglais ... [Tourguéniev 1947, с. 19].

Коннотативная лакуна *промолвить* (образована от устаревшего глагола *молвить*) передана глаголом с общим значением *dire*.

Вот и господин нигилист к нам жалуется, – *промолвил* он вполголоса [Тургенев 1956, с. 23].

Voilà monsieur le nihiliste qui daigne enfin venir, *dit-il* à mi-voix [Tourguéniev 1947, с. 26].

Прилагательное *дельный* в значении «способный к к.-л. деятельности» передается эквивалентом с более общим значением *capable* «способный».

Тамошние ученые – *дельный* народ [Тургенев 1956, с. 24].

Les savants de là-bas sont des hommes *capables* [Tourguéniev 1947, с. 27].

Также эквивалентом с общим значением переводится разговорный глагол *почудиться*.

Мне *почудилось* за занавеской ее лицо... [Тургенев 1988, с. 82].

Je *crus apercevoir* son visage derrière les rideaux... [Tourguéniev 1989, с. 68].

При переводе глагола *усмехаться* (улыбаться обычно с иронией, насмешкой) глаголом *sourir* имеет место утрата дополнительного значения.

...и опять ласково засияли передо мною ее ясные глаза – и опять она *усмехнулась* [Тургенев 1988, с. 87].

...ses yeux clairs rayonèrent doucement devant moi – de nouveau elle *souriait* [Tourguéniev 1989, с. 74].

Встречаются случаи, когда эквивалент, выбранный переводчиком, не совпадает со словарным. Так, в русско-французском словаре отсутствует эквивалент *se tortiller* глагола *ерзать* (сидя, беспокойно двигаться, ворочаться).

...так же шумно нюхала табак, так же свободно поворачивалась и *ерзала* на стуле [Тургенев 1988, с. 92].

...elle prisait toujours aussi bruyamment, remuait et *se tortillait* sur sa chaise [Tourguéniev 1989, с. 79–80].

Данный глагол более точно описывает ситуацию. Попутно отметим, что во французском языке есть гипоним *priser*, который употребляется только с дополнением «табак». Узкую сочетаемость имеет другой гипоним французского языка *tapoter (la joue)*.

...мимоходом *nomprenlem* меня по щеке [Тургенев 1988, с. 99].

...il me *tapotait* la joue en passant ... [Tourguéniev 1989, с. 89].

Сопоставление переводов представляет интерес для лексикографии. Эквиваленты переводчика могут быть более точными, чем зафиксированные в двуязычных словарях. Так, в качестве эквивалента разговорного глагола *раскусить* (разобраться в к.-л., понять намерения) русско-французский словарь дает эквиваленты *lire dans l'âme de qn.*, *sonder qn.* Между тем более точным является используемый переводчиком эквивалент *percer à jour*, который с полным основанием можно было бы включить в словарную статью.

...по крайней мере доктор Лушин скоро меня *раскусил* [Тургенев 1988, с. 107].

...en tout cas, le docteur Louchine eut tôt fait de me *percer à jour* [Tourguéniev 1989, с. 98].

Представляет интерес перевод словообразовательных лакун. Как правило, происходит утрата значений префиксов.

Возле меня, по запыленной крапиве, лениво *перепархивали* бабочки... [Тургенев 1988, с. 104].

Près de moi, sur des orties poussiéreuses, *voltigeaient*, nonchalants, des papillons blancs .... [Tourguéniev 1989, с. 95].

Глагол *перепархивать* имеет значение «летать с места на место», а в его эквиваленте *voltiger – порхать* это значение отсутствует. Поскольку во французском языке отсутствует эквивалент префикса *при-* в значении «неполнота действия», происходит утрата этого значения при переводе.

...я только махнул рукой и *присел* в уголок [Тургенев 1988, с. 114].

... mais j'y renonçai et *m'assis* dans un coin [Tourguéniev 1989, с. 107].

Проведенное сопоставительное исследование свидетельствует о том, что при переводе неизбежно имеет место утрата части семантического содержания лексических лагун в силу несоответствия лексико-семантических систем двух языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абросимова Л. С.* Словообразование в языковой категоризации мира. Ростов-н/Д, 2015. 328 с.
- Байрамова Л. К.* Лингвистические лагунарные единицы и лагуны // Вестник Челябинского ун-та. 2011. № 25 (240). С. 22–27.
- Ермолович Д. И.* Новый большой русско-английский словарь. М. : Русский язык – Медиа, 2004. 1091 с.
- Огурцова О. А.* К проблеме лагунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц : Сб. науч. трудов. Вып. 3. Краснодар : Изд-во КГУ, 1979. С. 77–83.
- Тургенев И. А.* Отцы и дети. М. : Детгиз, 1956. 237 с.
- Тургенев И. А.* Первая любовь // И. С. Тургенев. Повести. М. : Правда, 1988. С. 76–142.
- Щерба Л. В., Матусевич М. И., Никитин С. А.* и др. Большой русско-французский словарь. М. : Русский язык – Медиа, 2004. 560 с.
- Якобсон Р.* Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. 455 с.
- Tourguéniev I.* Pères et enfants / Trad. R. Rodov. – Moscou : Ed. en langues étr., 1947. 212 p.
- Tourguéniev I.* Premier amour / Trad. Colette Stoïanov. Moscou : Radouga, 1989. P. 62–141.
- Vinay J.-P., Darbelnet J.* Stylistique comparée du français et de l'anglais. Montréal : Beauchemin, 1958. 331 p.

УДК 811.111

С. В. Мухин

кандидат филологических наук; доцент каф. английского языка №1
МГИМО МИД России; e-mail: s.muhi@inno.mgimo.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ

В статье поднимается проблема лингвокультурологического моделирования в процессе заимствования фразеологизмов способом калькирования на материале современного английского языка. Выделяются две модели: первая предполагает заимствование из единого для различных языков лингвокультурного источника; вторая – заимствование одним конкретным языком из другого и подразумевает культурное влияние одной нации на другую.

Ключевые слова: лингвокультурология; фразеология; заимствование; калькирование; фразеологическая калька; английский язык; лингвокультурологическая модель.

S. V. Muhi

PhD, Assistant Professor, English Language Department #1,
Moscow State Institute of International Relations;
e-mail: s.muhi@inno.mgimo.ru

LINGUOCULTURAL MODES OF PHRASEOLOGICAL LOAN-TRANSLATION

The article is concerned with the problem of linguocultural modeling for the linguistic phenomenon of borrowing phraseological units through loan-translation in modern English. Two modes are proposed: one suggests borrowing by different languages from a common source; the other suggests borrowing by one specific language from another, which implies cultural influence of one nation on another.

Key words: linguoculturology; phraseology; borrowing; loan-translation; phraseological calque; English; linguocultural mode.

Рассматривая проблему лингвокультурологических моделей фразеологического калькирования, невозможно обойти вниманием вопрос определения самого понятия «фразеологическая калька». Раньше других определением сути понятия «фразеологическая калька» занимался Ш. Балли, по мнению которого кальки – это выражения, созданные способом буквального перевода по образцу выражений, заимствованных из другого языка [Балли 1961, с. 78]. По замечанию А. А. Реформатского, калькирование – это перевод заимствуемых

слов и выражений по частям средствами своего языка [Прив. по: Реформатский 1999, с. 142]. Профессор А. В. Кунин дает следующее определение: «Калька – это образование нового фразеологизма путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [Кунин 1996, с. 241].

В отличие от сохраняющих в большой степени свой иноязычный облик лексико-фразеологических вкраплений, так называемых варваризмов, наличие и активное функционирование в языке фразеологических калек наглядно демонстрирует значительную степень взаимопроникновения культур в области языка, поскольку фразеологические кальки находят свое место не далеко на периферии языковой системы, а в самом ее ядре, наравне с исконными фразеологизмами.

При изучении явления фразеологического калькирования в культурологическом аспекте необходимо установить, осуществляется ли с помощью калькирования языковых единиц культурное влияние одного народа на другой, и если такое влияние действительно происходит, то при каких обстоятельствах и в каких областях человеческой деятельности. В рамках настоящей статьи ставится задача на материале английского языка выявить лингвокультурологические модели фразеологического калькирования, важнейшими характеристиками которых являются источник заимствования и культурное влияние, оказываемое в процессе заимствования.

Постановка данного вопроса предполагает необходимость прибегнуть к этимологическому анализу заимствованной части английской фразеологии. Наиболее наглядную картину можно составить на примере английских фразеологизмов библейского происхождения. Так, этимологический анализ «Большого англо-русского словаря» профессора А. В. Кунина показывает, что из приблизительно 20 тысяч единиц, которые составляют общий объем словаря, 540 представляют собой фразеологические кальки из разных языков [Мухин 2012, с. 97]. Помимо того, словарь включает 413 фразеологизмов библейского происхождения, которые также надо признать ничем иным, как кальками, так как тексты всех библейских книг для английского языка являются переводными с латинского оригинала. Основой всех библейских фразеологизмов в английском языке явились соответствующие выражения из канонического латинского текста Библии, с которого был сделан перевод английской версии, например: *by the sweat*

in one's brow < in sudore vultus sui (в поме лица Быт. 3:19); *the signs of the time < signa temporum* (знамение времени Мф. 16:4); *there is a time for all things < omnia tempus habent* (всему свое время Эккл. 3:1) и т. п. [Кунин 1998, с. 766].

Можно ли сделать вывод, что при калькировании библейских выражений имело место культурное воздействие одной нации на другую, и возможно ли вести речь о национально-культурном воздействии языка-«донора» на другую языковую систему? Очевидно, ответ будет отрицательный, так как к моменту наиболее ранних переводов текстов Библии на английский язык народ-носитель латинского языка уже прекратил существование. То же справедливо в отношении всех фразеологических калек из латыни, древнегреческого и других мертвых языков. В случае калек, происходящих из упомянутых источников, нужно говорить не о культурном воздействии одной нации на другую, а скорее о культурном наследии и некоем лингвокультурном источнике, общем для различных языков и национальных культур. Соответственно, в заимствующем языке обнаруживается лингвокультурное наследие, важной частью которого являются фразеологические кальки.

Как можно заметить из приведенных выше примеров, русский перевод английских калек представлен фразеологическими единицами русского языка, которые, в свою очередь, также являются фразеологическими кальками. Непосредственный источник этих заимствований для русского языка иной, чем для английского, так как русская версия Библии представляет собой перевод со старославянского языка. Тем не менее лингвокультурологическая модель фразеологического калькирования в этом случае одина для английского, русского, а также других современных языков, в составе которых обнаруживаются библейские фразеологизмы. Общим здесь является наличие единого лингвокультурного источника заимствования, в данном случае исходного библейского текста. Пути заимствования могут различаться в зависимости от взаимодействия конкретных языков-источников и языков-реципиентов. Так, в случае английского языка последовательность заимствования библейских фразеологических единиц выглядит следующим образом: *арамейский язык – латинский язык – английский язык*. Соответственно, для русского языка будет справедлива последовательность *арамейский язык – греческий язык – старославянский язык – русский язык*. Наличие соответствующих

калек в разных языках указывает на единый для них лингвокультурный источник заимствования. Как правило, для современных европейских языков такими общими источниками выступают Библия и античная мифология. Единицы, заимствованные по данной модели, составляют ядро интернациональной фразеологии. Лингвистами отмечается значительная роль интернациональной фразеологии в передаче отражаемой действительности, поскольку интернациональные фразеологические средства занимают значительное место в системе номинации [Солодухо 1983].

Таким образом, представляется возможным выделить **первую лингвокультурологическую модель фразеологического калькирования**, существенной составляющей которой является наличие общего для различных языков лингвокультурного источника заимствования. Характерными признаками фразеологических калек, заимствованных в рамках данной модели, надо признать:

- а) семантическую и структурную (насколько это допускает тип языка) близость соответственных единиц;
- б) устойчивость и единство образной основы соответственных фразеологических калек в различных языках;
- в) малую предрасположенность к вариативности.

В качестве примера рассмотрим несколько фразеологических калек, заимствованных по описанной модели. Ниже представлены соответственные библейские фразеологизмы в латинском, французском, английском и русском языках: *crucem suam ferre – porter sa croix – to bear one's cross – нести свой крест* (Мф. 16:24). Все четыре представленные фразеологические единицы семантически максимально близки; их объединяет значение «безропотно переносить все превратности судьбы». Структурно данные единицы также обнаруживают достаточно близкое сходство; все они являются глагольными фразеологизмами, построенными по структурной модели глагол + существительное. В основе всех четырех выражений лежит единый неизменный евангельский образ, который находится вне какой-либо конкретной национальной культуры – Иисус Христос, несущий крест к месту своей казни. Кроме того, ни одна из представленных единиц не имеет нормативных вариантов употребления.

Еще один пример представлен фразеологизмами, единым лингвокультурным источником которых стало предание, содержащееся

в сочинениях Плутарха, Светония и других античных авторов о словах, произнесенных Юлием Цезарем при переходе через реку Рубикон во время гражданской войны в 49 г. до н. э.: *jacta alea est – le sort en est jeté – the die is cast – жребий брошен* [Дворецкий 1996, с. 44]. Семантически все четыре фразеологизма аналогичны; их значение – «выбор сделан». Структурная близость данных фразеологических единиц также абсолютна, они представляют собой пассивные предикативные образования. Устойчивость и единство образа также характерны для всех четырех языков; в основе представленных единиц лежит образ брошенного жребия как символ принятия решения. Вариантов данные единицы также нормативно не имеют.

Представленные далее четыре фразеологизма являются фразеологическими кальками, которые объединяет общий лингвокультурный источник. В данном случае таким источником выступают история и культура Античности: *exceptio probat regulam – l'exception confirme la règle – the exception proves the rule – исключение подтверждает правило*. Данные фразеологические единицы совершенно аналогичны по семантике, поскольку каждый из приведенных выше фразеологизмов выражает ту же идею, что и его соответствия в других языках. Все четыре единицы структурно близки и в то же время не имеют нормативных вариантов и образной основы.

Вторая лингвокультурологическая модель фразеологического калькирования подразумевает национально-культурное воздействие одной языковой системы на другую. Рассматривая фразеологические кальки, заимствованные по данной модели, можно составить наглядное представление о приоритете культурного опыта народа-носителя языка-источника в определенных сферах человеческой деятельности. Характерными признаками фразеологических калек, заимствованных по данной модели, нужно признать:

- а) способность к структурной, семантической и стилистической модификации в процессе заимствования;
- б) сравнительно высокий удельный вес терминологических выражений, а также возможность выделения конкретных функциональных областей, в которых совершаются заимствования;
- в) способность к определенной модификации образа при условии сохранения единства образной основы в целом;
- г) значительную предрасположенность к вариативности.

В качестве типичного примера фразеологической кальки, сделанной по второй лингвокультурологической модели, можно рассмотреть фразеологическую единицу *Paris is worth a mass* (*Париж стоит мессы*), заимствованную из французского языка. Этимологической основой данной единицы послужило выражение *Paris vaut bien une messe*, которое приписывается Генриху Наваррскому, решившему в 1593 г. принять католицизм, чтобы получить возможность взойти на французский престол. Общее значение фразеологизма – «уступка, сулящая крупную выгоду» [Новый большой француско-русский фразеологический словарь 2005, с. 1140]. Английская фразеологическая калька продолжает сохранять сильный иноязычный культурный компонент в своей семантике. В ней содержится иноязычный топоним *Paris*, а сама единица в целом представляет собой аллюзию на известные события французской истории. В наше время этот фразеологизм широко используется для описания поведения политиков англоязычных стран, которые отступают от ранее заявленных принципов, чтобы прийти к власти. В этих случаях компонент *Paris* заменяется на название соответствующей столицы, например, *Ottawa is worth a mass* (*Оттава стоит мессы*), когда речь идет о канадских политиках [URL : inroadsjournal.ca/ottawa-is-worth-a-mass/].

Следует отметить, что этимологически подавляющее большинство единиц, заимствованных по второй модели, исходно являются французскими фразеологическими единицами или свободными словосочетаниями, что вызвано многовековой историей тесных языковых контактов между двумя соседствующими нациями.

Еще один пример заимствования по второй лингвокультурологической модели фразеологического калькирования представляет собой единица *the Little Corporal* (*маленький капрал – Наполеон I*), этимологом которой послужило прозвище Наполеона Бонапарта – *le Petit Caporal*, данное ему солдатами во время итальянской кампании 1799–1800 гг. [URL : www.linternaute.com/expression/langue-francaise/16628/le-petit-caporal/]. Как и в случае предыдущего примера, данная калька прежде всего отражает иноязычные историко-культурные реалии.

Главнейшим семантическим условием фразеологического калькирования по второй лингвокультурологической модели выступает схожесть культурной коннотации отдельных компонентов кальки и компонентов ее этимона, а также фразеологических калек и их этимонов

в целом. Кроме того, также важно отметить наличие культурно обусловленных функциональных областей, в которых совершается заимствование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балли Ш.* Французская стилистика. М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. 393 с.
- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М. : Русский язык, 1996. 846 с.
- Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. М. : Живой язык, 1998. 944 с.
- Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М. : Высшая школа, 1996. 381 с.
- Мухин С. В.* Этимологический анализ заимствованной фразеологии английского языка // Англистика XXI века : материалы VI Всероссийск. науч. конф. 24–26 января 2012. СПб. : Университетские образовательные округа: 2012. С. 96–98.
- Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др. ; под ред. В. Г. Гака.* М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. хх, 1625, [3] с.
- Солодухо Э. М.* Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп) : дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1983. 457 с.
- Les expressions françaises décortiquées.* Explications sur l'origine, signification, exemples, traductions. URL : www.expressio.fr/expressions/paris-vaut-bien-une-messe.php (дата обращения 13.05.2017).
- Flanagan T.* Ottawa is Worth a Mass. Stephen Harper's Rise to Power // Inroads Journal. URL : inroadsjournal.ca/ottawa-is-worth-a-mass/ (дата обращения 11.05.2017).
- Le Petit Caporal / l'Internaute.* Expressions. URL : www.linternaute.com/expression/langue-francaise/16628/le-petit-caporal/ (дата обращения 11.05.2017).

УДК 81

М. Б. Раренко

кандидат филологических наук; старший научный сотрудник
Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: rarenco@rambler.ru

ИСТОРИКО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рекламная деятельность представляет собой разновидность социальной коммуникации. Специфика развития рекламной деятельности в России в XX в. состоит в том, что, если в странах Западной Европы и США приоритетной по-прежнему остается коммерческая реклама, в России на первый план выступает реклама политическая и идеологическая. Появление социальной рекламы, т. е. разновидности рекламной деятельности, цель которой заключается в привлечении внимания к актуальным общественным проблемам, в центре которых находится человек, и которая направлена на формирование в обществе определенных морально-нравственных и социально значимых норм и моделей поведения, связано с изменением социально-политической обстановки в мире, во-первых, и с изменением коммуникативных практик в обществе, во-вторых. Анализ отечественной и зарубежной предметно-специальной литературы показал, что советский Агитпром можно считать началом современной социальной рекламы, для которой характерны: 1) стереотипность изображения; 2) ориентация на формирование определенных социальных идеалов и моделей поведения; 3) массовый характер.

Ключевые слова: реклама; коммерческая реклама; социальная реклама; рекламный дискурс; коммуникация; социальная коммуникация; коммуникативные практики; коммуникативные модели; институализация рекламы.

M. B. Rarenko

Candidate of Philology (PhD); Senior Research Fellow, the Centre for Linguistics,
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: rarenco@rambler.ru

HISTORICAL AND DISCOURSEIVE GROUNDS FOR THE EMERGENCE OF SOCIAL ADVERTISING IN RUSSIAN SOCIETY

Advertising activity is a form of social communication. Specificity of the development of advertising activity in Russia in the twentieth century is that it is politically and ideologically oriented while in the countries of Western Europe and the United States advertising remains commercially oriented. The emergence of social advertising – a kind of advertising activities, the purpose of which is to draw attention to the current social problems, as it is based on man, and which is aimed at

formation in society of certain moral and social norms and behaviors – is associated with the change in the social and political situation in the world and with the change of communication practices in society. An analysis of the Russian and foreign subject-specific literature has shown that the Soviet Agitprom can be considered as the beginning of modern social advertising, which is characterized by 1) stereotyped image, 2) focus on the formation of certain social ideals and behaviours, and 3) a mass character.

Key words: advertising; commercial advertising; public advertising; advertising discourse; communication; public communication; communication practices; communication models; institutionalization vs advertising.

Всякая система, служащая целям коммуникации
между двумя или многими индивидами,
может быть определена как язык...

*М. Ю. Лотман*¹

Введение

Социальная коммуникация находится под влиянием множества материальных и духовных факторов, которые реализуются в обществе в форме социальных отношений и деятельности, включая в себя производство, передачу и потребление информации [см.: Логутова 2005]. Характер коммуникации и способы ее реализации в социуме находятся в прямой зависимости от социальных отношений. Изменение социальных отношений в обществе влечет за собой изменение способов осуществления социальной коммуникации. На определенном этапе изменение социальных отношений дало толчок к развитию рекламной коммуникации, а также ее особой формы реализации – социальной рекламы.

Несмотря на то что реклама как коммуникативная практика ведет свою историю с незапамятных времен, ее расцвет приходится на конец XX – начало XXI в. Принято считать, что первыми рекламодателями были продавцы товаров, чья реклама носила устный характер. С распространением письменности появляются письменные рекламные тексты. Первым достоверным рекламным документом считается найденный в развалинах города Мемфис текст, гласящий «Я – Рино с Крита, по велению богов толкую сны», созданный в Древнем Египте

---

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Семиотика текста. М., 2013. С. 13.

около 2,5 тыс. лет назад. С появлением книгопечатания¹ реклама стала развиваться более интенсивно.

Принято считать, что в Европе развитие и распространение рекламы началось в Англии как самой индустриально развитой стране. Первое рекламное объявление было напечатано У. Кэкстоном (основателем книгопечатания в Англии) в 1477 г. в «Книге пасхальных правил», а первое рекламное объявление в газете появилось спустя почти 150 лет – в 1625 г. Специалисты в области рекламы утверждают, что с середины XIX в. по настоящее время лидирующее положение в области рекламы принадлежит США.

Издание газет как источника актуальной информации не могло не отразиться на увеличении объема рекламы, которая по-прежнему носила коммерческий характер, однако в конце XIX в. пришло осознание того, что реклама – важное средство коммуникации, что привело в США в 1871 г. к регистрации первого в мире профессионального рекламного агентства в современном его понимании – агентства по созданию и размещению рекламы в прессе. До того времени реклама играла в большей степени вспомогательную роль, способствуя продвижению товаров и услуг. Появление рекламных агентств и рекламных агентов означало институализацию рекламы как особого вида деятельности. На этом основании реклама постепенно приобретала привычные для современного общества черты, и к началу XX в. уже была сформирована мощная рекламная индустрия. Отметим также, что технический прогресс способствовал распространению различных рекламных практик, а появление и распространение радио, телевидения, Интернета привело к проникновению рекламы во все сферы современного общества.

Наш анализ изданий, посвященных рекламе, свидетельствует о том, что первая письменная реклама в России появилась в 1703 г., когда по Указу Петра I начинают печататься первые газеты, а в них – рекламные сообщения². В отечественной предметно-специальной литературе принято считать, что конец XIX – начало XX в. были временем успешного развития рекламы в России. В газетах размещалось

---

¹ В 1450 г. в Германии Иоанн Гутенберг представил первый печатный станок.

² 2 января 1703 г. в Москве появилась первая русская газета, напечатанная церковно-славянским шрифтом. Она выходила под названием: «Ведомости, о военных и иных делах, достойных значения и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах».

большое число рекламных объявлений, предлагающих разнообразные товары и услуги, которые отличал лаконичный дизайн и хорошее полиграфическое качество.

До начала XIX в. реклама играла роль простого сообщения о чем-либо (товаре, услуге или событии). В словаре В. Даля (1881–1882 гг.) реклама определяется так: «**Рекла́ма** ж., фрнц., статья в защиту свою, в опровержение чего-либо» [Даль 1882, т. 4., с. 92]. В дальнейшем характер рекламного сообщения подвергается изменениям, о чем свидетельствует определение рекламы, приводимое в иллюстрированном энциклопедическом словаре Ф. Ф. Павленкова (1839–1900), первое издание которого вышло в Петербурге в 1899 г.: «**Реклама** – всякая чрезвычайная попытка обращать на себя общее внимание; обыкновенно для этого прибегают к оригинального содержания газетным объявлениям и уличным афишам. Наибольшего развития реклама достигла в Америке» [Павленков 1910, стб. 2118].

В XIX в. пришло осознание того, что реклама – необходимый инструмент в жизни общества, способствующий в первую очередь развитию экономических отношений. Принято считать, что широко распространенный сегодня лозунг «Реклама – двигатель торговли!» был сформулирован российским предпринимателем XIX в. Л. М. Метцлем (1854–1942), основателем первой в России конторы по приему объявлений. Любопытной представляется реклама «Центральной конторы объявлений торгового дома Л. Метцель и Ко», в которой в лаконичной форме сформулированы задачи и методы ее работы: «Вы связаны массой разных мелочей, благодаря которым Вы не можете осуществить намеченной цели – развить свое дело. Если вы обратитесь в Торговый дом Л. и Э. Метцль и К°, то Вам помогут достичь желаемого при помощи умелой рекламы, заключающейся в правильном распределении объявлений по изданиям, в их изящном внешнем виде и логическом содержании».

Рекламная деятельность в России в XX в.

В советский период рекламная деятельность была подчинена целям и интересам нового государства. Несмотря на то что коммерческая реклама оказалась менее востребованной в новых условиях, анализ предметно-специальной литературы, посвященной рекламе, показывает, что в эпоху так называемого развитого социализма в стране

довольно успешно работали три рекламные организации: Союзторгреклама, Коопторгреклама и Внешторгреклама «Соверо»¹.

Специфика развития рекламной деятельности в России в XX в. состоит в том, что если в странах Западной Европы и США приоритетной оказалась прежде всего коммерческая реклама, в России на первый план выступила реклама политическая и идеологическая.

Значительные изменения в рекламной деятельности в России стали ощутимы в начале 1990-х гг., когда товары массового производства хлынули на постсоветский рынок. Именно в этот период западная рекламная продукция стала внедряться в отечественные СМИ, используя «инородные рекламные образы и персонажи» [Арцибашев 2003, с. 22]. «Многие рекламные сообщения нарушали нормы коммуникации, часто реклама строилась исключительно как информирование о намерениях продавца и не ориентировалась на реальные вкусы потребителя» [там же]. Построенная по иным канонам, западная реклама вторгалась в ранее табуированные области публичного дискурса, противоречила локальным социокультурным стереотипам, т. е. вызывала негативные эмоции потребителя. Еще одним фактором негативного отношения к рекламе в обществе стало то, что рекламируемые товары не были доступны широким массам, а предназначались оптовикам, юридическим лицам, при этом для ее распространения использовались СМИ во всем своем многообразии.

В указанный выше период в Москве были созданы первые совместные рекламные предприятия: «Соверо / Young & Rubicam», «ТИССА» (СП «Союзторгрекламы» и «Махир», Венгрия). Рынок достаточно быстро заполнился рекламными агентствами: «Аврора», «Максима», «Премьер СВ», «Видео Интернешнл» и др. Рекламные агентства стали создаваться в других крупных городах России. Постепенно многие международные агентства, такие как BBDO, «Leo Burnett», «Saatchi & Saatchi», «Ogilvy & Mother», «McCann-Erickson»,

---

¹ Две первые занимались рекламой на внутреннем пространстве страны, а Внешторгреклама «Соверо» была единственной, ориентированной на работу с иностранными клиентами в СССР и внешнеторговыми организациями за рубежом и имевшей постоянные связи с мировым рекламным рынком и работавшей по его законам. «Соверо» по заказам внешнеторговых организаций проводило рекламные акции за рубежом, используя весь арсенал современной тогда рекламы: телевидение, прессу и наружную рекламу.

стали открывать свои филиалы в Москве, придя в Россию вслед за своими клиентами.

Российские рекламные агентства стали партнерами многих известных зарубежных агентств, в результате сотрудничества образовались «Euro RSCG / Maxima», «HMS Komandarm», «Lowe / Adventa» и др. Параллельно с процессом коммерциализации рынка начали формироваться национальные рекламные агентства, прежде всего в регионах, направленные на освоение социокультурного пространства.

В настоящее время отечественная рекламная индустрия переживает расцвет. Она полностью адаптировалась к отечественной социокультурной реальности, приобретя собственные оригинальные черты, учитывающие национальную специфику. Среди них: 1) высокая эмоциональность рекламного сообщения; 2) тенденция к развитию игровых сюжетов, в которых отсутствует прямое отношение к реальности; 3) использование сюжетов, непосредственно связанных с русской фольклорной традицией; 4) использование архетипических мотивов и образов; 5) смелая и широко распространенная игра с эвфемизмами, характерными для анекдотов и русских заветных сказок; 6) игра с афористическими выражениями, двусмысленными выражениями на грани дозволенного, а кроме того – 7) известная степень назидательности, тенденция к дублированию патерналистского (покровительственного) стиля отношений.

Однако для нас научный интерес представляет та сторона рекламы, которая поддерживает социальную коммуникацию в социуме (обществе).

Предпосылки возникновения социальной рекламы

Возникновение нового типа рекламы – социальной – в XX в. обусловлено рядом причин. В первую очередь это связано с изменением социально-политической обстановки в мире. Во вторую – с изменением коммуникативных практик в обществе. «Прошедший XX век можно с полным правом охарактеризовать как век глобальных социокультурных трансформаций, изменивших лицо современной культуры и сами основы бытия современного человека», а «возникновение новой информационной среды и новых методов передачи, обработки, хранения и информации повлекло за собой ряд принципиальных

изменений в способах трансляции и усвоения социального опыта, управления и контроля над обществом» [Арцибашев 2003, с. 3].

В советский период, когда экономика носила планомерно-распределительный характер, отношение к рекламе было своеобразным. Некоторые авторы склонны полагать, что рекламы как таковой в советский период не существовало, однако, на наш взгляд, следует уточнить, что ее не существовало в том виде и в том объеме, в каком реклама существовала в этот период в других странах, в частности в США. В трехтомном «Энциклопедическом словаре», выпущенном в издательстве «Большая советская энциклопедия» в 1953–1955 гг., реклама определяется как «ознакомление потребителей с товарами или услугами, оказываемыми данным производственным, торговым, транспортным, финансово-кредитным или иным предприятием, осуществляемое в форме объявлений в печати и по радио, плакатов, выставок и т. п.: в буржуазном обществе реклама служит интересам наживы капиталистов, стремящихся путем рекламы расширить сбыт товаров, навязать потребителю определенные товары или услуги» [Энциклопедический словарь 1955, с. 92]. Такое определение рекламы порождает переносное значение слова «реклама» – чрезмерное восхваление, требующее при этом серьезных финансовых инвестиций. В социалистическом обществе рекламе отводится иная роль: реклама преимущественно служит информированию потребителя о выпускаемой продукции, помогая ему выбирать необходимый товар, воспитывая его вкусы.

В истории отечественной рекламы в XX в. можно выделить три периода: 1) эпоха НЭПа¹, 2) советский послевоенный период (эпоха развитого социализма), 3) современный период (начиная с 1990-х гг.). В рекламе каждого этапа прослеживаются свои специфические черты и особенности. Рассмотрим каждый этап более подробно.

В период сразу после революции помимо коммерческой² рекламы, особенно широко распространенной и продолжавшей традиции

---

¹ НЭП (Новая экономическая политика) – экономическая политика, проводившаяся в 1920-е гг. в Советской России. Была принята 14 марта 1921 г. X съездом РКП(б), пришла на смену политике «военного коммунизма».

² С 1923 г. В. В. Маяковский вместе с художником А. Родченко готовили рекламные кампании для ГУМа и Моссельпрома, Резинотреста и Госиздата. Маяковский делал рисунки для плакатов и писал первые «продающие тексты». Например, Чаеуправление заказало ему набор из 15 вкладывшей со стихами и рисунками, которые вкладывали в пачки чая и какао.

XIX в., в Советской России развитие получает особый вид рекламы¹, который спустя почти столетие, в конце XX – начале XXI в., будет принято называть «социальной рекламой», т. е. вид рекламной деятельности, направленный на создание определенной идеологии, правил поведения (в самом широком понимании), институализированных в обществе. На наш взгляд, ее непосредственным предвестником следует считать агитационные плакаты, выпущенные в СССР. В 20–30-е гг. XX в. в России вырабатывается особый рекламный стиль под названием «русский авангард», над которым работали признанные художники, такие как К. Малевич (1879–1935), В. Татлин (1885–1953), Л. Лисицкий (1890–1941), А. Родченко (1891–1956) и др.

В. В. Маяковский (1893–1930) в статье «Агитация и реклама» (1923) писал, что «реклама – это имя вещи» и пренебрегать рекламой нельзя: «Мы идеализировали методы агитации. Мы забросили рекламу, отнесясь пренебрежительно к этой “буржуазной штучке”» [Маяковский 1959, с. 57]. Критикуя существовавшую в указанный период советскую рекламу за ее невыразительность («реклама не исчерпывается объявлениями. Объявление – простейший вид» [там же, с. 58]), он призывал к появлению и внедрению новой рекламы в духе того времени: «При нэпе надо пользоваться для популяризации государственных, пролетарских организаций, контор, продуктов всеми оружиями, используемыми врагами, в том числе и рекламой» [там же, с. 57], при этом «реклама должна быть разнообразием, выдумкой» [там же, с. 58]. Таким образом, следует подчеркнуть, что в Советской России экономическая (коммерческая) реклама ушла на второй план, уступив место идеологической, выполнявшей функции социальной рекламы.

Реклама периода нэпа строится в соответствии с законами политической агитации, имевшей характер массовой идеологической пропаганды. В печатной рекламе указанного периода преобладает плакатный стиль. На определенном этапе в связи с появлением новых

---

¹ Так, в 1919–1921 гг. В. В. Маяковский работал в «Окнах сатиры РОСТА» (Российское телеграфное агентство), которое выпускало агитационные рукописные плакаты. Первый плакат «Окон РОСТА» рисовали от руки, потом делали копии с помощью трафарета. Художники работали в технике лубка и раешника: простые картинки раскрашивали в два–три цвета, а потом дополняли короткими емкими стихами.

потребностей общества ресурсов коммерческой политической рекламы становится недостаточно для решения социально значимых задач, что приводит к широкому распространению нового вида рекламы, выполненной в формате плакатного стиля. Под этой разновидностью рекламы понимается рекламное обращение, оформленное как призыв или побуждение к действию, часто выраженный формой глагола в повелительном наклонении, а адресант и адресат сообщения оказываются объединенными посредством использования местоимения «мы»). Следует отметить, что в рекламных лозунгах преобладают обращения, описывающие коллективные, не индивидуальные, действия или состояния. Реклама не отличается разнопланностью и оригинальностью, носит форму политического призыва, полезного совета или простого информирования, при этом ее отличительной чертой становится ориентированность на настоящее и будущее, а не на прошлое, не на поддержание традиций (не традиций и преданий, как в настоящее время). «Советская реклама не предполагала вкусового разнообразия и не апеллировала к соображениям индивидуального стиля» [Арцибашев 2003, с. 22]. При этом «для рекламных сообщений того времени характерна предельная простота, а сама реклама чрезвычайно эмоциональна и строится на апелляции к аффективной стороне восприятия» [там же, с. 21].

Таким образом, советский агитпром можно считать началом современной социальной рекламы, для которой характерны 1) стереотипность изображения, 2) ориентация на формирование определенных социальных идеалов и моделей поведения, 3) массовый характер.

Своеобразие социальной рекламы

...Сложность структуры находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой информации.

Усложнение характера информации неизбежно приводит и к усложнению используемой для ее передачи семиотической структуры.

При этом в правильно построенной (то есть достигающей цели, ради которой она создана) семиотической системе не может быть излишней, неоправданной сложности.

М. Ю. Лотман¹

---

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Семиотика текста. М., 2013. С. 16.

Термин «социальная реклама» представляется довольно устоявшимся в отечественной специальной литературе и призван подчеркнуть, что сферой интереса упомянутого выше феномена является социальная, или общественная, жизнь. Таким образом, создатели социальной рекламы привлекают внимание к актуальным социальным проблемам общества.

Нередко в специальной литературе можно встретить противопоставление коммерческой рекламы некоммерческой. Таким образом акцентируется тот факт, что владельцы (заказчики, разработчики) коммерческой рекламы преследуют в первую очередь экономические цели. На наш взгляд, такое противопоставление неправомерно и не всегда способствует разграничению двух разновидностей рекламы, даже внося определенную терминологическую путаницу. Противопоставляя социальную рекламу другим видам рекламы, следует определить ее социальную ориентированность, поскольку предметом социальной рекламы является не товар или услуга, а идея, обладающая определенной социальной ценностью. Эта идея направлена на изменение отношения в обществе (социуме) к какой-либо проблеме и даже часто рассматривается в долгосрочной перспективе, поскольку в будущем может способствовать созданию новых социальных ценностей. Таким образом, в социальной рекламе «в качестве рекламируемого объекта выступают не товары и услуги, как в коммерческой рекламе, а поведение человека, способствующее решению социальных проблем» [Томская 2000, с. 1–2].

Несмотря на то что в настоящее время существует множество определений термина «социальная реклама»¹, ни одно из них, на наш взгляд, не может претендовать на полное описание этого интересного, разностороннего феномена. Приведем несколько, на наш взгляд, наиболее точно отражающих специфику данного явления. Р. В. Крупнов определяет социальную рекламу как «вид рекламной коммуникации, цель которой передача обществу социально значимой информации, направленной на формирование и изменение общественного мнения, социальных норм, моделей поведения» [Крупнов 2006, с. 12]. В работе М. А. Дорониной социальная реклама описывается через

---

¹ В английском языке термину «социальная реклама» соответствуют несколько словосочетаний: «public advertising», «public service advertising» и «public service announcement» (PSA), употребляемых одинаково часто.

выполняемые ею в обществе функции «социальная реклама привлекает внимание к актуальным общественным проблемам, способствует утверждению социальных и нравственных ценностей, выработке негативного отношения к социально неприемлемому поведению, что свидетельствует о ее принципиально аксиологическом характере» [Доронина 2007, с. 10]. Социальная реклама рассматривается и как «способ распространения духовных, эстетических, нравственных, социальных ценностей, как форму общественной рефлексии, осознания гражданской ответственности» [Потапова 2006, с. 3].

Таким образом, социальная реклама представляет собой разновидность рекламной деятельности, привлекающей внимание к актуальным общественным проблемам, в основе которых находится человек, и направленной на формирование в обществе определенных морально-нравственных и социально значимых норм и моделей поведения.

И. В. Арнольд, характеризуя феномен социальной рекламы, описывает ее в ряду других поджанров рекламы и основным источником ее появления считает «общественную жизнь, которая изобилует конфликтными ситуациями и противостоянием на уровне социальных групп, и поэтому остро нуждается в созидательных стимулах и процессах» [Арнольд 1990, с. 202].

Несмотря на разнообразие текстов социальной рекламы, есть все основания рассматривать их как некое единство, характеризующееся рядом специфических черт. *Во-первых*, любая социальная реклама является «средством формирования и коррекции социального поведения индивида» [Томская 2000, с. 1]. В центре внимания социальной рекламы оказываются проблемы общества, осознаваемые как некое противоречие между тем, что есть, и тем, чего быть не должно. Социальная реклама обращает внимание на различные аспекты социальной несправедливости: нищету, безработицу, бездомность, сиротство, неравноправие (дети, женщины, пожилые граждане, инвалиды), безразличие (сироты, инвалиды, пожилые граждане, в том числе пожилые родители, ветераны, неизлечимо больные, а также животные) и т. д. Более того, социальная реклама направлена на формирование привлекательного имиджа государства, а также государственных органов и общественных организаций, в задачи которых входит борьба с неизлечимыми заболеваниями, наркоманией, алкоголизмом, курением.

Еще одним предметом социальной рекламы становятся актуальные проблемы защиты окружающей среды. Социальные проблемы затрагивают каждого члена общества, поскольку предмет социальной рекламы является значимым для каждого члена общества, т. е. социальная реклама, следовательно, ориентирована на широкую аудиторию, в идеале на всё общество. Таким образом, основным предназначением текстов социальной рекламы следует считать гуманизацию общества (поскольку рекламные тексты обращают внимание на то, что абсолютной ценностью в обществе обладает человек), формирование его нравственных ценностей, воспитание гражданского патриотизма и самосознания.

Во-вторых, текст социальной рекламы, как и текст любого рекламного сообщения, обладает суперструктурой, понимаемой, по Т. А. ван Дейку, как способ построения текста, состоящего из разных компонентов и частей (однотипных и разнородных), согласованных между собой и целым [см.: Дейк, Кинг 1988], и направленной на максимальное развертывание его макроструктуры, и включает слоган и / или заголовок, основной информационный блок, средства обратной связи и знак организации. При этом исследователи отмечают элементы суперструктуры, характерные только для социальных рекламных текстов. К наиболее значимым относят следующие три: 1) основной информационный блок текстов социальной рекламы содержит фактологические сведения (достоверные статистические, географические, хронологические и пр.); 2) в рекламном тексте присутствует знак организации, при этом совокупная информация о ее деятельности представлена иконическим изображением, под которым указан логотип организации; 3) элементы суперструктуры социального рекламного текста содержат оценку (при этом развертывание информации движется в направлении от негативного к позитивному). Все эти особенности текстов социальной рекламы подчинены общей цели сообщения: обратить внимание на феномен и совершить некий социально значимый поступок [см.: Томская, 2000].

Мы полагаем, что изучение особенностей социальной рекламы становится всё более значимым для коммуникации в современном обществе и, на наш взгляд, должно носить междисциплинарный характер, поскольку коммуникативный потенциал текстов социальной рекламы не может быть всесторонне исследован без привлечения

данных таких научных дисциплин, как социолингвистика, лингвистика текста, лексикология, теория коммуникации, риторика, социология, социолингвистика, а также этика, психология, культурология и относительно молодая дисциплина гендерология.

Коммуникативно-прагматический потенциал социальной рекламы

Всякий акт коммуникации включает в себя отправителя и получателя информации. Но этого мало: хорошо известный нам факт непонимания свидетельствует о том, что не всякое сообщение воспринимается. Для того чтобы получатель понял отправителя сообщения, необходимо у них наличие общего посредника – языка.

М. Ю. Лотман¹

Подчеркивая специфические черты рекламного дискурса, отечественные и зарубежные авторы непременно затрагивают проблему коммуникации в рекламе. Работы, в которых рассматриваются коммуникативные аспекты рекламы, можно представить четырьмя группами. В первую группу входят работы, в которых исследуются общие принципы коммуникации, а также поднимаются методологические вопросы в исследовании коммуникативных процессов. В первую очередь нужно указать работы Ю. Хабермаса, посвященные концепции универсальной прагматики, и работы М. Фуко и его последователей – М. Пеше, П. Серио, которые изучали дискурсивные практики. Исследованием межличностных коммуникаций с прагматической точки зрения занимались Дж. Г. Мид, И. Гофман, П. Бергер, Г. Лукман, чьи работы можно рассматривать как общее методологическое основание для типологии и сравнительного анализа различных коммуникативных процессов. Во вторую группу работ можно отнести исследования, в которых реклама трактуется в широком социокультурном аспекте как особый идеологический и политический институт. Французские исследователи Р. Барт, Ж. Бодрийар, Г. Маркузе рассматривают рекламную деятельность как важный

---

¹ *Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Семиотика текста. М., 2013. С. 19.*

механизм, направленный на формирование в обществе определенной системы ценностей, норм и стереотипов поведения. К третьей группе относятся работы, посвященные влиянию рекламы на динамику современного общества. Среди авторов – Дж. Белл, З. Бжезинский, П. Лазасфелд, М. Маклюэн, А. Моль, а также отечественные философы и социологи – Н. Н. Богомолов, Ю. П. Буданцев, Т. М. Дридзе, Л. М. Землянова, Г. Г. Почепцов [см.: Арцибашев 2003]. В работах этих авторов обосновывается коммуникативный подход к рекламе, рассматривается роль СМИ в социальном и культурном развитии общества. Большое внимание, как правило, уделяется социокультурным факторам, лежащим в основе современных СМИ. В четвертую группу следует отнести работы, авторы которых обращаются к языковому аспекту проблемы. Таких работ не так много, но они есть. Среди отечественных авторов, которые занимаются данной проблематикой, И. А. Гусейнова, М. В. Томская, С. Н. Должикова, Н. Н. Трошина, Е. О. Опарина, С. Г. Муравьева, М. Б. Раренко. Особый интерес представляют, на наш взгляд, работы, посвященные проблеме перевода рекламы.

Вопрос о том, как происходит коммуникация – в самом широком понимании обмен информацией – интересовал человечество с самых древних времен, но приблизительно до начала XIX в. обсуждался в практической плоскости, не становясь в центр научных диспутов. Вероятно, первым, кто обратил внимание на то, что речь может и должна рассматриваться не только как пассивно отражающая мир, но его (мир) творящая, был В. фон Гумбольдт (1767–1835). В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1830–1835) ученый заметил, что «язык есть не мертвый продукт, а созидательный процесс», положив тем самым начало развитию нового научного направления, которое сегодня получило название «теория коммуникации», или «коммуникативистика». Идея В. фон Гумбольдта о спонтанно-творческой силе языка заинтересовала его современников, а несколько позднее – на рубеже XIX–XX вв. Ч. Пирс, У. Джеймс и Дж. Дью предложили рассматривать реальность сквозь призму человеческой деятельности и социально-коммуникативного опыта. Таким образом признавалась значимость речевой деятельности человека в обществе. В XX в. под непосредственным влиянием работ основоположника аналитической

философии Л. Витгенштейна, а также традиций прагматизма британский философ Дж. Л. Остин разработал теорию речевых актов, в основу которой была положена идея о взаимосвязи между структурами человеческого опыта и повседневным использованием речи. Еще одной вехой на пути к теории коммуникации стало становление теории дискурса в работах французских ученых – Р. Барта, М. Фуко, Ж. Лакана – во второй половине XX в.

Существующие сегодня модели коммуникации – линейные (например, формула Г. Лассуэлла, модель К. Шеннона и У. Уивера) и нелинейные (модель Т. Ньюкомба, например) – в своей основе имеют модель Аристотеля «оратор – речь – слушатель»¹, которого можно считать автором первой модели коммуникации. Модель, предложенная Р. Якобсоном и получившая название синтетической, поскольку учитывала достоинства как линейных, так и нелинейных моделей, представляется более совершенной, поскольку учитывает в коммуникативном акте контекст. В статье «Лингвистика и поэтика», описывая свою модель, Р. О. Якобсон пишет: «Адресант (addresser) посылает сообщение адресату (addressee). Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: контекст (context), о котором идет речь (в другой, не вполне однозначной терминологии, «референт» = referent); контекст должен восприниматься адресатом и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; код (code), полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или, другими словами, для кодирующего и декодирующего); и, наконец, контакт (contact) – физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию» [Якобсон 1975, с. 198]. Таким образом, рекламную коммуникацию можно рассматривать как частный случай коммуникации вообще.

И. А. Гусейнова отмечает, что рекламному дискурсу в целом присущ общественно-массовый характер: коллективный автор представлен заказчиком, специалистами по рекламе, графиками, дизайнерами, текстовиками и др., а массовый реципиент – целевыми группами [см.: Гусейнова 1999]. Как уже было указано выше, цель текста

¹ В «Риторике» Аристотель писал, что для любого акта общения необходимы по крайней мере три элемента: а) лицо, которое говорит; б) речь, которую это лицо произносит; в) лицо, которое эту речь слушает.

социальной рекламы – мотивировать членов общества на совершение определенного действия. Важным элементом рекламного сообщения в этом случае становится формирование у реципиента рекламного сообщения установки, что сложившаяся в обществе ситуация (например, пренебрежительное отношение к инвалидам, пожилым людям и т. п.) противоречит общечеловеческим представлениям о равноправии, а потому нуждается в изменении. Мощным средством формирования желаемой установки становится оценивание действительности: при этом используется простая бинарная оппозиция: это есть плохо, а это есть хорошо. В самом тексте рекламного сообщения есть указание на то, как изменить то, что «плохо», на то, что будет «хорошо», т. е. реципиенту предлагается алгоритм его последующих действий. Решение как поступить реципиент должен принять сам, однако в самом рекламном тексте заложена положительная оценка реципиента, если он поступит так, как предлагается коллективным автором рекламы. Таким образом, отличительной особенностью текстов рекламных сообщений является то, что, с одной стороны, у реципиента предполагается выбор, т. е. решение, как поступить, он принимает самостоятельно, с другой стороны, он мотивируется на совершение определенного поступка. Одним из мощных рычагов воздействия рекламного текста оказывается присутствующая в тексте рекламного сообщения – эксплицитно, но чаще имплицитно – оценка будущего поступка реципиента, поскольку человеку важно осознать, что его поступки и действия находят одобрение в обществе.

Проведенные нами изыскания и обобщения отечественной и зарубежной предметно-специальной литературы позволяют сделать вывод о том, что социальная реклама обладает существенным коммуникативно-прагматическим потенциалом. В свете вышесказанного нам представляется целесообразным сосредоточить наше научное внимание на исследовании новых форм реализации социальной рекламы, таких как: аудиовизуальный перевод, тифлокомментирование, жестовый язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. М. : Просвещение, 1990. 300 с.
- Арицбашев В. Н.* Реклама как вид социальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д, 2003. 24 с.

- Гусейнова И. А. Дескриптивные рекламные тексты как инструмент воздействия в системе маркетинговой коммуникации (на материале журнальной прессы ФРГ) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 223 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Спб.–М. : М.О. Вольф, 1880–1882. Т. 4. 710 с.
- Дейк Т. А. ван., Кинг В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 95–110.
- Доронина М. А. Социальная реклама как феномен культурной коммуникации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 25 с.
- Логутова М. А. Теоретико-методологические основания социальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2005. 28 с.
- Крупнов Р. В. Социальная реклама как инструмент управления социальными процессами : дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 163 с.
- Маяковский В. В. Агитация и реклама // Полное собрание сочинений. Т. 12. М. : ГИХЛ, 1959. С. 57–58.
- Павленков Ф. Ф. Энциклопедический словарь. Спб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. 3104 стб.
- Потапова У. Ю. Социальная реклама: Эффективность функционирования в социальной коммуникации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-н/Д, 2006. 22 с.
- Томская М. В. Оценочность в социальном рекламном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 42 с.
- Энциклопедический словарь : в 3 т. Т. 3: Пращур – Яя. М. : Большая Советская энциклопедия, 1955. 744 с.
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., Прогресс, 1975. С. 193–230.

УДК 811.111'373

Е. В. Рыжкина

кандидат филологических наук, доцент;
профессор каф. лексикологии английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: phraseologinya@mail.ru

ПЕРЕКОДИРОВАНИЕ ИМЕНИ В ХОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются вопросы формирования семантики фразеологических единиц, включающих в свою структуру прецедентное имя. Главным тезисом данной работы является положение о том, что прецедентное имя кодирует и транслирует в сжатой, лаконичной форме определенный фрагмент культурно-исторической памяти народа. В процессе фразеологизации происходит вторичная интерпретация знания, стоящего за именем, которое входит в состав фразеологизма. При этом обобщенное значение имени может значительно отклониться от исходного. Языковая интерпретация носит выраженный культуроспецифичный характер и отражает характерный для данного народа образ мышления.

Ключевые слова: фразеология; идиома; прецедентное имя; семантика; языковая интерпретация.

Elena V. Ryzhkina

PhD, Moscow State Linguistic University;
e-mail: phraseologinya@mail.ru

PERSONAL NAME RECODING IN IDIOM FORMATION AS REFLECTION OF LINGUISTIC INTERPRETATION

The article investigates the particulars of forming the meaning of idioms comprising a precedent name. The major thesis of the study is that a precedent name encodes and translates in a concise form a bit of the people's historical and cultural memory. In the process of idiom formation the structures of knowledge underlying the constituent proper name is being re-interpreted. As a consequence, the resultant meaning of the name included in the idiom's structure may be different from its meaning as a self-sufficient sign. Linguistic interpretation is predominantly culture-specific, and its patterns are peculiar to the people's mode of thinking.

Key words: phraseology; idiom; precedent name; semantics; linguistic interpretation.

Язык на всех своих уровнях, особенно через систему значений, коннотаций и образов, демонстрирует черты мировосприятия и интерпретации полученного знания о мире, характерные для данного народа. Более того, языковое многообразие, как справедливо отмечает

Н. Н. Болдырев, есть именно проявление интерпретирующей сущности языка, т. е. способности к «познавательной активности, которая в своих результатах направлена на понимание и объяснение человеком мира и себя в этом мире» [Болдырев 2016, с. 26]. Иными словами, каждый национальный язык отражает определенную модель репрезентации мира, как бы пропущенную сквозь фильтр своей культуры. И в то же время язык определенным образом влияет на формирование свойственного носителям этого языка взгляда на мир.

Рассуждая о том, отражают или формируют образ мысли ключевые, культуроспецифические слова, Анна Вежбицка приходит к выводу о *взаимном* влиянии родного для человека языка и структур его мышления [Wierzbicka 1997]. Ссылаясь на известное высказывание Б. Уорфа о том, что мы членим мир в направлении, проложенном структурами нашего языка, А. Вежбицка пишет, что с этим тезисом «согласится всякий, чей эмпирический горизонт простирается далее его / ее родного языка»¹ [Wierzbicka 1997, с. 7]. Действительно, для человека, имеющего опыт межкультурного общения, вполне очевидно, что люди, как правило, мыслят с позиций тех понятийных категорий, которые закодированы в их языке.

Это наиболее ярко проявляется в сопоставлении семантически соотносимых слов разных языков. Например, в мировоззрении англичанина и русского человека существенное место занимают концепты «justice» и «справедливость» – они во многом определяют отношение человека к другим людям, обществу, государству и к миру в целом. Но даже поверхностный анализ показывает, что за словами *justice* и *справедливость* стоят разные структуры знания.

Английское слово непосредственно восходит к французскому заимствованию *justice* («OFr justice, legal rights, jurisdiction, vindication of right, court of justice, judge»), а изначально к латинским словам *ius-tus* («upright, righteous, equitable; in accordance with law, lawful») и *ius* («a right, especially a legal right, law») [Etymonline] – и ассоциируется прежде всего с законом, законностью, правопорядком. Не случайно в семантической структуре этой единицы сформировались еще два значения, логически связанные исключительно с областью юриспруденции: 1) the action of the power of law; и 2) a judge in a law court [Longman].

¹ Зд. и далее перевод наш. – Е. Р.

Русское слово *справедливость* этимологически соотносится с праславянским корнем *prav-* (например, общеслав. *pravda* (*pravda*), из праслав. формы *pravьda*, от которой в числе прочего произошли: др.-рус. *правьда* и рус. *пáвда* [Фасмер]). В древнеславянском языке существовало прилагательное *правь* со значением «прямой, не искривленный, не отклоняющийся в стороны». Именно с ним связан метафорический концепт «правильность – это следование прямому пути», на основе которого возникло деривационное гнездо вокруг корня *прав-*, в том числе такие слова, как *правый*, *править*, *праведный* и др. Таким образом, в русской лингвокультуре справедливость понимается в первую очередь как «соответствие человеческих отношений морально-этическим, правовым и др. нормам, требованиям» [Лопатин, Лопатина 1998]. Это во многом объясняет совсем иное отношение русского человека к закону и государству, нежели принято в западной цивилизации с ее культом закона и юстиции. По сути, слова *справедливость* и *justice* кодируют две разные системы ценностей, предполагающие разные взгляды на мир, разные образы мысли. Как точно отметил В. А. Костомаров: «Для англо-американской ментальности, отраженной в слове *justice*, малопонятным кажется различие, если не противопоставление правосудия и справедливости, особенно на фоне неприемлемого для США российского нетождества между законом, судом и правдой, моральной справедливостью» [Костомаров 1995, с. 53].

Национально-культурные особенности языковой интерпретации можно проследить во всех системах языка. Но особенно отчетливо они проступают на фразеологическом уровне. Так, во фразеологии любого языка имеются безэквивалентные выражения, которые вербализуют национально-культурные концепты, не имеющие аналогии в других лингвокультурах (например: англ. *golf widow, a coat of many colours*, рус. *разлюли малина, снеть Лазаря*, фр. *jeter le manteau de Noé, riche comme Hérode*).

Кроме того, значения на первый взгляд эквивалентных выражений в разных языках на деле оказываются далеко не идентичными. К примеру, в английском языке имеется фразеологизм *poetic justice*, который фигурально передает представление о справедливости как о воздаянии свыше, возмездии и который традиционно переводится на русский язык при помощи таких устойчивых клише, как: *высшая справедливость, идеальная справедливость* или *верх справедливости*

[Кунин 2006]. Контексты реализации английской единицы обычно характеризуются шутливым или саркастическим тоном, что свидетельствует о том, что носители англоязычной культуры воспринимают воздаяние свыше не так серьезно, как справедливость, которая прочно связана в их сознании с законом. Напротив, русские аналоги, как правило, употребляются в нейтральных или стилистически возвышенных текстах. Более того, оборот *poetic justice* нередко передает злорадное чувство, как, например, в следующем отрывке из «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси:

...he considered this early decease a piece of **poetic justice**. For twenty years the fellow had enjoyed the reversion of his wife and house, and – and he was dead! (*J. Galsworthy. To Let, Part III, Ch. IV*).

Данная функция не характерна для русских выражений.

Различия в культурной коннотации могут существенно повлиять на само значение и функционирование фразеологических единиц (ФЕ). Так, если сравнить значения и особенно коннотации оборотов *All they that take the sword shall perish with the sword* и *Кто с мечом придет, от меча и погибнет*, которые возникли как аллюзии на один и тот же стих из Евангелия, обнаружатся существенные расхождения. Как следует из указанного библейского текста, во время ареста Иисуса Христа в Гефсиманском саду апостол Петр обнажает меч, чтобы защитить своего Учителя, но Иисус останавливает его: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26: 52). Эти слова, обращенные к Петру, в указанном контексте имеют как прямой, так и аллегорический смысл. Последний и послужил основанием для фразеологической номинации.

Заслуживает внимания тот факт, что интерпретации библейского высказывания в английском и русском языках не совпадают. Об этом, в частности, свидетельствуют дефиниции фразеологизмов. Английская ФЕ звучит нравоучительно: «Those people who commit violent acts must expect to suffer violence themselves» [Oxford] («люди, совершающие насилие, должны знать, что им самим придется испытать на себе насилие»). Ее дидактичность выражается, в том числе, и через модальный глагол *shall*. Русская единица, изначально имевшая форму *взявшие меч мечом погибнут*, передает более обобщенный смысл: «тот, кто начал опасное предприятие, будет отвечать за его последствия» [Мокиенко].

Новое звучание этому выражению придал вышедший в 1938 г. кинофильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». В ключевой сцене фильма князь Александр произносит слова: «Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если *кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет*. На том стояла и стоит русская земля!» Сохраняя общий евангельский смысл, обновленный в этом употреблении фразеологизм приобретает иное коннотативное значение и иную прагматическую функцию. С учетом политического контекста, который сложился к моменту выхода фильма (а это было преддверье Второй мировой войны), оборот звучал как предостережение возможному агрессору. Эта функция прочно закрепилась за новой формой фразеологизма, которая, кстати, допускает разнообразные шуточные замены компонента «меч» (*Кто с пером / рублем / доносом / вирусом* и т. д. *к нам придет, от него и погибнет*).

Интересно, что английский аналог функционирует в речи по сходной модели, т. е. тоже с возможной заменой компонента (*sword*). Например, в романе Ивлиева «Упадок и разрушение» герой с пафосом произносит следующую тираду:

Old friends...you see a man standing face to face with retribution...Those *that live by the flesh shall perish by the flesh* [букв. 'Кто по плоти живет, тот плотью умрет'] (*E. Waugh. Decline and Fall*).

В этом контексте окказионализм, компонентный состав которого значительно отклоняется от нормативного, всё же передает характерное для данной ФЕ обобщенное дидактическое значение неизбежной расплаты, возмездия (*retribution*) за неправильные поступки. Очевидно, что актуальный смысл английского оборота соотносится с ключевым для англоязычной культуры концептом «*justice*». Русскоязычные модификации библейского выражения обычно несут совсем другой смысл – «любое агрессивное действие против нас встретит достойный отпор».

Этот пример является хорошей иллюстрацией вторичной языковой интерпретации, которая имеет место при окказиональном преобразовании конвенционального значения, а также при всякой вторичной / третичной номинации. Вторичная интерпретация предполагает «пересмотр» уже структурированного знания, которое стоит за той или иной единицей. В результате языковая форма может соотноситься уже с другим концептом. Данное явление наблюдается, в частности,

при формировании эталонного или символического значения у имен собственных. Например, имена персонажей античной мифологии *Адонис* и *Аполлон* (англ. *Adonis* и *Apollo*) воплощают эталоны мужской красоты, только в английской лингвокультуре в качестве этого эталона чаще всего выступает *Adonis*, а в русской, наоборот, *Аполлон*.

Следует отметить, что всякое имя обладает ассоциативным потенциалом, т. е. способностью порождать определенные ассоциации, например, с неким качеством, которые могут обрести устойчивость и стать основой для образования у имени новой знаковой функции (*Иуда* – предатель, *Золушка* – труженица и т. д.). При этом личное имя конкретного человека (реального или вымышленного) отрывается от исходного, единичного референта и начинает соотноситься с каким-либо классом объектов или категорией. В крайней точке этого процесса происходит переход имени собственного в разряд нарицательных (*урод*, *хам* и т. д.). Так, в английском языке недавно появился неологизм – глагол *to merkel*, который был образован по конверсии от фамилии канцлера ФРГ Меркель. Значение этого глагола «проявлять политическую нерешительность, колебаться в принятии важных решений» сформировалось на основе ассоциаций со стилем политического руководства германского канцлера. Однако функционирует этот неологизм уже вне всякой связи с конкретной личностью (Ангелой Меркель), но по отношению к любому человеку, который демонстрирует такие признаки, как слабоволие, уклончивость, нерешительность.

Деонимизация имени в той или иной степени характерна для всех прецедентных имен и имен, включенных в состав ФЕ (подробнее см. [Рыжкина 2013]). Подобные имена в компактной лаконичной форме передают большой объем культурно значимой информации и часто служат отсылкой к некому прецедентному тексту или невербальному объекту. Единицы такого рода, обладающие ярко выраженной культурной спецификой, образуют ономастический код данной культуры и в большинстве случаев не имеют за ее пределами абсолютных эквивалентов. Примечательно, что даже если текст, к которому отсылает имя, является прецедентным для разных народов, семантика соответствующих единиц в разных языках обычно не совпадает. Причем различия может как объем кодируемой ими информации, так и какой-либо ее аспект. Например, английское имя *Benjamin* имеет символическое значение, обусловленное его библейским происхождением, – «младший

и самый любимый ребенок в семье»; в русской лингвокультуре имя *Вениамин* не несет каких-либо культурных коннотаций, связанных с Библией.

Это значит, что при формировании семантики такого, прецедентного имени происходит переосмысление стоящего за этим именем знания, его повторная интерпретация. Соответственно при фразеологизации словосочетания с прецедентным именем, как правило, имеет место дальнейшая переинтерпретация исходной структуры знания, в результате чего образуется новая структура, а имя претерпевает своего рода перекодирование.

Нагляднее всего это явление демонстрируется при сопоставлении прецедентных имен, которые имеют самостоятельное символическое или эталонное значение в данной лингвокультуре, и фразеологизмов, в состав которых входит это имя. Так, ФЕ *Benjamin's portion*, не имеющая эквивалента в русской фразеологии, обозначает самую большую или лучшую долю чего-либо. Эта единица восходит к библейскому тексту, описывающему встречу праведного Иосифа со своими братьями, которые пришли в Египет в поисках пропитания. Среди них был и самый младший – Вениамин, которого Иосиф особенно желал видеть. Поэтому он посылал Вениамину самые большие порции угощения:

And he took and sent messes unto them from before him: but **Benjamin's mess** was five times so much as any of theirs (Genesis 43:34).

В данной номинации символическое значение самого имени вытесняется более важным смысловым содержанием, связанным непосредственно с исходным текстом. В итоге фразеологизм соотносится с концептом «щедрость».

Подобный же пример новой интерпретации прецедентного имени в составе ФЕ можно наблюдать в нескольких фразеологических номинациях с компонентом *Abraham*. Само имя ветхозаветного патриарха Авраама, без сомнения, продолжает оставаться эталоном религиозной веры, но как компонент таких оборотов, как *Abraham men* (нищие, притворяющиеся душевнобольными) и *to sham Abraham* (букв. 'изображать Авраама', притворяться душевнобольным) совершенно утрачивает исходное эталонное значение. Его переинтерпретация связана в данном случае с обычаем XVI–XVII вв. отпускать «тихих» подопечных лондонского Бедлама в город, чтобы они собирали милостыню.

Этих людей, просящих подаяния, и называли *Abraham men* (людьми Аврамовыми) – в память о благочестивом обычае патриарха Авраама привечать всех нищих и странников. Но в протестантской по духу английской культуре строго порицалось попрошайничество, что привело к переосмыслению выражения *Abraham men* и формированию на его основе нового значения с негативной оценкой «профессиональные нищие, притворяющиеся душевнобольными». Глагольный оборот *to sham Abraham*, который возник, вероятно, в результате усечения выражения *to sham Abraham men*, эксплицирует признак «притворство» и связанную с ним отрицательную коннотацию. В русской лингвокультуре сколько-нибудь серьезной переинтерпретации имени *Авраам* не наблюдается, в том числе во фразеологии (например: *борода Аврамова, а душа хамова*).

В некоторых случаях при фразеологизации происходит перепрофигирование знания, связанного с прецедентным именем. Так, имя *Goldilocks* (рус. *Златовласка*) происходит из народной сказки «The Story of the Three Bears» («Три медведя»), в которой девочка случайно попадает в избушку медведей и, пока их нет дома, начинает там «хозяйничать»: по очереди сидит на каждом из трех стульев, пробует кашу из трех горшков, укладывается на каждую из трех кроватей, пока не находит то, что ей *в точности* подходит (*Just right*). В англоязычной культуре этот образ становится эталоном разборчивости, если не сказать привередливости. Вместе с тем имя *Goldilocks* ложится в основу нескольких фразеологических номинаций. Это в основном фразеоматические единицы терминологического характера, в фокусе которых оказывается иной признак – не разборчивость, а умеренность.

Goldilocks economy – экономика с умеренным ростом и низкой инфляцией.

Goldilocks planet – планета, на которой с большей вероятностью может существовать жизнь: положение на одной из средних орбит в звездной системе, средний размер и т. д.

Goldilocks principle – набор условий, удаленных от крайностей.

Именно соотнесенность этих выражений с концептами «propriety» и «moderation» обуславливает их положительную коннотацию.

Интересно, что идиома *Goldilocks way*, означающая попытку уладить дела, не прибегая к крайностям (one's attempt to get things

just right), может в равной степени относиться как к женщине, так и к мужчине, что свидетельствует о том, что целостное значение фразеологизма полностью абстрагировано от исходного референта. Это подтверждается, к примеру, следующим контекстом:

The general was determined to stick to his “**Goldilocks**” war plans – he would fight the enemy in a way that was not too hard and not too soft [Penguin 2001].

Следующий пример демонстрирует, что универсально-прецедентное имя, кодирующее одно и то же смысловое содержание в разных культурах, интерпретируется по-разному во фразеологии различных языков. Имя праведного Иосифа как библейского персонажа более или менее одинаково трактуется в европейских культурах: любимый сын патриарха Иакова является эталоном добродетели. Но на уровне фразеологии обнаруживаются иные интерпретации данного имени.

В русской культуре *Иосиф Прекрасный* – это обобщенный образ совершенного человека, прекрасного во всех отношениях и демонстрирующего цельность и гармоничность личности, что получает экспликацию в наименовании *Прекрасный*. При этом семантика оборота вбирает содержание всего прецедентного текста, т. е. 13 глав книги Бытия (Быт. 37, 39–50).

Французский фразеологизм *faire son (le) Joseph (изобразить из себя Иосифа)* сосредоточен исключительно на эпизоде, когда Иосиф отвергает притязания своей хозяйки, прельстившейся его красотой, и предпочитает понести наказание по ложному обвинению (Быт 39: 7–20). Этот выбор Иосифа квалифицируется в обыденном сознании француза как ханжество, что обуславливает отрицательную оценку данного выражения: оно обычно используется в контекстах, описывающих человека, который «прикидывается скромником». Аналогично немецкий оборот *ein keuscher Josef* (шутл. *целомудренный Иосиф*), как правило, используется в шутовом, ироничном смысле. Таким образом, русский фразеологизм и его немецкий и французский аналоги вербализуют разные концепты.

М. Л. Ковшова справедливо указывает на тот факт, что значение фразеологизма может рассматриваться как «информационный текст», «различные смыслы которого проходят сквозь фильтр ментальности говорящего и слушающего, и интерпретируются в пространстве

социального и культурного знания» [Ковшова 1999, с. 164]. Это, в частности, предполагает, что языковая интерпретация – процесс, который никогда не прекращается. В диахронии это может проявляться в различных векторах развития одного и того же знака – по линиям наиболее устойчивых ассоциаций или импликаций.

К примеру, очень высокой фразеологической активностью характеризуется английское имя *Thomas / Tom / Tommy*. Это имя встречается в составе многочисленных фразеологизмов: *Doubting Thomas; peeping Tom; Tom, Dick and Harry, Tom and Jerry; Tommy Atkins; Tom fool; Tom O'Bedlam; Tom Tailor; Tom Thumb; more know Tom Fool than Tom Fool knows* и др.

Следует заметить, что помимо связи с различными прецедентными текстами данное имя обладает особой символикой. Во многих языках имеются собственные имена, обобщение значения которых достигает такого уровня, что они способны обозначать любого (обычного) представителя народа или даже человека вообще (рус.: *Иванов, Петров, Сидоров; Иван да Марья*). В английском языке такими именами являются *John/Johnny, Jack, Jill, Jane* и *Tom*. Но если имя *John* часто служит обозначением добропорядочного, законопослушного гражданина, то коннотации имени *Tom / Thomas* в составе большинства фразеологизмов отрицательные. Анализ показывает, что ФЕ с компонентом *Tom / Tommy / Thomas* либо обозначает обычного человека (*Tom, Dick and Harry* – всякий, каждый; первый встречный; обычный заурядный человек [Кунин]), либо определенный типаж человека: *peeping Tom* (человек с нездоровым любопытством); *Tom fool* (простофиля); *Tom O'Bedlam* (сумасшедший); *Tom / Tommy Tucker* (голодный; обжора) и т. д. (подробнее см. [Рыжкина 2013]). Даже идиома *Doubting Thomas* (*Фома неверующий*, скептик), восходящая к тексту Библии, логически встроилась в этот ряд. Можно сказать, что, если *Tom* как символическое обозначение человека является продуктом вторичной языковой интерпретации, то всё фразеологическое гнездо возникло вследствие переосмысления этого, символического значения, наложенного на этимологию каждой конкретной единицы.

Данное гнездо обладает выраженной национально-культурной спецификой и не имеет прямых аналогий в других языках. Это распространяется и на ФЕ *Doubting Thomas*, которая благодаря своему библейскому происхождению все-таки соотносима с близкими по

смыслу и построению, но не идентичными фразеологизмами в других языках. Например, современное прочтение русской ФЕ *Фома неверный / неверующий* во многом сформировалось в результате реконтекстуализации имени *Фома* в советский период. Дело в том, что ввиду недоступности Библии для большинства советских людей произошел отрыв значения данного оборота от исходного текста. Истинное происхождение ФЕ (и ее второй вариант с прилагательным «неверный») было забыто, а сама единица стала ассоциироваться с широко известным детским стихотворением Сергея Михалкова:

...Ни дома, ни в школе,
Нигде, никому –
Не верил
Упрямый Фома
Ничему...

В итоге данная идиома приобрела шутовское звучание и непривычные для ее традиционной трактовки коннотации. Иными словами, ФЕ *Фома неверный / неверующий* утратила живую связь с русским религиозным кодом и «переключилась» на код массовой культуры. В связи с этим было бы не совсем правильно считать русский и английский фразеологизмы эквивалентами.

Подводя итоги, следует отметить следующее. Наличие в составе фразеологизма прецедентного имени, т. е. имени, имеющего в данной лингвокультуре особый обобщенный смысл, создает непосредственную связь фразеологии с национальной картиной мира, ибо имя кодирует и транслирует в сжатой, лаконичной форме определенный фрагмент культурно-исторической памяти народа. Вместе с тем этот фактор обуславливает необычайную семантическую сложность фразеологизмов. Как показал проведенный анализ, фразеологическое значение формируется не простым сложением смыслов, соотносимых с компонентами ФЕ, а в результате многоуровневой языковой интерпретации, каждый уровень или этап которой как бы наслаивает на основное значение единицы дополнительные смыслы и культурные коннотации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе. М. : Российское Библейское Общество, 1995. 1376 с.

- Болдырев Н. Н.* Языковая интерпретация и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 25–35.
- Костомаров В. А. В. В.* Виноградов о русском языке как явлении мировой культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. № 3. С. 49–54.
- Ковшова М. Л.* Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 164–173.
- Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., перераб. М. : Русский язык-Медиа, 2006. 1210 с.
- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.* Русский толковый словарь. 5-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1998. URL : www.вокабула.рф/словари/русский-толковый-словарь-лопатина/ справедливость
- Мокиенко В. М.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926 с.
- Рыжкина Е. В.* Прецедентность имени в английской фразеологии // Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 112–123. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 20 (680). Языкознание.)
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986. URL : www.vasmer.slovaronline.com/
- Bible* – The Holy Bible Containing the Old and New Testaments. Authorized King James Version. NY : Bible society, printed in GB. 1814 p.
- Etymonline* – The Online Etymology Dictionary. URL : www.etymonline.com/
- Longman* – Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman group, 2000. 1560 p.
- Oxford* – Oxford Dictionary of Idioms / ed. by Judith Siefring. Second edition. Oxford University Press, 2005.
- Penguin* – Penguin Dictionary of English Idioms. 2nd edition. England: Daphne M. Gulland, 2001. 378 p.
- Wierzbicka A.* Introduction // Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York : Oxford University Press, 1997. P. 1–31.

УДК 81'34

А.-М. В. Сапронова

аспирант каф. фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: sapronova5@mail.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье выявляются и систематизируются невербальные и просодические характеристики политического дискурса, описываются их различия в речи мужчин-политиков и женщин-политиков, а также изучается модальность в контексте жанра телеинтервью.

Ключевые слова: просодия; невербальное поведение; политический дискурс; частота основного тона; модальность.

A.-M. V. Sapronova

Postgraduate, Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: sapronova5@mail.ru

PROSODIC AND NONVERBAL CHARACTERISTICS OF POLITICAL DISCOURSE

The article is dedicated to the identification and classification of nonverbal and prosodic characteristics of political discourse, to the description of their differences in the speech of male and female politicians, and to the study of modality in the genre of TV interview.

Key words: prosody; nonverbal behavior; political discourse; fundamental frequency; modality.

Предпосылки исследования

Цель данной статьи – выявить и описать основные просодические и невербальные характеристики политического дискурса, а также механизм воздействия политиков на аудиторию, следовательно, на потенциальных избирателей.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что оно выполнено в рамках мультимодального направления. Изучение невербальных и просодических средств в речевой коммуникации необходимо для понимания особенностей их взаимодействия.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем предпринимается попытка рассмотреть прагматику политического дискурса в рамках совместного функционирования просодии и невербалики.

Речь и невербальное поведение людей в информационную эпоху являются предметом повышенного интереса для многих отечественных и зарубежных исследователей [Крейдлин 2004; Ekman 2003; Bowden 2010; Knapp, Hall 2014]. Кроме того, политическая деятельность и ее освещение в СМИ играют большую роль в жизни современного общества [Демьянков 2002; Филатова 2004; Дёмина 2012; Экман 2017].

В настоящее время резко возрастает потребность в сотрудничестве экспертов в области невербального поведения, психологии, журналистики, политологии и других сфер с различными спецслужбами, разведывательными управлениями и правительственными организациями с целью повышения эффективности их работы и предотвращения возможных актов агрессии, а также нейтрализации политических угроз [Ekman 2003; Navarro 2008; Matsumoto 2012; Nolen 2016; Daugherty 2017; Экман 2017].

Материалом для статьи послужили восемь интервью, участника-ми которых стали известные политики, занимающие высокие посты в правительстве Великобритании. Шестеро участников посетили новостную передачу *The Andrew Marr show*, а двое – *Straight talk with Andrew Neil*.

Андреа Ледсом – бывший министр энергетики, с 2016 г. – министр по делам окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства в кабинете Терезы Мэй.

Борис Джонсон – британский политик и журналист, бывший мэр Лондона, министр иностранных дела в кабинете Терезы Мэй (с июля 2016 г.).

Дэвид Кэмерон – британский политик, член Консервативной партии, премьер-министр Соединенного Королевства (2010 – 2016).

Найджел Фараж – британский политик, лидер Партии независимости Соединенного Королевства (2010–2016). Сопредседатель европарламентской фракции «Европа за свободу и демократию».

Пенни Мордаунт – британский политик, член Консервативной партии, государственный министр в Министерстве труда и пенсий Великобритании.

Тереза Мэй – британский политик, действующий 76-й премьер-министр Великобритании, лидер Консервативной партии с 11 июля 2016 г.

Иветт Купер – британский политик, теневой министр внутренних дел.

Зак Голдсмит – британский политик и журналист, бывший кандидат в мэры Лондона.

Все интервью объединены общей темой – выход Великобритании из ЕС, предстоящий референдум и его возможные последствия.

Проведение и результаты эксперимента

При проведении исследования было проанализировано 700 синтагм при помощи компьютерных программ PRAAT для сегментации звукоряда, выявления показателей ЧОТ, Final Cut для сегментации видеоряда и VLC в формате медленного воспроизведения.

Рассмотрим фразы, произнесенные Андреа Ледсом.

1. I think that the **risks** of **remaining in** the EU | **massively** magnified.

Это двухсинтагменная фраза. Во время произнесения первой синтагмы брови говорящего нахмурены, что, как правило, выражает озабоченность. Кроме того, акцентирующими движениями головы выделяются слова *risks*, *remaining*, *in*. На слове *risks* максимальная ЧОТ составляет 231 Hz, на слове *remaining* – 162 Hz, на слове *in* – 203 Hz.

Во второй синтагме *massively magnified* происходят значительные изменения на слове *massively*: тело говорящего приподнимается, затем резко опускается, при этом говорящий поджимает губы и щурится. На слове *massively* ЧОТ увеличивается в 1,5 раза, до 342 Hz. По данным И. А. Вартамян, частотный диапазон голоса женщины составляет от 165 Hz до 255 Hz, средний показатель ЧОТ достигает 225 Hz [Вартамян 1981]. Таким образом, данное слово значительно выделено просодически и невербально, так как подчеркивается масштаб обсуждаемого явления.

Рассмотрим следующий пример:

2. **People voted to leave.**

В данной односинтагменной фразе выделены три слова, произнося которые респондент делает акцентирующие движения головой. Кивки, как правило, подчеркивают уверенность в сказанном, в собственной правоте или правильности действий.

С точки зрения традиционной тема-рематической организации логическое ударение должно стоять на слове *leave*, однако максимально

выделено слово *people*, показатель которого 315 Hz намного выше эталонного для женщин, на слове *voted* ЧОТ составляет 257 Hz. Слово *leave* наименее выделено как просодически (236 Hz), так и невербально (едва заметное движение головы). Таким образом, учитывая просодические показатели и невербальные характеристики данной фразы, можно сказать, что информант настаивает на том, что голосование за выход Британии из ЕС было волей народа.

Описывая ситуацию, связанную с выходом Британии из ЕС (*Brexit*), Андреа Ледсом упоминает о Терезе Мэй:

3. *Teresa is a superb candidate.*

Согласно «Большому англо-русскому словарю» под редакцией И. Р. Гальперина, слово *superb* имеет очень позитивную коннотацию – «великолепный...роскошный...превосходный» [Гальперин 1972, с. 572]. Обычно, данное слово в речи выделяется как просодически, так и невербально. Однако, произнося слово *superb*, министр покачивает головой из стороны в сторону. Как известно, подобное движение означает отрицание факта [Экман 2017]. Исходя из данного примера, можно сделать вывод о том, что говорящий не так уверен в кандидатуре, о которой высказывается, либо говорит неправду, неосознанно показывая это с помощью движений головы и сдержанной интонацией. Просодический показатель составляет 201 Hz; он ниже среднего эталонного для женщин [Orwen, Bachorowski 2007].

Рассмотрим некоторые примеры из интервью с Дэвидом Кэмероном.

4. *We don't have to risk it!*

В данной односитагменной фразе выделено слово *risk*, максимальная ЧОТ которого составляет 222 Hz. Частотный диапазон типичного голоса взрослого мужчины составляет от 75 Hz до 150 Hz [Orwen, Bachorowski 2007]. Таким образом, просодический показатель слова значительно превышает эталонный.

Произнесение слова *risk* сопровождается интенсивным кивком, также поднимается правое плечо, глаза округляются. Из этого следует, что движения и мимика министра, а также просодические показатели акцентируют значение слова *risk*. Министр выражает свою негативную позицию по вопросу выхода Британии из ЕС и его возможных последствиях.

5. Our campaign slogan is: | **stronger-positive**, | **safer-positive**, | **better off-positive**.

В данной четырехсинтагменной фразе акцентируются слова *stronger* (165 Hz), *safer* (321 Hz), *better off* (269 Hz). Следует отметить, что слово *safer* выделено особо, показатель ЧОТ которого выше эталонного в 2,5 раза [Потапова 2006]. Произнесение выделенных слов сопровождается активной мимикой, акцентирующими жестами рук, головы и движениями тела.

Таким образом, министр подчеркивает приоритетные для большинства избирателей понятия, такие как: политическая мощь государства, безопасность и благополучие.

Обратимся к примерам из речи Найджела Фаража:

6. I **enjoyed** being the Chairman of it, | I **enjoyed** being the campaign director from 2002 to 2004, | and I've **enjoyed** doing this since 2006.

В данной фразе, состоящей из трех синтагм, глагол *enjoyed* повторяется несколько раз. Произнесение слова *enjoyed* в начале, в середине и в конце фразы сопровождается акцентирующими движениями головы и мануальными жестами. Параметры ЧОТ составляют 181 Hz, 160 Hz и 206 Hz, соответственно. Показатели намного превышают эталонные для мужских голосов.

Произнося первую синтагму, говорящий улыбается. Далее улыбка исчезает. По данным Пола Экмана, улыбка может появляться не только в моменты, когда говорящий испытывает положительные эмоции, но также и при их отсутствии. Улыбки могут свидетельствовать о вежливости и воспитанности человека [Ekman 2003]. Исходя из данного примера, мы можем заключить, что респондент не вполне доволен собственными успехами и успехами своей партии, пытаясь скрыть данный факт с помощью улыбки.

Определенный интерес представляют речевые повторы.

Например, в интервью с Борисом Джонсоном, ведущий перебивает политика, поэтому мэру необходимо начать свою мысль заново и привлечь внимание интервьюера, а также внимание телезрителей.

7. Let me... | **can** I just... | **can** I just explain...

В данной трехсинтагменной фразе слова: *let*, *can* и *can* выделены интенсивными движениями головы и мануальными жестами, тело респондента подается вперед.

Показатели максимальной ЧОТ значительно превышают эталонные: при произнесении глагола *let* максимальная ЧОТ достигает 230 Hz, глагола *can* – 233 Hz, а при повторе глагола *can* данный параметр превышает норму почти в 1,5 раза – 367 Hz.

Речевые повторы и оговорки могут быть связаны с определенным типом эмоций [Экман 2017]. В данном случае Борис Джонсон испытывает раздражение, связанное с тем, что интервьюер не намерен выслушать политика до конца.

8. They were **wrong**, | they were **wrong**, | they were **wrong** then, | and they are **wrong** now.

Четырехкратный повтор слова усиливает его значение. Респондент акцентирует внимание на неправоте своих оппонентов и критиков. Эти слова выделяются просодически и невербально: максимальная ЧОТ на первом слове *wrong* составила 197 Hz, на втором слове – 209 Hz, на третьем – 171 Hz. Показатели превышают эталонные для мужских голосов. Кроме того, слово *wrong* подчеркивается кивками и мануальными жестами. Приведем несколько примеров из речи Иветт Купер:

9. I think we **should've** had **transitional controls**, | so I didn't hear him talk about **transitional controls**.

Данная фраза состоит из двух синтагм. В первой синтагме слово *should* подчеркивается акцентирующим жестом рук, слово *transitional* – покачиванием головы. Произнося слово *controls*, говорящий кладет руку на руку; данный жест совпадает с окончанием синтагмы. Во второй синтагме невербально выделены слова *didn't*, *transitional* и *controls*; при произнесении глагола с отрицательной частицей информант покачивает головой, дополняя сказанное мануальным жестом. Слово *transitional* акцентируется движением головы вниз, а слово *controls* – покачиванием головы.

Максимальная ЧОТ на слове *transitional* в первой синтагме достигает 284 Hz, на слове *controls* – 240 Hz, во второй синтагме максимальная ЧОТ при повторе почти одинаковая – 229 и 230 Hz. Следует принять во внимание, что данный показатель существенно увеличивается при произнесении модального глагола *should* – 334 Hz.

Анализ фрагмента показывает, что информант обращает внимание на непринятие необходимых мер в прошлом и отсутствие упоминания о них в речи предшествующего гостя студии.

Приведем еще один пример:

10. It's **OK** | to have what – | ten per cent **tariffs** | on **cars**? | It's **OK** | to have **tariffs** | on our financial **services**?

Данный фрагмент состоит из двух фраз: первая – из четырех синтагм, вторая – из трех. В данных фразах присутствуют повторы значимых для информанта слов. Слова *OK*, *tariffs*, *cars* и *services* подчеркиваются приподнятыми бровями, прищуром глаз и акцентирующими движениями головой. Показатели максимальной ЧОТ не превышают эталонные для женских голосов при произнесении слов *OK* (246 Hz и 248 Hz) и *tariffs* (249 Hz и 243 Hz), но повышаются при завершении фраз (*cars* – 333 Hz, *services* – 282 Hz).

Таким образом, модальность описываемого высказывания отражена в мимике информанта и в самой вопросительной форме предложения. Подобная форма в совокупности с повторами указанных слов используется респондентом для того, чтобы подчеркнуть важность насущных для большей части населения страны проблем.

Выводы

Исходя из проведенного анализа, мы можем сделать следующие выводы:

1) в интервью политики выделяют слова, которые, по их мнению, являются важными. С одной стороны, просодическим показателем выделенности является максимальная ЧОТ. С другой стороны, эти слова подчеркиваются невербальными средствами: акцентирующими жестами рук, головы, движениями всего тела;

2) максимальная ЧОТ, как правило, выше у женщин-политиков. Тем не менее почти во всех описываемых в статье примерах из интервью с мужчинами-политиками максимальный показатель ЧОТ выше эталонного почти в 2,5 раза, находясь, таким образом, в верхнем регистре значений для женских голосов, а иногда даже и превосходя их максимальный уровень;

3) в свою очередь, максимальная ЧОТ в примерах из интервью с женщинами-политиками превышает норму лишь в 1,5 раза;

4) при максимальных показателях ЧОТ, как правило, выделенность на невербальном уровне достигается за счет совокупности невербальных средств;

5) в целом женщины-политики более склонны к акцентирующим движениям головой. У них активно представлена мимика, особенно движения бровями (приподнятые или нахмуренные);

6) модальность выражается мимикой: нахмуренные брови, прищур, округленные глаза, улыбка;

Таким образом, механизм воздействия политиков на аудиторию представляет собой комплексное явление: значения слов, важных с их точки зрения, акцентируются невербальными и просодическими средствами. Используя этот механизм, политики агитируют, убеждая голосовать за себя, что является основной целью их кампаний и появления на телевидении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большой* англо-русский словарь : в 2 т. / под ред. И. Р. Гальперина. М. : Советская энциклопедия, 1972. Т. 2. 863 с.
- Вартанян И. А.* Звук – слух – мозг. Л. : Наука, 1981. 176 с.
- Дёмина М. А.* Фонопрагматическая обусловленности речи телеведущих информационных программ : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 254 с.
- Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. М., 2002. С. 32–43.
- Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. М. : Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
- Филатова Е. А.* Лексико-стилистические и фонетические средства организации англоязычного политического дискурса: на материале речей британских и американских политиков : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004. 197 с.
- Экман П.* Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб. : Питер, 2017. С. 86.
- Daugherty J.* Body Language: An Ex-SPY's Guide to Master the Art of Nonverbal Communication to Know What People Are Really Thinking in Any Situation (Spy Self-Help) // CreateSpace Independent Publishing Platform. Vol. 7. 2017. 96 p.
- Ekman P.* Emotions Revealed. New York // Times Books. Henry Holt and Company, 2003. P. 222–229.
- Knapp M., Hall J. and Horgan T.* Nonverbal Communication in Human Interaction. Belmont, California : Wadsworth Publishing, 2014. 491 p.
- Matsumoto D.* Nonverbal Communication: Science and Applications. SAGE Publications, Inc., 2012. 336 p.

- Navarro J.* What Every BODY is Saying: An Ex-FBI Agent's Guide to Speed-Reading People. William Morrow Paperbacks, 2008. 272 p.
- Nolen R.* Body Language: Effective Non-verbal Communication to Understand People, Influence People and Attract People Instantly // CreateSpace Independent Publishing Platform. 2016. 64 p.
- Orwen M., Bachorowski J.* Measuring emotion-related arousal // J. A. Coan and J. J. B. Allen Handbook of Emotion Elicitation and Assessment. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 239–266.

УДК 811.111'373

Н. С. Скворцова

соискатель каф. лексикологии английского языка ФАЯ МГЛУ,
ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области политических наук ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: nskvortsova18@gmail.com

РОЛЬ АНТОНИМИЧЕСКОГО ОБРАЗА В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье обосновывается представление об антонимическом образе как о ментальном конструкте, взаимодействующим с оппозиционными концептуальными схемами при формировании противоположных значений фразеологических единиц. Модели такого взаимодействия рассматриваются на материале фразеологических антонимов, репрезентирующих антонимические концепты «success» и «failure».

Ключевые слова: антонимический образ; оппозиционная концептуальная схема; антонимические концепты; фразеологическая единица.

N. S. Skvortsova

Post-graduate student of the Chair of English Lexicology;
Lecturer of the Chair of Linguistics and Professional Communication
in the field of Regional Studies; e-mail: nskvortsova18@gmail.com

THE ROLE OF ANTONYMIC IMAGE IN FORMATION OF PHRASEOLOGICAL SEMANTICS

The article sets out to prove the existence of antonymic image, a mental structure correlating with oppositional conceptual schemes while forming antonymic semantics of phraseological units. The models of such correlation are demonstrated on the material of phraseological antonyms representing antonymic concepts 'success' and 'failure'.

Key words: antonymic image; oppositional conceptual scheme; antonymic concepts; phraseological units.

Образ, являясь одним из этапов познания, играет важную роль в ментальной обработке информации о мире, окружающем человека. С точки зрения психологии познание начинается с ощущений, которые, накапливаясь, формируют в сознании человека представления, т. е. некие ментальные структуры, отражающие мысли о реальных и абстрактных предметах и явлениях, а также их основных характеристиках. Таким образом в сознании создается редуцированная картина

(схематизированное знание), отображающая познаваемый объект и хранящаяся в памяти.

Е. Г. Беляевская тонко подмечает: «...образ формируется из отдельных «кусочков» чувственного восприятия, поступающих от сенсорных рецепторов человека. Дальнейший синтез предполагает «сопряжение» отдельных «квантов» чувственной информации, воспринимаемой в процессе познания» [Беляевская 2001, с. 25–26]. Ключевым моментом данного высказывания для нашего исследования является то, что образ разложим и поддается делению, он не является размытой ментальной картиной, и поэтому может быть представлен схематически.

В значениях фразеологических единиц (*далее* ФЕ), сложных знаков языковой системы, почти всегда заложен образ. При этом, образность создается за счет совмещения нескольких картин. По словам Е. Г. Беляевской, фразеологический образ является своеобразной конструкцией, состоящей из нескольких относительно простых образных представлений, т. е. формируется концептуальная модель, продуцирующая группу идиом [там же].

Теория концептуальной метафоры, основанная на идее о корреляции между понятийными областями разного порядка (например, явлениями физического и культурного опыта), позволяет выявить основные механизмы формирования фразеологических значений. Н. А. Стебелькова подчеркивает, что механизм формирования метафорической образности в значениях ФЕ основан на ассоциациях, отражающих сходство между гетерогенными сущностями, при этом концептуальная метафора может обладать различной степенью абстракции: она может иметь вид «инварианта-схемы» (например, в пространственных метафорах) или «инварианта-образа», т. е. прототипичного образного представления (например, «честность» концептуализируется как прямые линии, а «нечестность» – как извилистые и косые) [Стебелькова 2009]. Данное положение соотносится с идеей Н. Д. Арутюновой о существовании ключевых метафор, которые задают аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождают более частные метафоры [Арутюнова 1990, с. 22].

Взяв за основу положения о метафоре, выдвинутые Э. Маккормаком [Маккормак 1990], мы поставили задачу соотнести фразеологическую образность с метафорическими структурами на когнитивном,

семантическом и языковом уровнях. Ученый подчеркивает, что данные уровни не являются взаимоисключающими, и в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный. Для нас образная структура ФЕ представляется многоуровневым образованием, состоящим из: 1) довербального уровня, представленного когнитивным (базовые метафорические структуры) и семантическим подуровнями (образы, заимствованные из определенных семантических областей); 2) вербального уровня, представленного собственно языковыми средствами, репрезентирующими определенные образы. Данные уровни представляют разную степень абстракции.

Для изучения когнитивных особенностей выхода явления противоположности в знаковую систему языка нами были использованы полярные концепты, которые, как известно, метафорически структурируются противоположными сущностями. Мы провели концептуально-когнитивный анализ ФЕ, репрезентирующих антонимические концепты «success» и «failure». На фразеологическом материале формировались оппозиционные тематические группы, соответствующие противоположным концептуальным признакам изучаемых концептов. В рамках оппозиционных тематических групп выявлялись общие и частные оппозиционные концептуальные схемы (*далее* ОКС), метафорические структуры, отражающие корреляцию разных понятийных областей, участвовавших в формировании значений ФЕ. Придерживаясь мнения Е. Н. Миллера [Миллер 1990] о том, что наличие у противопоставляемых ФЕ общих и противоположных семантических элементов значений является основным критерием выделения фразеологических антонимов, на основе ОКС проводилось выделение бинарных оппозиций – две фразеологические единицы, связанные антонимическими отношениями, и синонимико-антонимических групп – объединение ФЕ, состоящее из двух синонимических рядов, члены которых связаны отношениями семантической противоположности (*далее* САГ). При декодировании образной основы фразеологических антонимов особое внимание уделялось корреляции довербальных подуровней (когнитивного и семантического), т. е. взаимодействию ОКС и антонимических образов, результатом которого является выбор определенных языковых знаков, вербализующих данные образы. Таким образом прослеживались механизмы установления антонимических отношений между ФЕ.

Сам антонимический образ понимается как некий абстрактный конструкт, промежуточное звено между мышлением и языком, имеющее в сознании вид «контрастной схематичной картинки». В процессе исследования выявилось, что антонимический образ имеет разные степени абстракции: он может либо проявляться в общей и частной ОКС, либо уточняться и вносить дополнительные оттенки значения при использовании более конкретного образа, взаимодействующего с общей и частной ОКС.

В статье рассматривается общая ОКС *Achieving Success is Activity / Failing is Activity* (всего 256 ФЕ), подразделяющаяся на ряд частных ОКС, соответствующих антонимическим образам, в которых отражаются определенные стороны человеческой жизни:

1) ОКС *Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition* (в данном случае подразумевается любая соревновательная ситуация: спортивные соревнования, различные игры соревновательного типа (настольные и карточные игры, боулинг), военные сражения, а также споры и пари (*to drop the ball; to have the ball at your feet; to come up trumps; the cards are stacked against someone; to fall like ninepins; to win on points; to meet your Waterloo; to keep the flag flying* – всего 114 ФЕ);

2) ОКС *Success is Having Money / Failure is Losing Money* (*to strike gold; to throw good money after bad* – всего 43 ФЕ);

3) ОКС *Success is Shooting / Failure is Shooting* подразделяется на частные оппозиционные концептуальные подсхемы *Success is Shooting The Target / Failure is Missing The Target, Success is Shooting / Failure is Being Shot* и *Having One More Chance for Success is Having Another Shot / Not Having Chances for Success is Running Out of Shots* (*to hit the mark; to shoot yourself in the foot; another string to your bow; to shoot your bolt* – всего 21 ФЕ);

4) ОКС *Success is Working and Making Efforts / Failure is Resting* (*to do the business; to be caught napping; to move heaven and earth; to rest on your oars* – всего 17 ФЕ);

5) ОКС *Success is Eating / Failure is Eating* делится на частные оппозиционные концептуальные подсхемы: *Success is Good Cooking / Failure is Bad Cooking, Success is Eating Something Good / Failing is Eating Something Bad* или *Success is Eating / Failure is Being Eaten* (*a recipe for success/disaster; like the cat that ate a canary; to eat a crow; to eat somebody alive; to be done like dinner* – всего 16 ФЕ);

6) ОКС ***Success is Killing / Failure is Being Killed*** (to make a killing; to be a marked man – всего 12 ФЕ);

7) ОКС ***Success is Cleaning / Failure is Being Cleaned*** (to take an early bath; to take someone to the cleaners; to wipe the floor with someone – всего 11 ФЕ);

8) ОКС ***Success is Hunting / Failure is Being Hunted*** (happy hunting ground; easy meat – всего пять ФЕ);

9) ОКС ***Success is Being Lucky with Opposite Sex / Failure is Being Unlucky with Opposite Sex*** (to meet your match; to be no match for somebody – всего четыре ФЕ).

На основе общей ОКС ***Achieving Success is Activity / Failing is Activity*** были выделены 31 бинарная оппозиция и 15 синонимико-антонимических групп. При декодировании процессов формирования противоположных значений ФЕ в бинарных оппозициях и синонимико-антонимических группах выделились следующие тенденции взаимодействия когнитивного и семантического уровней:

1) антонимический образ может иметь прямой выход в знаковую систему языка, т. е. в компонентный состав фразеологических антонимов входят лексические антонимы (данная тенденция проявляется в бинарных оппозициях): *to hit the mark – to miss the mark* (to be (un) successful in one's attempt), *to back a winner – to back a loser* (to support someone or something that can(not) succeed). Противоположность значений ФЕ в представленных бинарных оппозициях базируется на единой образной основе. В компонентный состав противопоставляемых ФЕ входят лексические антонимы *to hit – to miss*, *winner – loser*, при этом лексические единицы *hit* и *miss* становятся антонимами именно в составе ФЕ *to hit the mark – to miss the mark*. Значения ФЕ в первой оппозиции основываются на образе «выстрела» (попадание в цель – промах), представленного частной оппозиционной концептуальной подсхемой ***Success is Shooting The Target / Failure is Missing The Target***, а значения ФЕ во второй оппозиции основаны на образе «ставки на конных скачках» (поставить на победителя – поставить на проигравшего), взаимодействующего с частной ОКС ***Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition***. Данные бинарные оппозиции представлены полными фразеологическими антонимами;

2) противоположность значений может основываться на общем антонимическом образе, заимствованном из единой семантической

области (при этом отмечается отсутствие лексических антонимов в составе фразеологических антонимов): а) значения ФЕ, входящих в бинарную оппозицию *to put one's shirt on something* (to bet all one has or a lot of money because you feel very certain that you will win) – *to lose one's shirt* (to lose a lot of money) формируются при помощи антонимического образа «поставить имущество на ставку – проиграть поставленное имущество», заимствованного из семантической области «карточная игра» (частная ОКС ***Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition***). Лежащий в основе значений ФЕ образ «рубашки» восходит к практике карточных игроков после многочисленных проигрышей ставить в качестве ставки последнее свое имущество (обычно у них оставалась только их рубашка); б) значения ФЕ, входящих в САГ *the smart money* (money that is invested by successful investors who know a lot about what they are doing) – *to throw money at something* (to spend a lot of money trying to do something that will probably not succeed) / *to throw good money after bad* (to spend more money on something that has already failed), формируются при помощи общего антонимического образа «хорошие инвестиции – плохие инвестиции», заимствованного из семантической области «финансы» (частная ОКС ***Success is Having Money / Failure is Losing Money***). При формировании значения первой ФЕ происходит перенос характеристик живых объектов на характеристики неживых: умственные качества успешных инвесторов преобразуются в характеристику успешных денежных вложений (smart investors → smart money). В основе значений второй и третьей ФЕ лежит образ «выбрасывания денег», формирующий значение «неоправданные расходы денежных средств»;

3) противоположность значений может основываться на общем антонимическом образе, заимствованном из разных семантических областей:

а) значения ФЕ, входящих в бинарную оппозицию *like the cat that ate (swallowed) the canary (cream)* (to look self-satisfied because of your success) – *to eat crow (dirt/humble pie)* (to be ashamed, to admit one's failure) формируются при помощи антонимического образа «съесть что-то вкусное / приятное – съесть что-то невкусное / несъедобное» (частная оппозиционная концептуальная подсхема ***Success is Eating Something Good / Failing is Eating Something Bad***). В значение первой ФЕ заложена зоометафора, представленная образом «кота, проглотившего

канарейку (сливки)», а в основе значения второй лежит антропологическая метафора, представленная образом «человека, съевшего ворону или грязь, или обиду (букв. ‘унизительный пирог’)». Канарейка или сливки являются приятной и съедобной для животного едой, в то время как, компоненты второй ФЕ, подразумевающие некую «пищу», являются непригодными для питания человека. По данным сайтов phrases.org.uk и en.m.wikipedia.org словосочетание *humble pie* означает пирог, который готовился из внутренностей (umbles) животных (обычно оленей) и являлся пищей низших сословий;

б) значения ФЕ, входящих в САГ *to be baying for blood* (if a group of people are baying for blood, they want someone to fail or be hurt) / *to be in(on) at the kill (death)* (to be present and participate in killing or defeating someone) / *to go(move) for the kill* (to prepare to defeat someone completely) – *to be a marked man* (a targeted man, who is in danger because someone wants to defeat, harm or kill him) формируются на основе конверсивного антонимического образа «предвещать чью-то смерть / представлять смертельную угрозу – быть в смертельной опасности». В основе значений первых трех ФЕ лежат образы, заимствованные из семантической области «охота»: образ «собак, лающих на загнанного зверя» (традиционная английская охота на лис) и образ «дикого зверя во время охоты». В основе значения четвертой ФЕ лежит образ «прицела», т. е. красной точки, направленной на человека при подготовке к выстрелу. В формировании значений ФЕ, входящих в данную САГ, участвуют частные ОКС ***Success is Hunting / Failure is Being Hunted*** и ***Success is Killing / Failure is Being Killed***;

4) противоположность значений может основываться на разных образах, заимствованных из разных семантических областей. В данном случае в качестве антонимического образа выступает общая или частная концептуальная схема:

а) значения ФЕ, входящих в бинарную оппозицию *to get out of jail* (succeed in avoiding defeat or a difficult situation) – *to fall like ninepins* (to fail, to be defeated, especially in large numbers), основываются на антонимическом образе, представленным частной ОКС ***Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition*** (в данном случае можно выделить частную оппозиционную концептуальную подсхему ***Success is Winning a Game / Failure is Losing a Game***, отражающую более конкретный антонимический образ). При этом данные образы

представляют разные игры. В первом случае используется образ, заимствованный из настольной игры «монополия»: игрок получает карточку (a get-out-of-jail-free card), дающую ему право сделать ход, тем самым сдвинув фишку с поля «тюрьма». Во втором случае используется образ «кеглей», сбиваемых во время игры в боулинг: в данном случае проигравший или неуспешный субъект выступает в роли сбитой кегли;

б) значения ФЕ, входящих в САГ *home free* (to be certain to succeed because you have finished the most difficult part of it) / *home and dry(hosed)* (to have successfully finished something) – *to drop the ball* (to make a mistake or fail to do something that you are responsible for) / *an own goal* (a failure to achieve something which results in damage to your own interests), формируются при помощи образов, заимствованных из семантической области «спорт», однако конкретные образы, использованные в каждой отдельной ФЕ отличаются, так как они относятся к разным видам спорта. В основе значения первой ФЕ лежит образ, заимствованный из бейсбола (игрок, совершая пробежку (run) и тем самым зарабатывая очко своей команде, возвращается на базу (home)), а второй – образ «лошади», заимствованный из семантической области «конные скачки» (согласно сайту *phrases.org.uk*, добравшаяся первой до финиша лошадь, отдохнув и «остыв» (dry), отводится в стойло (home) (животное также могут помыть из шланга (hosed down)). В основе значений третьей и четвертой ФЕ лежит образ «мяча», при этом не ясно, какая именно игра с мячом послужила источником данного образа (футбол, бейсбол, крикет или баскетбол). Игрок, упустивший мяч или забивший гол в ворота своей команды, совершает грубую ошибку, ведущую к проигрышу. В качестве антонимического образа выступает частная ОКС ***Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition*** (в данном случае можно выделить частную оппозиционную концептуальную подсхему ***Success is Winning a Sports Game / Failure is Losing a Sports Game***, соответствующую более конкретному антонимическому образу).

Итак, мы рассмотрели основные тенденции взаимодействия когнитивного и семантического уровней на примере общей ОКС ***Success is Activity / Failure is Activity***. Исследование показало, что контрастная образная структура ФЕ является многоуровневым и многомерным образованием, которое может включать в себя эмпирические и

культурно-значимые основания метафоризации. Иными словами, антонимический фразеологический образ стоит рассматривать как конструкцию, состоящую из разных уровней абстракции: помимо элементарных составляющих языковых образов, формирующих семантику ФЕ, в ней выявляются и глубинные основания противоположности, представленные общими и частными оппозиционными концептуальными схемами.

В качестве заключения, хотелось бы отметить, что обращение к оппозиционным концептуальным структурам способствует более тщательному анализу процессов создания контрастной фразеологической образности и выявлению культурно-значимых ценностей и представлений, воплощающихся в образах, заложенных в семантике ФЕ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32
- Беляевская Е. Г.* К проблеме конструирования языковых образов // Когнитивное моделирование семантики разноструктурных единиц языка (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та: вып. 21 (627), сер. Языкознание). М. : Рема, 2001. С. 24–32.
- Маккормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 358–385.
- Миллер Е. Н.* Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 1990. 222 с.
- Стебелькова Н. А.* Фразеологическая образность и базовые метафоры // Изучение разноструктурных языковых знаков: проблемы и перспективы (Вестн. Моск. гос. лингвистич. ун-та; вып. 572. Сер. Языкознание). М. : Рема, 2009. С. 73–81
- The Phrase Finder.* URL : www.phrases.org.uk/
- Wikipedia.* URL : www.en.m.wikipedia.org/

УДК 81'255

К. И. Таунзенд

кандидат филологических наук, доцент;
доцент каф. переводоведения и практики перевода английского языка
Переводческого факультета ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: townsendX@yandex.ru

О НЕИЗВЕСТНОМ ПЕРЕВОДЧИКЕ В РОССИИ XVIII ВЕКА (рукописные переводы архимандрита Ювеналия Смирнова)

Статья открывает читателям ранее неизвестные переводы с латинского на русский язык толкований на Евангелия, написанных Эразмом Роттердамским. Русский переводчик XVIII в. – архимандрит Ювеналий Смирнов – не опубликовал свои переводы, которые дошли до нас в рукописи и, как следствие, не известны широкому кругу филологов. Автор исследует текстологическую сторону перевода в широком прагматическом ракурсе с учетом традиции перевода религиозных текстов в России, этапа развития русского языка и общего исторического контекста страны в конце XVIII в. Предлагается небольшой сравнительный обзор языка переводов с языком рукописных проповедей архимандрита Ювеналия как отражение влияния индивидуального стиля переводчика на переводной текст.

Ключевые слова: история перевода; толкования на Евангелия; перевод религиозных текстов; история русского языка; XVIII век.

К. I. Taunzend

Candidate of Philology (PhD); Associate Professor,
the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting
(the English Language), the Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: townsendX@yandex.ru

AN UNKNOWN RUSSIAN TRANSLATOR OF THE 18TH CENTURY (manuscripts by Archimandrite Juvenalis Smirnov)

The article introduces to the public unknown translations from Latin into Russian of the commentaries on the Gospels by Erasmus Roterodamus. The Russian translator of the 18th century, archimandrite Juvenalis Smirnov, did not publish his translations which are now available in manuscripts, and therefore are not familiar to an audience of philologists. The author studies the textual side of the translations taking into account the broad pragmatic context of the tradition of religious translations in Russia, the stage of the language development as well as the general historical situation in the country at the end of the 18th century. In conclusion, there is a brief comparative review of the language of the translations with the language of handwritten sermons by archimandrite Juvenalis, which is a reflection of the influence of the translator's individual style on the target text.

Key words: history of translation; commentaries on the Gospels; religious translations; history of the Russian language; 18th century.

Значение переводной литературы в истории русской культуры столь велико, что едва ли найдется хоть одна область государственной, церковной и общественной жизни, которая, начиная с Древней Руси и вплоть до конца XVIII в., не подверглась ее влиянию. Говоря о переводной литературе, мы имеем в виду произведения самых разных стилей и жанров: богословские, духовно-полемические, научные, учебные, нравоучительные, а также художественные и специальные сочинения. Знаток русских рукописей академик А. И. Соболевский подчеркивал, что в древнерусский период переводная литература «имела гораздо большее значение, чем оригинальная. Она была несравненно богаче, чем оригинальная» [Соболевский 1903, с. v]. В XV–XVII вв. переводы по-прежнему преобладали в количественном и качественном отношении. «В течение всего XVIII столетия перевод сохранял цену тем большую, чем выше было его достоинство» [Соболевский 1903, с. vi]. Здесь следует вспомнить, что XVIII в. – это период формирования и стандартизации русского литературного языка, «создания новых форм национального русского выражения, сближенных с западноевропейскими языками и свидетельствующих о более широком влиянии европейской культуры и цивилизации» [Виноградов 1982, с. 56]. Таким образом, на протяжении нескольких столетий перевод оказывал значительное влияние на самые разные сферы русской жизни. Отсюда не случаен тот интерес, который проявляли еще в XIX–XX вв. и проявляют уже в XXI в. к изучению переводной литературы исследователи истории перевода, литературы и культуры. Конечно, особое внимание привлекают неизвестные переводы тех далеких эпох как новые свидетели нашего национально-культурного становления.

В процессе работы в отделе рукописей Российской государственной библиотеки нами было обнаружено несколько рукописных переводов с латинского, выполненных архимандритом Ювеналием Смирновым в конце XVIII – начале XIX в., которые представляют собой толкования на Евангелия от Луки, от Иоанна и на Деяния Святых Апостол, а также в отдельных частях толкование на Послания апостола Павла, написанные знаменитым гуманистом и просветителем XVI в. Эразмом Роттердамским [Толкование на Деяния Святых Апостол; Толкование на Евангелие от Иоанна; Толкование на Евангелие от Луки]. По данным каталога, все эти рукописи из собрания рукописных книг Московской духовной академии имеют полную сохранность

и согласно водяным знакам на бумаге датируются не ранее 1798–1800 гг. Сопоставление с латинским оригиналом [Des. Erasmi Roterdami Paraphrasis ... 1668] показало, что перед нами отнюдь не переложение или творческая переработка иноязычного текста, а собственно перевод на русский литературный язык конца XVIII в. Однако упоминания о данных рукописных переводах отсутствуют в библиографических указателях и, как следствие, нет научного описания этих внушительных по объему и значимости содержания переводов. Данная статья имеет целью восполнить этот пробел в изучении переводов в России XVIII в.

Первый вопрос, на который необходимо ответить при анализе любого исторического перевода, заключается в личности самого переводчика. Согласно скудным биографическим данным, где не установлен год его рождения, а годом смерти указан 1802, Ювеналий Смирнов был префектом Казанской семинарии, игуменом. «С 1772 г. состоял законоучителем кадетского корпуса, в 1774 г. был игуменом Зилантова Успенского монастыря (в Казани), в следующем году был переведен в Кизический монастырь, а в 1802 г. в Цареконстантиновский (Владимирской епархии), где и скончался» [Русский биографический словарь ... 1912, с. 311–312]. В списке его сочинений биографический словарь указывает слова, произнесенные им при высочайшем дворе 26 ноября 1780 г. (СПб., 1780), при выпуске кадетов (СПб., 1782) и при высочайшем присутствии в придворной церкви (СПб., 1789). Как видим, в словаре не упоминаются его рукописные переводы. Более того, словарь ошибочно причисляет к печатным трудам Ювеналия Смирнова «Начальное учение риторическое, или Легчайший и полезнейший способ начинать учиться оратории, предложенный в пользу наипаче из духовного звания обучающегося юношества, Свято-Троицкия Сергиевы лавры духовником, соборным иеромонахом Ювеналием» (М., 1804), которое, согласно каталогу старопечатных книг РГБ, принадлежит перу Ювеналия Медведского (1767–1809). Объяснить такую ошибку составителей словаря, по нашему мнению, нетрудно, если учесть, что в период его создания не было научной и достаточно полной библиографии русских книг XVIII–XIX вв. Итак, перед нами человек, получивший высшее духовное образование, как следует из того, что он начал свой путь учителем Закона Божьего в столичном кадетском корпусе, а затем дослужился до должности префекта (т. е.

инспектора) семинарии, который являлся вторым лицом после ректора. Его проповеди в присутствии императорской семьи также свидетельствуют в пользу его заметного положения и высокой образованности. Неудивительно, что в конце жизни Ювеналий Смирнов взялся за перевод толкований на Священное Писание Эразма Роттердамского.

Приступим к анализу текста этого перевода. Главное, что обращает на себя внимание при сопоставлении с оригиналом, это близкое, почти дословное воспроизведение латинского текста в русском переводе, в отдельных случаях даже в ущерб смыслу. Проиллюстрируем это примерами:

- (1) *Ac primum quidem Evangelium per Apostolos ad hoc ab ipso Domino delectos, relinquoque discipulos spiritu sancto afflato, viva tantum voce, sed optima fide, propagari coeptum est, per omnes mundi regions...* [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 18].

И хотя сперва Евангелие Апостолами для сего самим Господом избранными и прочими учениками Духом Святым вдохновенными только на словах с совершенною истиною начало распространяться по всем странам мира... [Толкование на Евангелие от Луки, л. 1].

- (2) *...harum quorum rerum cognitio juxta modum humanae conditionis suum habet fructum* [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 17].

...хотя и сих вещей познание, по способу человеческого состояния имеет свою пользу [Толкование на Евангелие от Луки, л. 1].

- (3) *...quisquis non didicerit quid pro salute generis humani gesserit in terris Dei filius Jesus Christus...* [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 17].

...кто не знает, что за спасение рода человеческого делал на земле Сын Божий Иисус Христос... [Толкование на Евангелие от Луки, л. 1].

В первом примере русский перевод представляет собой синтаксическую кальку латинского текста, где типичное для латинского языка положение сказуемого в конце предложения удаляет его второстепенными членами от подлежащего «Евангелие» настолько, что русский текст требует повторного прочтения для достижения понимания. Во втором примере затрудняет восприятие калькирование переводчиком предложной фразы *juxta modum humanae conditionis / no способу*

человеческого состояния. При чем в рукописном русском тексте над словом *состояния* рукой переводчика написано и зачеркнуто слово *познания*, возможно, потому что именно это и имеется в виду в оригинале: по способу человеческого познания, т. е. насколько человеку возможно познать некоторые вещи. Однако, избегая тавтологии, Ювеналий Смирнов всё же не отступает от латинского текста, из-за чего русский перевод получается неясным. В третьем примере переводчик сохраняет латинский предлог *pro salute*, передавая его как *за спасение*, хотя в данном случае уместно было бы не передавать значение предлога и перевести *для / ради спасения*. Повторим, что подобного рода калькирование синтаксиса оригинала на разных уровнях пронизывает весь текст русских переводов Ювеналия Смирнова, иногда совпадая со структурой языка перевода, иногда создавая неясность и громоздкость.

Попытаемся найти объяснение такой стратегии русского переводчика XVIII в. Для начала отвергнем заблуждение, что столь близкое следование оригиналу могло происходить от недостаточного знания латинского языка или от неумелого владения языком перевода. Вспомним, что перед нами труд высоко образованного человека, который выступал с проповедями перед высшими лицами государства. На наш взгляд, подобная стратегия дословного воспроизведения оригинала в переводе объясняется многовековой традицией латинско-русских и греческо-русских переводов религиозных текстов, так как именно латинский и греческий были наднациональными языками Средневековья, с которых впоследствии переводились именно церковные тексты на развивающиеся национальные языки. Для подтверждения своей точки зрения проведем параллель между изучаемыми переводами Ювеналия Смирнова и трудами церковных переводчиков предшествующих веков. Так, характеризуя перевод доминиканца Вениамина, «родом славянина, а верою латинянина», который в конце XV в. трудился в Новгороде под руководством архиепископа Геннадия и перевел с латинского несколько библейских книг Ветхого Завета, академик А. И. Соболевский писал: «Перевод его с нашей точки зрения мало удовлетворителен по своей темноте; но и здесь вина лежит не столько на переводчике, сколько на обычае старого времени переводить по возможности буквально» [Соболевский 1903, с. 255]. А уже во второй половине XVII в. приглашенный в Москву для библейской

справы ученый монах «Епифаний Славинецкий и его товарищи и ученики... старались при переводе держаться как можно ближе своих греческих оригиналов и переводить не только смысл, но даже букву этих последних. Отсюда неудобопонятность их трудов, усиливаемая новой, странной терминологией» [Соболевский 1903, с. 288]. Очевидно, русский переводчик XVIII в. придерживался церковной традиции перевода богословских и богослужебных книг, на которых он был воспитан и обучен и по которым служил и преподавал. Сама традиция калькирования религиозного текста в переводе уходит корнями в средневековое мировоззрение, для которого было характерно так называемое «мышление по подобию», когда язык-первооснова и воспринимающий язык находились в отношении прототипа и образа. «Феномен «мышления по подобию» не может рассматриваться с позиции примитивизма переводческой процедуры, так как он является частью общефилософской концепции, основанной на представлении о соотношении имени и его сущности» [Латинско-русский словарь 1949, с. 46]. Исходя из такой точки зрения, становится понятно, почему Ювеналий Смирнов столь близко следовал латинскому оригиналу. Русский переводчик XVIII в. не мог идти вразрез с традицией, носителем и исповедником которой он сам являлся.

Косвенным подтверждением такого мнения служат результаты анализа лексической стороны переводов. Если в синтаксисе переводчик следовал оригиналу иногда даже в ущерб ясности содержания, то при передаче семантики латинского текста он опирался больше на нормы сочетаемости, узус и идиоматику языка перевода. А это значит, что Ювеналий Смирнов прекрасно понимал, где и в соответствии с какими канонами он должен поступать. Приведем несколько примеров передачи лексических аспектов в переводе:

- (4) *Nec enim magnum periculum sit, si quis ignoret, quis fuerit Hannibal aut Alexander; quid rerum gesserit Epaminondas aut Scipio...* [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 17].

Ибо не велика беда, ежели бы кто не знал, кто был Аннибал или Александр; какие дела учинил Епаминондр или Сципион... [Толкование на Евангелие от Луки, л. 1].

- (5) *...solutus est juxta morem eorum qui pecunia tractant communem, inde sibi furtim subtrahere nonnihil: non sincera mente pendens a magisterio Jesu, sed jam tum sibi peculium prospiciens, quo viveret ab illius consortio semotus* [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 172].

...он по обычаю тех, у кого на руках общественные деньги, отсюда для себя несколько воровал, не искренним сердцем веровал учению Иисусову, но уже тогда промышлял себе достаток, дабы отстав от Его сообщества мог чем жить [Толкование на Евангелие от Иоанна, л. 82].

В четвертом примере латинскую фразу *nes magnum periculum sit* (досл. 'не великая опасность была бы') переводчик передает привычным для русского языка сочетанием *не велика беда*. А глагол *gesserit* в значении (со)делал (см. перевод этого же глагола в примере (3) разбора синтаксиса) имеет эмоционально окрашенное соответствие *учинил*. Пример (5) оригинала и перевода предлагает сразу несколько удачных переводческих решений в сфере лексики. Так, латинскому предложению *qui pecunia tractant communem* (досл. 'которые заведуют общими деньгами') соответствует русская идиома *у кого на руках общественные деньги*. А латинское словосочетание *non sincera mente pendens* (досл. 'не искренним умом / намерением последующий') передается русским *не искренним сердцем веровал*, поскольку в русском языковом сознании мы верим сердцем, а не умом. Иуда же следовал за Христом физически, но не искренностью своей веры, потому что как объясняет латинский текст *sibi peculium prospiciens* (досл. 'себе сбережения готовящий'), а как выразительно перевел Ювеналий Смирнов *промышлял себе достаток*. Итак, русский переводчик XVIII в. дифференцированно подходил к передаче структурных и семантических сторон оригинала: если в синтаксисе он придерживался сложившейся культурной традиции, то в лексике он больше исходил из естественности употребления и сочетаемости языка перевода.

При изучении русских переводов Ювеналия Смирнова особого внимания заслуживает использование переводчиком синонимии для передачи разных оттенков значения оригинала. Обратимся к наиболее интересным примерам. Вот как Эразм Роттердамский, объясняя 12 главу Евангелия от Иоанна, описывает обращение Марии Магдалины ко Христу:

- (6) *Ibi Maria ...accessit ad convivium ac magnam vim unguenti cum primis pretiosi, quod ex Nardo generosiore confectum erat,... effundit in caput Jesu... adeo ut unguenti fragrantia totam impleret domum [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, c. 172].*

Тамо Мария... пришла на пир и великое количество балсами драгоценного, которое сделано было из лучшего Нарда... вылила на голову Иисуса... так что благовоние сего мира весь дом наполнило [Толкование на Евангелие от Иоанна, л. 81].

Здесь в латинском тексте мы видим дважды употребленное существительное *unguentum* со значением «мазь, благовония» [Латинско-русский словарь 1949], которое в русском переводе получает синонимичные соответствия *балсам* – ароматическое масло, настойка, мазь [Словарь русского языка XVIII в. 2001, вып. 1, с. 134] и *миро* – благовонное масло [Словарь русского языка XVIII в. 2001, вып. 12, с. 207]. При этом *балсам* относится к глаголу *вылила* в соответствии с русским словосочетанием *лить (целебный, целительный) балсам* [Словарь русского языка XVIII в. 2001, вып. 1, с. 134], а *миро* зависит от существительного *благовоние*, что подчеркивает его семантику и в сочетании с церковным значением слова *миро* имеет символический смысл. Оба русских существительных передают латинское *unguentum* с разными оттенками: *балсам* – как жидкость, а *миро* – как символический элемент обряда. Другой пример синонимии в русском переводе для передачи различных компонентов значения встречаем в продолжении этого эпизода:

(7) Nonquod crederet Jesum hujus
modi *deliciis* capi...
Neque enim Dominus
capitur hujus modi *deliciis*...
Bene sentis de me, quod
vivus hujus modi *delicias*
semper respui... [Des. Erasmi
Roterodami Paraphrasis ...
1668, с. 172].

Не для того, чтобы почитала,
что Иисус таковыми *сластями* утешается...

Ибо и Господь не услаждается
сими *забавами*...

Справедливо говорите о мне,
что я в жизни таковыя *удовольствия*
всегда отвергал... [Толкование на
Евангелие от Иоанна, л. 81–82].

В этом случае одно латинское существительное *deliciae*, имеющее значение «веселье, отрада, утеха, наслаждение, радость» [Латинско-русский словарь 1949] передается тремя соответствиями в русском переводе: *сласти, забавы, удовольствия*. Следует отметить, что слово *сласть* имеет отрицательную коннотацию как *наслаждение*, «пагубно влияющее на духовное состояние человека» [Словарь русского языка XI–XVII вв. 2000, с. 72–73], а его синонимы *забава*

и *удовольствие* не содержат отрицательной оценки в своей семантике. Видимо, поэтому переводчик использует слово *сласть* по отношению к Марии Магдалине, имплицитно указывая на ее греховное прошлое до обращения ко Христу, а слова *забава*, *удовольствие* вкладывает в уста апостолов и Иисуса Христа соответственно. Рассматривая подобные примеры, которых немало в тексте перевода, нельзя не отметить незаурядное чувство языка и лингвистическую интуицию русского переводчика XVIII в.

Интересно показать, какие элементы прагматической адаптации латинского текста использует Ювеналий Смирнов в русском переводе. И в этом случае переводчик дифференцированно подходит к передаче реалий оригинала в зависимости от их релевантности. Там, где определенный факт римской культуры имеет смысловую значимость в латинском тексте, русский переводчик применял описательный перевод или прием генерализации в переводе. Например,

- (8) ...ut sub Augusto Caesare, qui... Romanorum Imperium administrabat, *censerentur omnes provinciae*, quae Romanum Imperium agnoscebant, ut appareret, quanto latius pateret ditio Christi quam Caesaris... [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 172, с. 44].

...дабы при Августе Кесаре, который... римскою империею управлял, *соицтались и положены были в оклад все провинции*, кои римской империи повиновались, дабы явно было, коль пространнее Христово обладание нежели Кесарево... [Толкование на Евангелие от Луки, л. 16].

- (9) ...missus est ex auctoritate Caesaris Augusti et Senatus consulto Quirinus, ejus *provinciae praefes*. His autem erat primus census, qui *sub hoc praefide* fuit actus in Syria [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 172, с. 44].

...послан по власти Кесаря Августа, и по определению Сенатскому Квирин, тоя *провинции начальник*, и сие было первое счисление *при сем начальнике* учиненное в Сирии [Толкование на Евангелие от Луки, л. 16].

В первом случае русский переводчик передает латинский глагол *censere* (производить оценку имущества римского населения для разбивки его на податные категории) [Латинско-русский словарь 1949] путем описательного перевода с использованием функционального аналога русской действительности *соицтались и положены были в оклад*. Так как в латинском оригинале данная реалия важна тем, что

автор истолковывает этот факт в богословском ключе, вслед за ним Ювеналий Смирнов адаптирует римскую реалию к русской культуре. В другом примере латинское сочетание *provinciae praefes* (префект, наместник провинции) [Латинско-русский словарь 1949] подвергается генерализации в русском переводе, поскольку эта реалия встречается в данном контексте дважды и неразрывно связана с переписью населения или *счислением* в русском переводе XVIII в. Однако реалии античной культуры, нерелевантные для содержания оригинала, переводчик оставляет без пояснения:

(10) Ибо не велика беда, ежели бы кто не знал, кто был Аннибал или Александр; какие дела учинил Епаминандр или Сципион; что написал Солон, Ликург или Дракон; чему учил Сократ, Платон или Аристотель... [Толкование на Евангелие от Луки, л. 1].

Автор латинского оригинала подчеркивает, что знание о древних полководцах, писателях, поэтах и философах не столь важно для познания истины о Боге, поэтому Ювеналий Смирнов никак не комментирует в переводе, кто были эти люди. Конечно, прагматическая адаптация любого перевода во многом зависит от его ориентации на конкретную группу получателей. Но данные тексты дошли до нас в рукописном виде без какого-либо предисловия или посвящения, в которых бы говорилось, для кого и с какой целью русский переводчик XVIII в. выполнял этот перевод. Поэтому строить предположения о возможной мотивации Ювеналия Смирнова к переводу представляется нам невозможным без опоры на фактический материал.

Но не следует забывать, что до нас дошли как в рукописном, так и в печатном варианте проповеди архимандрита Ювеналия, по которым путем сравнения их с переводом можно судить, насколько язык перевода отражает эпоху, а насколько – личность самого переводчика. Здесь мы наблюдаем, что язык переводов и язык проповедей Ювеналия Смирнова имеет ряд общих черт, характерных для русского литературного языка второй половины XVIII в. Во-первых, в области синтаксиса «характерен для прозаического языка этой эпохи порядок слов с глаголами на конце» [Виноградов 1982, с. 124]. Например, в проповеди в неделю о расслабленном читаем:

(11) Многия и различныя средства, чрез которыя ко обращению от грехов зовет бог человека представляемая видим [Сборник слов Ювеналия ... 80-е гг. XVIII в., л. 20].

Что, в свою очередь, переключается с переводами Ювеналия Смирнова особенно там, где он калькирует порядок слов латинского оригинала:

(12)...sed ne per pseudapostolos quisquam circumventus, Judaismum aut ineptas fabulas pro Evangelio sequeretur [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 18].

...но дабы лжеапостолами кто-либо будучи обращен иудейство или нелепая басня вместо Евангелия не принял [Толкование на Евангелие от Луки, л. 2].

Очевидно, такие синтаксические построения, свойственные латинскому языку, но чуждые русскому, делают запутанными и малопонятными как письменные переводы, так и устные речи. Во-вторых, «зависимые от имени существительного формы других существительных (особенно часто род. пад. объекта) со всеми относящимися к ним словами ставятся впереди определяемого имени и притом нередко размещаются между формой прилагательного и управляющим существительным» [Виноградов 1982, с. 124]. Такие случаи часто встречаются в проповедях Ювеналия Смирнова, как, например, в Слове на день тезоименитства Ея Императорского величества: «Чудным все мира сего вещества союзом сопряженные приятнейшее в нем производят согласие; (...) Но от чего возрастает и укрепляется приятное сие и полезное общежителства согласие? Изъемля всякое сумнение главную сего вину обрести можно в благодарности» [Сборник слов Ювеналия ... 80-е гг. XVIII в., л. 2]. Без сомнения, перед нами пример так называемого высокого слога, который сформировался под воздействием традиции церковнокнижной риторики. В переводах такая постановка существительных и прилагательных тоже встречается, хотя и значительно реже под влиянием синтаксиса латинского оригинала:

(13)...ita mors ipsus et resurrectio, omnes totius orbis nationes esset attractura [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 173].

...такое Смерть Его и воскресение все всего мира народы привлечет [Толкование на Евангелие от Иоанна, л. 83].

Сравнение русского предложения с его латинским оригиналом показывает истоки, откуда появились в русском языке XVIII в. такие запутанные конструкции. Едва ли можно критиковать переводчика за недостатки языка перевода в его эпоху. Ведь похожие черты отличают

язык Ломоносова, Фонвизина, Державина [Виноградов 1982]. Никто не в силах опередить время и изменить естественный ход развития национального языка.

Что касается лексических аспектов переводов и проповедей Ювеналия Смирнова, то следует указать на значительную долю церковнославянизмов в его речах, а также немалое число их в его переводах. Эта черта объясняется как состоянием русского литературного языка XVIII в., так и деятельностью самого переводчика на ниве церковного служения. Так, латинская фраза *...quemadmodum apud nos mens antiquior est proloquio* [Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis ... 1668, с. 21] в русском переводе звучит *...и как у нас мысль старше проглаголения* [Толкование на Евангелие от Иоанна, л. 3], где переводчик калькирует латинское существительное церковно-славянским *проглаголение*. А в одной из проповедей Ювеналия Смирнова находим: *Что есть ли приклонить уши во глаголы, проистекающее из уст нынешних велемудрецов?* [Сборник слов Ювеналия ... 80-е гг. XVIII в., л. 155]. Повторим, что в конце XVIII в. церковнославянизмы не были редкостью в публичных выступлениях, а тем более из уст священнослужителя. Однако наличие их в переводе отражает языковую личность переводчика.

И всё же при рассмотрении проповедей Ювеналия Смирнова как отражения личности русского переводчика XVIII в. наибольший интерес вызывают художественные средства выражения, которыми изобилуют его речи. Перед нами предстает талантливый оратор, наделенный незаурядным даром языкового творчества. Тут встречаем примеры ритмизованной прозы с аллитерацией: «Поступай с ними не столько строгостию, сколько кротостию, не столько отщением, сколько прощением...» [Сборник слов Ювеналия ... 80-е гг. XVIII в., л. 21]. Здесь находим красочные эпитеты и метафоры: «...но смерть... не разбирает ни цветущия младости, ни дряхлыя старости, ... попирает царския короны, ... не уважает ни крезова богатства, ни крова убожества; но всех одною косою и одним посекает замахом» [Сборник слов Ювеналия ... 80-е гг. XVIII в., л. 21]. Но ярче всего, на наш взгляд, представляется отрывок из проповеди в неделю о блудном сыне, где использованием параллельных конструкций с мелодичной ритмичностью Ювеналий Смирнов создает необыкновенно трогательное описание: «Какая нежная любовь! Какое восхищение! Отец встречает, отец лобзает, отец угощает своего сына» [Сборник слов

Ювеналия ... 80-е гг. XVIII в., л. 172]. Такими красивыми примерами русской словесности подобает завершить наш обзор рукописных переводов ранее неизвестного переводчика XVIII в., ставшего частицей богатой истории переводческого дела в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высшая школа, 1982. 529 с.
- Исаченко Т. А.* Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М. : Пашков дом, 2009. 336 с.
- Латинско-русский словарь* / сост. И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков ; под общ. ред. С. И. Соболевского. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. 950 с.
- Русский биографический словарь*, издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом : в 25 т. Т. 24: Щапов–Юшневский. – СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1912. 453 с.
- Сборник слов Ювеналия (Смирнова)*, произносимых в церкви во время различных праздников [рукопись]. [Б. м.], 80-е гг. XVIII в. 191 л.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 25 / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М. : Наука, 2000. 278 с.
- Словарь русского языка XVIII в.* / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
Вып. 1. М. : Наука, 1984. 224 с.
Вып. 7. М. : Наука, 1992. 264 с.
Вып. 12. М. : Наука, 2001. 253 с.
- Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1903. 460 с.
- Толкование на Деяния Святых Апостол* [рукопись] / архимандрит Ювеналий (Смирнов) – пер. [перевод с латинского]. [Б. м.], конец XVIII в. – начало XIX в. 100 л.
- Толкование на Евангелие от Иоанна* [рукопись] / архимандрит Ювеналий (Смирнов) – пер. [перевод с латинского]. [Б. м.], конец XVIII в. – начало XIX в. 125 л.
- Толкование на Евангелие от Луки* [рукопись] / архимандрит Ювеналий (Смирнов) – пер. [перевод с латинского]. [Б. м.], конец XVIII в. – начало XIX в. 143 л.
- Des. Erasmi Roterodami Paraphrasis in Novum Jesu Christi Testamentum...* Hannoverae : Typis Georgij Friderici Grimmij, 1668.

УДК 811.111'373

Л. А. Уралова

кандидат филологических наук,
профессор каф. лексикологии английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: uralovala@gmail.com

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В «ЖИВОЙ» РЕЧИ АНГЛИЧАН

В статье рассматриваются устойчивые словесные комплексы в «живой» речи носителей современного английского языка, обладающие высокой степенью выразительности и широким спектром прагматических заданий. Автор показывает, как компонентный состав словосочетаний участвует в формировании актуального значения исследуемых единиц и обуславливает их частотное использование в готовом виде в ежедневном общении.

Ключевые слова: устойчивые словесные комплексы; фразеологическая система; компонент; значение лексемы; лексическая сочетаемость; концептуальная метафора; коннотативные характеристики.

L. A. Uralova

Ph.D, Professor, Chair of English Lexicology MSLU;
e-mail: uralovala@gmail.com

STABLE MANY-WORD COMPLEXES IN ENGLISH EVERYDAY ORAL COMMUNICATION

The article is aimed at considering some types of stable many-word complexes in everyday communication of English native speakers. These complexes manifest a high degree of expressiveness and a wide range of pragmatic functions. The author shows that the component composition of these units accounts for the formation of their actual meaning and their ready-made use in speech.

Key words: stable many-word complexes; phraseological system; component; word meaning; lexical collocability; conceptual metaphor; connotational characteristics.

Устойчивые словесные комплексы в «живой» речи англичан могут использоваться в широком диапазоне разнообразных прагматических заданий, именно поэтому они являются неотъемлемой частью спонтанного устного общения. В рамках современной теории фразеологии данные комплексы трактуются как выражения разной степени устойчивости и, соответственно, представляют разные типы фразеологических и фразеоматических единиц. Последний термин был введен в научную терминосистему фразеологии одним из крупнейших

отечественных исследователей английской фразеологии профессором А. В. Куниным [Кунин 1970, с. 268].

Так как в данной статье рассматриваются как фразеологические, так и фразеоматические единицы, мы будем пользоваться более общим термином «устойчивый словесный комплекс» (далее УСК). В статье предпринята попытка рассмотреть, какие лингвистические и экстралингвистические факторы обуславливают их частотное использование в устной речи современных англичан. В качестве источника языкового материала выбран «Современный англо-русский словарь живого английского языка» С. В. Семиволковой. В словаре, по заявлению автора, представлены разговорные словечки и фразы, которыми ежедневно обмениваются англичане в транспорте, в кафе, в парке, в своем саду и т. п. [Семиволкова 2010]. Для лингвистического анализа были отобраны словосочетания трех синтаксических структур V+N; A+N; N+N.

Для устойчивых словесных комплексов, имеющих синтаксическую модель V+N, характерно наличие групп единиц, в которых в качестве глагольного компонента используется полисемантический глагол, не относящийся к глаголам «широкой семантики» типа *to have, to be, to make, to do*. Если глаголы широкой семантики чаще всего принимают участие в формировании семантики фразеологической единицы (ФЕ) только на уровне их грамматической принадлежности к категории глагола как части речи, то в рассматриваемых нами сочетаниях значение глагола включается в актуальную семантику УСК. Это такие глаголы, как *to bite, to blow, to hit, to push, to put, to see, to sell* и многие другие. Попутно отметим, что многие из них являются и составной частью целой системы фразовых глаголов современного английского языка. В отношении таких глаголов, используя информацию, представленную в словаре [COD 1978], можно говорить, что все они имеют достаточно обширную и разветвленную семантическую структуру, но количество значений в ней не превышает десяти, в среднем это 5-6 значений у одного глагола. Анализ словарных дефиниций каждого отдельного глагола позволяет определить, что в качестве семантического компонента, который участвует в формировании актуального значения устойчивого словесного комплекса, может использоваться как основное, так и неосновное, как прямое, так и метафорическое значение лексемы. Как правило, в семантике УСК представлен целый

набор признаков из концептуального «портрета» лексемы-компонента словосочетания. Они становятся особо значимыми элементами семантического наполнения всего комплекса.

Именной компонент такого словосочетания взаимодействует с семантикой глагольного компонента в своем прямом или переносном значении, и таким образом семантический результат как актуальное значение всего комплекса становится, если не предсказуемым, то вполне ожидаемым. Для воспринимающего субъекта информации расшифровка такого словосочетания не представляет каких-либо трудностей. Перед субъектом, озвучивающим информацию, не стоит вопрос выбора лексемы в качестве объектного компонента. Семантика глагольного компонента становится своеобразным стимулом для реакции – лексемы в качестве объекта направленного действия. Составные элементы всего комплекса приобретают устойчивость на семантическом и лексическом уровне.

Проанализируем в качестве примера устойчивые словесные комплексы: *to blow one's stack / top*; *to blow a fuse*; *to blow a gasket*; *to blow the gaff*; *to blow the gab*; *to blow sb's cover*; *to blow the whistle on sb/smith*. По данным словаря COD у глагола *to blow* зарегистрированы следующие значения: 1. *vi (of wind) move along*; 2. *vt send out by breathing, drive by blowing, sound (wind instrument, note or signal)*; 3. *vt send flying by explosion*; 4. *(of flies) to deposit eggs in; (sl.) to squander, spend (money) recklessly*. Словосочетания первой группы с компонентами *stack*, *fuse*, *gasket* имеют общее значение «очень сильно рассердиться, разразиться криками и угрозами». Именные компоненты обозначают предметы, которые выступают в качестве сдерживающего фактора (стог, крышка, предохранитель, удерживающая прокладка). Словосочетания с компонентами *gaff*, *gab* имеют общее значение «разболтать», где именные компоненты обозначают вздор, болтовню. В словосочетании *to blow the cover* (*to let people know secret information about who someone is or what someone is doing*) именной компонент обозначает «прикрытие любого типа» (покрывало, чехол), которое можно сдуть. В словосочетании *to blow the whistle on sb/smith* (*to tell someone in authority about something bad that is happening so that it can be stopped*) в качестве именного компонента употреблена лексема, обозначающая «свисток», звук из которого извлекается посредством выдыхаемого воздуха.

Из приведенного лексикографического материала, можно сделать вывод, что концептуальные признаки, составляющие концептуальный «портрет» глагола *to blow*, предполагают наличие именного компонента определенной семантики, а глагольная лексема *to blow* принимает самое непосредственное участие в формировании семантики всего устойчивого комплекса. Именно такой компонентный состав словосочетания, с одной стороны, обеспечивает его точное прочтение, с другой – позволяет его считать сложным словесным комплексом определенной степени устойчивости на языковом уровне. Примерами УСК данного типа можно считать словосочетания *to see life*, *to see the elephant* с общим значением «повидать мир». Словосочетания *to put one's skates on* «поспешить», *to put the screws on* «принудить»; *to put the skids on* «расстроить планы» могут быть также отнесены к данной группе УСК.

Достаточно интересным, в этом плане, является употребление словосочетания *to bite someone's ear(s)* в предложении *Their daughter bites their ears and there is nothing they can do about it*, которое является репликой в диалоге между знакомыми в непринужденной обстановке. Пример заимствован из словаря С. В. Семиволковой, где она предлагает следующий вариант перевода выражения на русский язык «...дочь висит у них на шее...» [Семиволкова 2010, с. 76], который вполне оправдан, если принимать во внимание все значения глагола *to bite*. В словаре COD глагол представлен значениями: 1. *v.t. cut or nip with the teeth*; 2. (*of snake, mosquito, etc.*) **sting, suck**; 3. **cause glowing, smarting, etc., pain to**; 4. **grip, penetrate**; 5. (*usu. in pass.*) **take in, swindle**. Учитывая все выделенные жирным шрифтом элементы значения английской лексемы, фиксирующие в языке отдельные концептуальные признаки именуемого действия, и основное значение компонента *ear* (*organ of hearing*), в рассматриваемом выражении достаточно легко читается значение сложного словесного комплекса, в котором отражены как денотативные, так и коннотативные характеристики значений составляющих словосочетание компонентов. Устойчивости всего словесного комплекса несомненно способствует и метафорическое употребление лексемы *ear* во многих фразеологических единицах современного английского языка, например: *to bend sb's ear*; *to have sb's ear*; *to lend an ear*; *to be all ears*. В них лексема *ear* выступает не столько в качестве органа слуха, сколько подчеркивается

готовность человека слышать обращенную к нему речь в течение долгого времени и готовность помочь в разрешении какой-то проблемы. Восприятие именно такого прочтения лексемы закреплено в составе фразеологических единиц языка. В данном случае можно предполагать, что устойчивость рассматриваемого словосочетания, его правильная дешифровка поддерживается уже сложившимися образами во фразеологической системе английского языка.

Влияние фразеологической системы современного английского языка неоспоримо и в том случае, когда УСК, которые легко «воспринимаются» и поэтому часто используются в спонтанном устном общении носителями языка, группируются вокруг определенных концептуальных метафор, которые и создают яркие запоминающиеся сочетания с мощным коннотативным зарядом. Некоторые из таких метафор носят универсальный характер и встречаются в сложных словесных комплексах разных языков, что облегчает общение между представителями разных языковых (в том числе и фразеологических) систем. Английские выражения, описывающие события и взаимоотношения в рабочем коллективе, в основе своей образности могут иметь концептуальную метафору «Business is War, Office is Battle Field»: *to be second in command, to be caught in the crossfire, to join forces* и т. д. Соответственно в русском языке мы имеем *быть вторым лицом в фирме; очутиться под перекрестным огнем; объединить силы* и т. п. Отметим, что данная метафора имеет явно интернациональный характер. В то же время в английском языке широко представлены устойчивые словосочетания, в основе создания которых лежат концептуальные метафоры определенной национально-культурной специфики. Для английского языка это метафора «Company is a Ship»: *to jump ship, to be all in the same boat, to run a tight ship; to get customers on board* и т. п. В английской фразеологической системе широко используется и метафора «Organizations are Gardens», ее проявлениями можно считать словосочетания *to weed out poor staff, to branch out into new markets* и многие другие [Wright 1999]. В данном случае, можно сделать вывод, что устойчивость таких словосочетаний обеспечивается как языковыми факторами, так и экстралингвистическими, определенной социально-культурной информацией.

Среди УСК, часто используемой англичанами в устной речи в каждомдневном неформальном общении, можно выделить и большую

группу именных выражений со структурой N + N и A + N. Профессор Т. Н. Федуленкова считает, что данные две модели являются самыми распространенными для ФЕ делового английского, им свойственна константная зависимость компонентного состава [Федуленкова 2013]. Чтобы показать, насколько компонентный состав в данном случае может повлиять на частотность использования таких словосочетаний в устной речи англичан, следует остановиться на коннотации, присущей таким единицам. Слова-компоненты в этих словосочетаниях по своим концептуальным основаниям нарушают все правила лексической сочетаемости. Создается сочетание, значение которого через значения составляющих его компонентов, приобретает своеобразную юмористическую окраску и становится наименованием объекта, иногда достаточно нового в определенной области жизни человека. В большинстве случаев коннотация значения такого комплекса фиксируется как неодобрительная или резко отрицательная. Примеры таких новообразований в живой спонтанной речи носителей языка многочисленны. *Alphabet soup* – многочисленные сокращения в тексте; *cattle class* – экономический, второй класс; *data smog* – информационный мусор; *duvet day* – отгул на работе; *Irish promotion / rise* – понижение зарплаты; *insider trading / daisy chaining* – незаконный корпоративный сговор; *dead wood* – нерадивый работник, балласт; *shelf life* – информация полезная только непродолжительное время; *dead cat bounce* – нехарактерный кратковременный скачок цен или курса бумаг на бирже и др. Следует отметить, что подобные словосочетания часто оказываются неологизмами, их устойчивость на данном этапе использования в устной речи обусловлена прежде всего необходимостью выразить собственное отношение к описываемому предмету или явлению, дать ему собственную оценку. Однако такое словосочетание не обязательно утвердится в языке как устойчивый словесный комплекс. Интересно отметить, в данной связи, следующее наблюдение В. В. Елисейевой: «...неологизмы последних лет... носят явно речевой характер, однако создаются на основе наиболее закономерных для системы данного языка способов именования. Их основной функцией становится не только восполнение недостающих номинативных средств, но и усиление экспрессивности, в частности, оценочности нового слова» [Елисейева 2016, с. 143]. Именно коннотативный потенциал новых словосочетаний, создаваемых непосредственно в речи,

делает их по-настоящему востребованными в устном общении, ведет к их последующему воспроизводству в готовом виде и может обеспечивать их устойчивость на фразеоматическом или фразеологическом уровне.

Определенное нарушение лексической сочетаемости на логической основе с созданием соответствующего юмористического эффекта присутствует и во многих единицах синтаксической модели V+N рассмотренной выше. Примерами УСК этой структуры могут быть следующие словосочетания: *to eat bees / crow / my hair* (выполнять трудную, унижительную работу), *to throw the kitchen sink* (сделать всё возможное). За счет «своеобразной» сочетаемости лексем-компонентов в рамках одного словосочетания с единым глобальным значением достигается высокая степень эмоциональной оценки, определяется коннотация в значении всего комплекса, прогнозируются его прагматические функции.

В последние годы в обучении иностранным языкам приоритетное внимание отдается развитию коммуникативных способностей и умений. Вследствие этого исследования словарного состава аутентичной английской устной речи в условиях живого общения приобретают большое значение. До сих пор в основном рассматривались речевые формулы, используемые в типичных ситуациях (приветствие, знакомство, светская беседа и т. д.). Рассмотренные выше УСК в повседневной речи англичан представляют значительный интерес и с научной точки зрения. Многие из них на основе выявленных системных характеристик с полным основанием могут быть отнесены к фразеологическому фонду современного английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елисеева В. В.* Вторичная номинация в новых словах английского языка // Англистика XXI века : сборник статей по материалам VIII Науч.-метод. конф., посв. памяти проф. С. В. Воронина. СПб. : Университетские образовательные округа, 2016. 381 с.
- Кунин А. В.* Английская фразеология. М. : Высшая школа, 1970. 336 с.
- Семиволкова С. В.* Современный англо-русский словарь живого английского языка. М. : АСТ : Астрель, 2010. 896 с.
- Федуленкова Т. Н.* Основные структурные модели фразеологических единиц делового английского языка // Инновационные подходы к подготовке специалиста в условиях глобализации образовательных процессов.

Владимир : Научно-образовательный центр в области лингвистики, образовательных инноваций и межкультурной коммуникации, 2013. 372 с.

The Concise Oxford Dictionary (COD). Oxford : Oxford University Press, 1978. 1368 p.

Wright Jon. Idioms Organizer. Boston : Thomson/Heinler, 1999. 296 p.

УДК 811.111'373

О. В. Щербань

старший преподаватель каф. лексикологии английского языка
ФАЯ ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: olga_vs80@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ПРОДУКТ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена исследованию семантической деривации – одной из основных тенденций в развитии современной английской фразеологии, источника полисемии. В частности, на примере английских идиом терминологического происхождения рассматривается механизм модификации кодифицированного фразеологического значения в ходе таких семантических преобразований, как расширение, элевация или деградация значения. В статье доказывается, что семантическая деривация отражает изменение картины мира и является результатом языковой интерпретации.

Ключевые слова: фразеологическая единица; семантическая деривация; деградация; элевация; расширение значения; полисемия; языковая интерпретация.

Olga Scherban

Senior Reader at the Chair of English Lexicology,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: olga_vs80@mail.ru

SEMANTIC DERIVATION IN ENGLISH PHRASEOLOGY AS A PRODUCT OF LINGUISTIC INTERPRETATION

The article is concerned with semantic derivation, one of the major tendencies in the dynamics of modern English phraseology, a source of polysemy. In particular, the study describes the mechanism of semantic modification of English idioms of terminological origin: extension, elevation or degradation of their meaning. The analysis shows that semantic derivation in phraseology reflects the changes in the worldview and therefore results from linguistic interpretation of reality.

Key words: phraseology; idiom; semantic derivation; degradation; elevation; extension of meaning; polysemy; linguistic interpretation.

Современная лингвистика исходит из понимания языка как двойственной сущности: язык одновременно является и продуктом, и средством познания. Так, Е. С. Кубрякова говорила о невозможности возникновения «готовых» мыслей до их языковой объективации, ибо они получают завершенность через «постепенное языковое оформление в ходе порождения речи» [Кубрякова 2004, с. 14]. Участвуя

в формировании образа мира, язык не копирует мир и не фиксирует механистически знания о нем, но *интерпретирует* его. Как указывает Н. Н. Болдырев, человек конструирует окружающий мир в своем сознании, опираясь, в том числе «на опыт языкового освоения мира» [Болдырев 2016, с. 29]. Иными словами, язык позволяет человеку осмыслить, оценить и определенным образом структурировать поступающую к нему информацию, в результате чего формируется языковая картина мира как «проекция мира в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [Болдырев 2016, с. 27].

Важно подчеркнуть, что конструирование картины мира исходит не только из коллективно-исторического опыта всего языкового сообщества, но и предполагает индивидуальную интерпретацию мира на основе его личного, субъективного восприятия каждым носителем языка. Причем и то и другое – не объективный образ реального мира, но эмоционально окрашенное *представление* о нем. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением Н. Д. Арутюновой, что человек запечатлел в языке «свое *отношение* к предметному и непредметному миру, природе ... свои *отношения* к коллективу людей и другому человеку» (курсив наш. – О. Ш.) [Арутюнова 1999, с. 3].

Это со всей очевидностью проявляется в оценочной интерпретации, которая представляет собой «схематизацию опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей ... – оценочную концептуализацию и категоризацию» [Болдырев 2016, с. 29].

В ходе языковой интерпретации формируется семантика языковых единиц разных уровней, включая фразеологию, которая по своей сути характеризуется субъектной ориентацией, направленностью «на объективацию результатов квалификационно-оценочной деятельности человека» [Рыжкина 2016, с. 600]. Особенностью фразеологических единиц (ФЕ) как знаков вторичной номинации является также то, что их семантика является результатом «вторичной» интерпретации уже имеющегося знания. Например, английское выражение *a free lance* (ландскнехт, наемник) в рамках фразеологии приобрело два фразео-семантических варианта (ФСВ): «1) человек независимого образа мыслей; 2) внештатный журналист / фотограф / актер; свободный художник» [Кунин 2005], которые сложились вследствие повторной категоризации внеязыкового объекта, его переоценки и соотнесения

с новым концептом. Причем одним из самых важных продуктов новой интерпретации в данном случае является образование положительной коннотации, которая ассоциируется с концептом «свобода / независимость». Говоря иначе, значение ФЕ не только описывает называемый объект, но и характеризует его с точки зрения принятой в данной культуре системы ценностей.

В такой трактовке значение не есть величина, раз и навсегда фиксированная, но сущность гибкая и подвижная, способная к изменениям относительно условий реальной коммуникации. Поэтому, говоря о семантической стороне фразеологизма, исследователи нередко называют фразеологическое значение «свернутым текстом», который приобретает конкретную интерпретацию только в дискурсе на фоне семантического развертывания всего сообщения [Рыжкина 2013]. Причем дискурс служит той средой, где рождается и реализуется актуальный смысл фразеологизма, проходя «сквозь фильтр ментальности говорящего и слушающего» и получая интерпретацию «в пространстве социального и культурного знания, активизируемого субъектом речи в момент общения» [Ковшова 1999, с. 164].

Обычно дискурсивная интерпретация кодифицированного значения ФЕ служит лишь цели его оптимизации для решения определенной коммуникативной задачи в каждом конкретном случае. Но при определенных условиях индивидуальная интерпретация фразеологического значения может инициировать процесс семантической деривации, т. е. стать началом формирования кардинально нового значения этой единицы. Семантическую деривацию можно определить как отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории [Щербань 2011].

Семантическая деривация является частью общего эволюционного процесса, который обусловлен изменчивостью языковой картины мира и необходимостью объективировать результаты никогда не прекращающейся познавательной деятельности. Как экономичное номинативное средство семантическая деривация дает возможность выразить новое концептуальное содержание, используя уже имеющуюся языковую форму, т. е. не увеличивая количественный состав языка.

Как известно, фразеологический фонд языка не является статичным и регулярно пополняется, но не за счет притока принципиально

новых единиц, а скорее за счет переосмысления уже имеющихся в языке выражений. В частности, одним из источников появления новых фразеологизмов является терминологическая или профессиональная лексика. В таких случаях термин / профессионализм трансформируется во фразеологизм путем метафорического или метонимического переноса и сопутствующего расширения значения. Например: американский профессионализм *an ambulance chaser* (адвокат, навязывающий свои услуги лицам, пострадавшим от несчастных случаев [Кунин 2005]) в 1980 г. приобрел еще одно, более широкое, фразеологическое значение – «человек, ищущий личную выгоду в несчастьях других людей».

Подобные единицы получили название терминологизмов. Это, по своей сути, – устойчивые фразы, имеющие как минимум два кодифицированных значения: терминологическое / профессиональное и идиоматическое.

В основе фразеологизации термина лежит «трансфер знаний», т. е. перенос «из одной позиции “информационной системы” человека в другую позицию» [Демьянков 2016, с. 39]. Дальнейшая судьба ФЕ терминологического происхождения может быть различной. Их значение может подвергаться дальнейшему расширению, особенно если они применимы для описания широко обсуждаемых или часто используемых объектов или явлений. Значение ФЕ-терминов может снова сужаться, переходя в иную специальную сферу. Такие ФЕ могут переходить в сленг или превращаться в эвфемизмы. Но среди самых примечательных процессов изменения значения ФЕ-терминов можно назвать семантическую деградацию (см. подробнее [Щербань 2010]) и элевацию значения. Оба процесса затрагивают прежде всего оценочную составляющую фразеологического значения, т. е. отражают ход оценочной интерпретации.

Оценочные шкалы, хотя и обладают устойчивостью в каждой культуре, все же не являются абсолютно статичными. Они могут меняться с изменением мира вокруг нас. Появление новых концептов, изменение отношения общества к привычным явлениям или изменение ценностных ориентиров отражаются в языке, он же, в свою очередь, служит, по словам Н. Н. Болдырева, «системой межличностной ориентации в окружающем мире», формирующей наш взгляд на происходящее [Болдырев 2014, с. 45].

Соответственно фразеологическая оценка – величина динамическая, которая способна перестраиваться и модифицироваться в результате новой интерпретации «старого» знания [Рыжкина 2016]. Так, если при деградации значения происходит развитие у ФЕ с нейтральным или положительным значением принадлежащего отрицательной оценочности или презрительного / ироничного оттенка, то семантическая элевация, или улучшение значения, предполагает, что фразеологизм, изначально имеющий отрицательную или нейтральную оценку, меняет ее на положительную (как в случае ФЕ *free lance*).

Примером семантической деривации ФЕ, демонстрирующей различные оттенки оценочности, может служить термин *chain reaction*. Это выражение пришло в общеупотребительную лексику из физики, где имело значение «цепная реакция». При фразеологизации произошло расширение терминологического значения и возник новый фразеосемантический вариант: «ряд следующих друг за другом однотипных действий; цепная реакция, лавина» [Кунин 2005], но при этом оценка выражения осталась нейтральной. Однако в некоторых контекстах употребления этой единицы можно наблюдать действие семантической деградации, например в нижеследующем отрывке значение фразеологизма приобретает дополнительный смысл «беспомощности перед лицом обстоятельств» и связанную с ним негативную окраску:

When a nearby anti-aircraft battery began firing, the crowd jostled forward, and a woman carrying an infant stumbled at the top of the stairs. More fell on top of her, causing a *chain reaction* that toppled hundreds [Wise 2012].

Вместе с тем в сегодняшней картине мира всё, что связано с точными и естественными науками представляется современным, престижным и надежным, поэтому различные обучающие и исследовательские проекты стремятся использовать это отношение для привлечения к себе внимания. В результате мы наблюдаем использование выражения *chain reaction* в названиях различных образовательных курсов, обучающих естественным наукам, и инновационных проектов:

Chain reaction – stories of science and learning from Arizona State University (chainreactionkids.org/).

Chain reaction innovations – An energy and science incubator for transformative technologies (chainreaction.anl.gov/).

Welcome To *Chain Reaction*. Critical thinking, reasoning and problem solving skills – students from 14-16 work together to research scientific scenarios (www.chreact.eu/).

В подобных реализациях кодифицированное значение ФЕ приобретает положительную окраску. При этом на первый план выходит признак «передача, преемственность знаний», где знания – одна из основных ценностей современного мира.

Часто причиной семантической элевации служит изменение взглядов на определенные общественные явления, изменение ценностных ориентиров. Примером такого изменения может служить ФЕ *Devil's advocate*. Эта единица возникла как термин в церковной сфере [этимол. лат. – *advocatus diaboli*] и обозначала лицо, которому поручено при католической канонизации поддерживать сомнения в действительности чудес, совершенных усопшим. Уже в рамках фразеологии значение этой единицы расширилось, и оно вошло в общепотребительную лексику, одновременно получив отрицательную окраску: «злостный критикан, злопыхатель, человек, замечающий в других только дурные стороны, недостатки» [Кунин 2005]. Например:

Presentation of the prisoner's case is incumbent on his counsel. While you employ every means to entrap and condemn him. You are... you are what they call the *Devil's advocate* (*A. J. Cronin. Beyond This Place*) [Кунин 2005].

Отрицательная окраска – результат семантической деградации – здесь объясняется негативным отношением к людям, критикующим ради критики и во всем пытающимся отыскать отрицательные стороны. В этом значении ФЕ существует и сейчас.

Однако сегодня гораздо чаще употребляется новый ФСВ, возникший в результате семантической элевации, а именно «человек, принимающий спорную точку зрения, чтобы спровоцировать дискуссию или проверить, насколько крепки доводы противоположной стороны». Например:

In *Devil's Advocate*, John Humphrys <...> debates the issues that he believes should concern us all. He challenges our changing social and moral values and questions the direction society is taking (www.amazon.co.uk/Devils-Advocate-John-Humphrys/dp/0099279657).

Здесь актуализирован смысл «взгляд с разных сторон, справедливая оценка ситуации», что отражает ценность в современном мире

таких качеств, как критическое мышление и умение обосновать точку зрения, а также встать на сторону другого человека и посмотреть на ситуацию его глазами. В этом значении ФЕ используется в названии телепередачи, в ходе которой ведутся оживленные политические дискуссии, не ограниченные идеологической цензурой:

Devil's Advocate with Jon Caldara is a current events show not to be missed. Each week it features lively – and sometimes heated – debates between elected officials, journalists, activists, concerned citizens. Jon is not afraid to express his “free-market” views, and his guests are not afraid to take on those opinions (www.cpt12.org/schedule/program-details/?series=35206794).

Как мы видим, критическое мышление и умение взглянуть на ситуацию с разных сторон подаются как необходимые качества современного человека, благодаря которым он сможет понимать и объективно оценивать мир вокруг себя. Так же реализуется эта ФЕ в статье о необходимости критической оценки ситуации в управлении бизнесом, что должно обеспечить его эффективность:

3 Key Design Factors For An Effective *Devil's Advocate*.

Any organization that aspires to innovate but has not embraced an explicit Devil's Advocate process should read Megan McArdle's recent Opening Remarks column at BusinessWeek [Mui Chunka 2014].

ФЕ *to give smb the benefit of the doubt* также обращает наше внимание на необходимость рассматривать каждую ситуацию с разных сторон. Этот термин в юриспруденции означает «оправдать кого-л. за недостаточностью улик». При переходе в общеупотребительную лексику произошло расширение значения: «отбросить сомнения (в спорном случае); поверить кому-л. (на слово)». До недавнего времени у этого выражения была нейтральная окраска. Сейчас значение данной ФЕ подвергается дальнейшему расширению и улучшению в контексте толерантности. Высокая частотность таких реализаций позволяет говорить о формировании нового значения у данной ФЕ «дать второй шанс». Это значение отражает современный принцип: не судить людей, особенно по первому впечатлению, относиться терпимо к недостаткам других:

Giving the Benefit of the Doubt to Rude or Annoying People: we never know what someone else is going through. What we can do is give other people the benefit of the doubt and choose to show them kindness and compassion

[Rummel. URL : tinybuddha.com/blog/giving-benefit-doubt-rude-annoying-people/].

Giving the benefit of the doubt allows us to give an opportunity for someone to either explain themselves or prove their true character and worth in spite of an unfavourable first impression or failure [Relationships: Give your mate the benefit of the doubt 2015].

Принцип толерантности подразумевает терпимое отношение не только к другим, но и к самому себе, к своим слабостям и недостаткам, подтверждает право каждого быть другим. В современном мире, ориентированном на личный успех и карьерный рост, некоторые люди сознательно отказываются гнаться за успехом, победой и известностью ради достижения гармонии с самим собой. Такой выбор отражен в ФЕ *also ran*. Этот термин пришел из спортивной лексики, где изначально использовался в отчетах о скачках или бегах. В них имена лошадей, не занявших призового места, приводятся после сведений о победителях. Это перечисление начинается словами *also ran*. Позже значение термина расширилось до «неудачливый участник состязания, “горе-чемпион”, “первый от конца”» [Кунин 2005], и параллельно произошла субстантивация выражения. Затем произошло дальнейшее расширение значения и переход в общеупотребительную лексику в значении «неудачник; не выдерживающий сравнения»:

Every one who goes to Charleston in the spring, soon or late, visits Magnolia Gardens... it consigns the Baboli at Florence... to the category of «*also ran*» (J. Galsworthy. *Caravan*) [Кунин 2005].

В этом значении ФЕ употребляется и сейчас. Однако в некоторых случаях мы наблюдаем семантическую элевацию: в современном обществе, живущем в огромном темпе и ориентированном на личный успех, многие люди задумываются о том, не теряем ли мы за всей этой гонкой саму возможность жить. Выражение *also ran* используется как сознательная позиция тех, кто не стремится быть первым, но при этом занимается любимым делом:

Also Ran is all about music and community. Originally set up in 2002 as a record label releasing underground electronic music, we've since contemplated, expanded and now re-launched so that we can encompass our full range of creativity. On this site you can listen to our music, book our artists, view upcoming events, and learn about projects we are planning. Peace and love (alsoranmusic.com/aboutus/).

Alsoran Runners – Running Comrades the ALSORAN way! Why “the ALSORAN way”? Well, if you have ever met me or seen a picture of me you will realise that I am NO athlete! Unfortunately for me I have no inherited genetic talent, you will realise that God had a sense of humour when he designed me. What I am trying to achieve with this website is for you to realise that there is a place for the ALSORAN runner. If I can do it, so can you! (www.alsoranrunners.info/)

Итак, анализ показывает, что семантическая деривация является одним из важных способов развития фразеологической системы, отражающего динамику познания мира. Это также способ вербализации меняющегося взгляда людей на различные явления, позволяющий фиксировать новые представления посредством уже имеющейся в языке единицы и тем самым избежать излишней громоздкости языковой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Болдырев Н. Н.* Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 42–48.
- Болдырев Н. Н.* Языковая интерпретация и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 25–35.
- Демьянков В. З.* Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 36–44.
- Ковшова М. Л.* Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 164–173.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., перераб. М. : Русский язык – Медиа, 2005. 1210 с.

- Рыжскина Е. В.* Динамический аспект оценочности фразеологических единиц как отражение квалификационно-оценочной деятельности человека // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 600–607.
- Рыжскина Е. В.* Фразеологические единицы как фактор интертекстуальности современного дискурса (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги и перспективы. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 833–839.
- Щербань О. В.* Роль метафоры и метонимии в семантической деривации английских фразеологических единиц // Когнитивное моделирование семантики разноструктурных единиц языка. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 104–112. (Вестник Московского государственного лингвистического университета ; вып. 21 (627). Сер. Языкознание.)
- Щербань О. В.* Семантическая деградация как тенденция в развитии значения английских фразеологических единиц // Многоаспектность лексикологических исследований: английский язык и проблемы перевода. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 227–240. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 600. Сер. Языкознание.)
- Mui Chunka.* 3 Key Design Factors For An Effective Devil's Advocate // Forbes. 23.04.2014. URL : www.forbes.com/sites/chunkamui/2014/04/23/3-keys-to-an-effective-devils-advocate/#11dfaf7373df
- Relationships: Give your mate the benefit of the doubt* // Daily Nation. 03.11.2015. [Электронный ресурс]. URL : www.nation.co.ke/lifestyle/Living/Give-your-mate-the-benefit-of-the-doubt/1218-2940674-icn77iz/index.html
- Rummel M. J.* Giving the Benefit of the Doubt to Rude or Annoying People // Tiny Buddha. URL : tinybuddha.com/blog/giving-benefit-doubt-rude-annoying-people/
- Wise J.* Why We Riot: How Fans Turned an Egypt Soccer Match Into a Bloodbath // The Daily Beast. 2012. URL : www.thedailybeast.com/articles/2012/02/03/why-we-riot-how-fans-turned-an-egypt-soccer-match-into-a-bloodbath.html?source=dictionary

УДК 82.09

И. В. Сяэск

магистр отделения славистики Тартуского университета,
Эстония, Тарту; e-mail: rina@ut.ee

ЧТО СКРЫВАЕТ «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»?

В статье рассматривается футурологический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» (1956) и фильм Евгения Шерстобитова «Туманность Андромеды» (1967). Сопоставление с романом Ефремова «Час быка» (1968) показывает, что изменения в фильме Шерстобитова связаны с концепцией самого Ефремова: в фильме и в книге тема «подвигов Геркулеса» вынесена в инициальную позицию. Анализируется сложный генезис «клятвы Геркулеса», связанный с книгой «Агни Йога» (Париж, 1929) и с мифом о греко-индийской культуре в творчестве Ефремова. Проводятся параллели с романом «Лезвие бритвы» (1963) и «Таис Афинская» (1972). Анализируется роль поэзии как традиции, связующей поколения и исторические эпохи: роль цитаты из Максимилиана Волошина и ее функциональная замена в фильме на цитату из 29 сонета Уильяма Шекспира.

Ключевые слова: И. Ефремов; Е. Шерстобитов; М. Волошин; У. Шекспир; кино; фантастика; поэзия; утопия; йога.

I. V. Sääsk

MA student at Slavic Department of Tartu University,
Estonia, Tartu; e-mail: rina@ut.ee

WHAT IS HIDDEN IN ANDROMEDA NEBULA?

The futurological novel by Ivan Efremov "Andromeda Nebula" (1956) and the film *The Andromeda Nebula* (1967) by Yevgeny Sherstobitov are considered in the article. Comparison with the Efremov's novel *The Bull's Hour* (1968) shows that the changes in Sherstobitov's film are connected with the concept of Efremov himself: the theme of "exploits of Hercules" is placed in the initial position both in the film and in the book. The complex genesis of the "oath of Hercules" is analyzed in relation both to the book *Agni Yoga* (Paris, 1929) and the myth of the Greco-Indian culture in the works by Efremov. Parallels are drawn with the novel *Razor's Edge* (1963) and *Thais of Athens* (1972). The role of poetry as a tradition that links generations and historical epochs is analyzed: especially, the role of the quotation from Maximilian

Voloshin's poem and its functional replacement by a quote from the 29th sonnet of William Shakespeare in the film.

Key words: I. Efremov; E. Sherstobitov; M. Voloshin; W. Shakespeare; cinema; fantasy; poetry; utopia; yoga.

Космическая гонка, в которой участвовал и СССР и США, протекала и на киноэкране. Из-за цензурных и финансовых ограничений советская кинофантастика проигрывала. Несмотря на специальный приз, полученный на фестивале научно-фантастических фильмов в Триесте в 1968 г., неудача постигла и фильм Е. Ф. Шерстобитова «Туманность Андромеды» (1967), для которого фатальной стала смерть Сергея Столярова (1911–1969), исполнителя одной из четырех главных ролей фильма: никто бы не смог заменить культового советского артиста, и вторая серия не была снята. Закончена была только первая часть «Пленники Железной Звезды».

Однако у фильма были и другие осложняющие успех обстоятельства. Одно из них – сложность самого исходного материала – одноименного утопического романа И. А. Ефремова (1957), совмещавшего в себе авантюрно-любовную интригу и футурологическую картину коммунистического будущего Земли, вступившей в межгалактическое братство Великого Кольца. Утопия, как подчеркивает Т. А. Чернышева, исходно – нехудожественный жанр [Чернышева 1984], и вообще описательность (на чем настаивал Г. Э. Лессинг в трактате «Лаокон») находится в конфликте с линейным характером повествования.

Как известно, новаторство И. А. Ефремова заключалось в том, что он исключил из сюжетной схемы фигуру внешнего наблюдателя утопического мира. Но совсем отменить внешнюю точку зрения он не мог: мотивировкой для подробных рассказов об устройстве общества будущего стали дети и жители других миров, играющие роль благодарной аудитории [там же, с. 317]. Всё же повествование оказалось недостаточно динамичным, и для создания истинной коллизии Ефремов столкнул общество будущего с «островком» общества прошлого (антиутопического, но напоминающего современный мир) в романе «Час быка» (1970).

Авторами сценария фильма значатся В. И. Дмитревский и Е. Ф. Шерстобитов, но, как явствует из опубликованной переписки, первоначально главным сценаристом фильма был сам автор романа – И. А. Ефремов [Ефремов 2016]. По-видимому, именно ему

принадлежит и «неудачное» начало фильма, которым 23 ноября 1968 г. писал Георгий Ланин (писательский псевдоним Г. Г. Пермякова): «Но вот я сижу на “Андромеде”. Интересно, будет она лучше книги или хуже? В зале молодые люди, дело было днем. Начинается картина с пионерского собрания (сбора), как думают все, но, оказывается, это передача эстафеты. Начало не из увлекательных. Сам роман начинается по-другому и сразу захватывает» [Ефремов 2016, с. 998].

Ему вторит тридцать пять лет спустя Андрей Вяткин: «Эстетика фильма напоминала обложки тогдашних популярных журналов типа «Техника – молодежи», в частности, сцена обряда “подвигов Геркулеса” сильно смахивала на пионерскую линейку» [Вяткин 2003, с. 24]. Остановимся на этой сцене подробнее.

Она имеет двойную функцию: вводит в действие и служит символическим фоном для всего происходящего (в конце фильма сцена праздника повторяется, замыкая рамку). Ее содержанием служит ритуальное начало «подвигов Геркулеса»: молодые люди семнадцати лет выбирают себе наставников для прохождения трехгодичных испытаний и обучения, принося им клятву верности. Один из юношей избирает Мвена Маса. К ним подходит Юний Ант и предлагает Мвену стать заведующим внешних станций Великого Кольца. Мвен не может прервать церемонию и с гордостью вспоминает своего учителя Эрга Ноора, командира пропавшего звездолета «Тантра». Разговор служит прологом к истории трех персонажей: Дара Ветра, которого Мвен должен сменить, Эрга Ноора и самого Мвена, но последняя линия осталась нереализованной из-за отсутствия второй серии фильма.

В книге, как верно отметил Пермяков, действие начинается без пролога – в открытом космосе: «Тантра» попадает в гравитационный плен «Железной звезды» и вынуждена совершить посадку на загадочной и опасной планете, погруженной в вечный мрак, но не лишенной своих форм жизни. Здесь происходит встреча с останками погибшего земного звездолета и загадочного инопланетного «спиралодиска». Зачем же Ефремов отказался от такого динамичного начала?

Это определенно связано с тем, что ему была дорога вся та утопическая футурологическая «начинка», от которой неизбежно пришлось бы отказаться в рамках динамично развивающегося драматического действия. Он попытался спасти тему «подвигов Геркулеса», выразив ее в сжатой формуле клятвы и обряда выбора наставника. Для этого

ему пришлось перенести формулу клятвы из лекции Эвды Наль (глава IX «Школа третьего цикла») в самое начало действия. Клятва звучит следующим образом: «Вы, Старшие, позвавшие меня на путь труда, примите мое умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь, и я пойду за вами» [Ефремов 1975–1976, 3, с. 202].

Как показала А. А. Юферова, текст клятвы Ефремов взял из запрещенной в СССР книги «Агни йога», изданной семьей Рерихов анонимно в Париже в 1929 г. [Юферова 1991, с. 42]. Книга представляет собой философско-религиозный трактат, написанный в жанре фрагментарной прозы (ср. сочинения Марка Аврелия, Ф. Ницше, В. Розанова, Л. Шестова и др.), составленной из поучений индийского гуру, преимущественно в интерпретации Е. И. Рерих. В этих поучениях этика буддизма связана с некоторыми космологическими представлениями индуизма, в частности, с представлением о необходимости духовно-материальной эволюции, которая должна привести к установлению межпланетных контактов.

В «Агни Йоге» около 80 раз упоминаются «дальние миры» (цитируем по переизданию). Уже в самом начале утверждается (§ 6): «Только при устремлении к междупланетности можно рассчитывать на эволюцию человечества» [Учение Живой Этики, с. 13]. Цель учения формулируется так (§166–167): «Изучение Агни-Йоги приближает человека к дальним мирам <...>. Сознательная борьба доводит подвижника до исполнения задачи ... он выводит планету из одиночества» [там же, с. 107–108].

Несомненно, Ефремов был воодушевлен как пафосом эволюции (не зря он был выдающимся палеонтологом), так и надеждой на межпланетные контакты. Ему также близка была и рациональная этика буддизма, в которой он видел альтернативу современной ему коммунистической идеологии, отрицающей всякую связь с прошлым и религиозной традицией. Не отказываясь от слова «коммунизм» [Ревич 1998], Ефремов стремился наполнить его собственным содержанием. Он мечтал не о новой революции, а об эволюции в сторону светлого идеала.

Характерно, что для его синтетического сознания не было непреходимой грани между Западом и Востоком. Одной из художественных «гипотез» Ефремова был миф о древнейшей греко-индийской

цивилизации, о которой он упоминает во многих своих произведениях. Поэтому люди будущего у него проходят «подвиги Геркулеса» и дают «клятву Геркулеса» (важен и миф об Андромеде, спасенной Персеем), но к далеким звездам летит звездолет «Тантра» (*санскр.* учение), а эксперимент по мгновенному преодолению космических расстояний проводится в горах Тибета. Не удивительно, что в основе «клятвы Геркулеса» оказался текст, который назван в оригинальном источнике «Молитвой Шамбале» (§104): «Ты, Позвавший меня на путь труда, прими умение и желание мое. Прими труд мой, Владыка, ибо видишь меня среди дня и ночи. Яви, Владыка, руку Твою, ибо тьма велика. Иду за Тобой!» [Агни Йога 1929, параграф 104].

В книге и в фильме текст молитвы оказался изменен, но исходный образ «Яви, Владыка, руку Твою» был воплощен буквально в образе монументальной руки, на открытой ладони которой горит огонь. Источник этого образа, как мы полагаем, – посвященный Е. И. Рерих диптих Н. К. Рериха «Агни Йога» (1928–1930), одна часть которого изображает восточного мудреца, а другая – девушку с огнем на ладони. Свет огня, словно маячок, притягивает мысль далекого мудреца, который отделен от героини рамкой иного пространства. Ту же мысль о связи далеких пространств воплотил в своей книге и Ефремов. Но ему важна и греко-индийская (в его понимании) традиция духовного ученичества [Агапитова 2016]. Индийский вариант (отношения с гуру) будет подробнее описан в третьей части романа «Лезвие бритвы» (1963), а греческой культуре и ее контактам с Индией будет посвящен последний роман Ефремова «Таис Афинская» (1972).

Несмотря на критику, в романе «Час быка», в своем втором романе о будущем, Ефремов не отказался от «пионерского» зачина и начал рассказ так: «В школе третьего цикла начался последний год обучения. В конце его ученики под руководством уже избранных менторов должны были приступить к исполнению подвигов Геркулеса» [Ефремов 2015, с. 7].

Ему важна была идея традиции. Характерно, что будущее Ефремов не мыслит без прошлого, но в прошлом для него важнее всего оказывается поэзия. В романе «Туманность Андромеды» будущее настолько далеко отстоит от настоящего, что в нем уже не осталось никаких имен из прошлого, особенно имен политиков. Например, как отмечает Н. Н. Смирнов, Ефремов категорически отказался ввести

в роман упоминание памятника Ленина, хотя ему прочили за это Ленинскую премию [Ефремов 2016, с. 1493]. Зато он сделал одним из мест действия своего романа скалу в Крыму, на которой был похоронен М. А. Волошин и процитировал его четверостишие:

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений Земли!.. [прив. по: Ефремов, 3, с. 125]

В романе «Лезвие бритвы» важную роль будут играть тексты М. И. Цветаевой, а в романе «Час быка» – стихи Н. С. Гумилева [Брагин 2016]. Но в фильме оставить стихи Волошина оказалось невозможно, и создатели фильма сделали функциональную замену: в тот момент, когда Эрг Ноор отказывается от забвения своих страданий и чувств к возлюбленной, погруженной в непробудный сон, он читает подаренные ему стихи У. Шекспира (29-й сонет в переводе С. Я. Маршака).

С твоей любовью, памятью о ней,
Всех королей на свете я сильней.

Стихи как «нерукотворный памятник» (по выражению А. С. Пушкина) служат связующей нитью культуры и бесчисленных поколений истории человечества. Они же поддерживают и «олимпийский» огонь культуры – эстафету человеческого духа (начало фильма Шерстобитова не зря напоминает символическое начало «Олимпии» Л. Рифеншталь).

В настоящей работе нет возможности более подробно осветить книгу И. А. Ефремова и ее трансформации в фильме. Ответим только на вопрос, поставленный в заглавии нашей статьи. Художественная структура «Туманности Андромеды» (и книги, и одноименного фильма) скрывает надежду советского писателя И. А. Ефремова на научный, духовный и художественный Ренессанс объединенной человеческой культуры и цивилизаций других галактик. В этой утопической картине свое место должны занять самые разные проекты: и здоровая часть коммунистических идеалов, и наследие отринутых революцией 1917 г. культурных традиций. Своим творчеством Ефремов максимально выразил «оттепельные» настроения третьей четверти XX в. в СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агни-Йога.* (Живая этика.) Париж, 1929. 333 с.
- Агапитова Е. К.* Фольклорно-сказочная традиция в творчестве И. А. Ефремова // Проблемы исторической поэтики. Вып. 4. Поэтика фантастического. Петрозаводск, 2016. С. 211–221.
- Акопов Л.* Поэзия в произведениях И. А. Ефремова // Иван Ефремов – ученый, мыслитель, писатель. Взгляд в 3-е тысячелетие. Предвидения и прогнозы : материалы 1-го Международного симпозиума. 10–12 октября 1997, Пушино-на-Оке, Биол. центр РАН. М., 1998. С. 119–124.
- Брагин Н. Ю.* Поэзия в творчестве Ивана Ефремова // Северо-Муйские огни. 2016. № 3. URL : www.stihi.ru/2016/07/12/5194
- Вяткин А.* Советские космические киноэкспедиции // Мир фантастики. 2003. № 2. С. 23–25.
Госфильмофонд. URL : gosfilmo.mass.hc.ru/ot_films/show_film_info.php?id=111
- Переписка Ивана Антоновича Ефремова : в 2 т. / сост. О. А. Еремина. М. Вече, 2016. 1612 с.
- Ефремов И. А.* Час быка. М. : АСТ, 2015. 512 с.
- Ефремов И. А.* Сочинения : в 3 т. (Т. 3 – в 2 кн.; «Таис Афинская» – доп. 4-й том). М. : Молодая гвардия, 1975–1976.
- Кино-театр. URL : www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/7317/titr/
- Ревич В. А.* Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М. : Институт востоковедения РАН, 1998. 354 с.
- Учение Живой Этики: Знаки Агни Йоги.* Тольятти : Общество Рерихов ; М. : Мир, 1994. 416 с.
- Чернышева Т. А.* Природа фантастики. Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1984.
- Юферова А. А.* Иван Ефремов и Агни Йога // Наука и религия. 1991. № 4. С. 40–44.

УДК 82.091

С. П. Толкачев

доктор филологических наук; профессор каф. литературы МГЛУ;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

«МАЛЫЙ АНГЛИЙСКИЙ» КАК «ДРУГОЙ»

В статье рассматриваются проблемы современной англоязычной мультикультурной и постколониальной литературы, в частности о языке произведений, которые принадлежат двум и более культурам – британской и культуре бывших британских колоний. При этом встает вопрос о природе языка этих произведений: насколько он подлинно английский или это всё-таки вариант английского – «пиджин», или один из бесчисленных вариантов английского, которые творчески воспроизводят писатели бывших британских колоний.

Ключевые слова: английский «большой» и «малый»; мультикультурная и постколониальная литература; гетероглоссия; гибридность; гибридизация; писатели-мигранты; «пограничная» проза; пороговость; метисация; межпространственность; диаспора.

S. P. Tolkachev

Advanced Doctor (Philology), Professor, Department of Literature, MSLU;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

THE “ENGLISH” AS THE “OTHER” LANGUAGE

The article touches upon the issues of the modern Anglophone multicultural and postcolonial literature and, in particular, the language of literary pieces which belong to two or more cultures either of the British or the culture of the former British colonies. Thus, one can discuss the question about the nature of the language of this fiction. How much is it truly English or this is simply a variant of English – “pigeon” English or the one of the innumerable variants of English which is creatively reproduced by the authors of the former British colonies.

Key words: “English” and “english”; multicultural and postcolonial literature; heteroglossy; hybridity; hybridization; migrant authors; “borderline” prose; liminality; cross-breeding; interdimensionality; diaspora.

Для постколониальных и мультикультурных писателей (среди них солидная когорта лауреатов Нобелевской и Букеровской премий – В. Найпол, Дж. Кутзее, С. Рушди, Б. Окри, Х. Курейши, М. Али, К. Десаи и др. [см.: Сидорова 2005; Тлостанова 2000; Толкачев 2003]) суть словесного творчества на английском языке заключается в том, чтобы разрушить постулаты колониальной идеологии, увековеченные английским языком. Авторы книги «Империя пишет ответ» [Ashcroft,

Griffiths, Tiffin 1989] поддерживают естественность существования многочисленных «малых английских языков» («englishes» vs «English»), которые могли бы сосуществовать как противопоставление единой доминирующей и узаконенной форме. Более того, во многих постколониальных странах, прежде колонизированных Британией, английский язык был привит и приспособлен к местным жизненным интересам. Некоторые писатели внесли свою лепту в процесс «монгредизации» английского. Так, писатель нигерийского происхождения, подолгу проживавший в Великобритании и США, Чинуа Ачебе включает в свои тексты нигерийскую идиому языка *ибо*. Творчество его соотечественника Кена Саро-Вива во многом основывается на пиджин-инглиш. И, возможно, самое примечательное – в своих текстах карибские писатели Э. К. Братуейт, Э. Ловелас, С. Селвон, Л. Беннетт, Дж. Ламминг и др. преднамеренно «сглаживают» местные языки «в угоду» английскому с тем, чтобы идентифицировать рассеченную надвое колониальным периодом историю регионов и привлечь внимание к соответствующим карибским вариантам английского. Идея перевода с «малого» английского на «большой» и наоборот представлена на всех уровнях и различными способами в произведениях дважды лауреата Букеровского премии, современного британского писателя индопакистанского происхождения С. Рушди. Так, манера повествования, хронотоп в его произведениях отражают жизненные наблюдения за судьбами людей, за временем и топосами реальной действительности, и таким образом осуществляется перевод с языка реального на язык беллетристического, а концепты и реалии восточной культуры переводятся с малого «english», в роли которого в данном случае выступает родной для С. Рушди *Standard Indian English* на английский Британских островов, как, например, в романе «Сатаниские стихи» [Rushdie 1988].

Сознательное включение писателями, владеющими «малыми» языками, в текст языковых вариаций английского с художественными целями демонстрирует динамику языковых изменений с точки зрения и литературоведения (здесь мы имеем дело с «образом» языка), и лингвистики. Использование таких специфических приемов при создании художественных произведений постколониальными авторами конкретизирует мультикультурный характер лингвистической среды, отражаемой в них, и исходная культура при этом имеет определенные

функциональные воздействия на языковой узус в тексте, написанном на «малом английском языке», т. е. на «english».

«Малый английский» в мультикультурной и постколониальной литературе заявляет о себе как высшая культурно-историческая данность, как дискурс, не лишенный политической окраски. Введение в текст английских вариантов всех видов связует культуру, определяемую как «туземная», или «национальная», с культурой «империалистической», культурным мейнстримом метрополии. Так, в пьесе «Веревка» («The Cord») малазийского писателя К. С. Маниама вариант «малого английского» приобретает легальный статус в противопоставлении «стандартному» в рамках самого диалога [Bhabha 1984].

В различных регионах Карибского бассейна, в Юго-Восточной Азии возникают при этом интересные корреляции между «englishes» (пиджин) и британским стандартным английским. Первая особенность такой корреляции – это неоспоримая связь языка и идентичности: «Я есть то, на каком языке говорю». К примеру, в малазийской и сингапурской гуманитарной науке и литературе идут дебаты о том, какой язык следует использовать в данном регионе. При этом открываются две возможности: «стандартный» английский, язык власти и метрополии, и варианты английского, т. е. «английский язык реальной жизни», «малый английский», что становится в данном контексте выражением варианта культурной «преданности», верности своим истокам.

Наличие двух совершенно противоположных, противопоставленных потенциальных типов повседневного речевого общения и, в силу этого, двух вариантов политической и культурной идентификации, выявляет между ними культурное пространство, остающееся незаполненным, что, на самом деле, подразумевает главное знаковое различие в мультикультурном дискурсе. Формирование «культурного пространства» в данном случае – прямое следствие метонимической функции языкового варианта. Разрыв между островками «официального» языка текста и привносимым в текст культурным различием заполняется «зиянием», «отсутствием». Таким образом, динамику изменения в этой метонимической ситуации моделирует умолчание, за которым культурная инаковость текста может пересекаться с колониальным языком.

Существование данного разрыва свидетельствует прежде всего о том, что текст «сопротивляется» присоединению к «английской

литературе», или, вернее, к некоей универсальной литературной традиции. Сознательно сконструированный текстовый разрыв усиливает разлад в культурном понимании. Автохтонная культура скорее соприкасается с мнимой «метропольной» спецификой текста, написанного на «малом английском». Разрыв умолчания охватывает пространство между одновременной отменой языка как нормативного стандарта и присвоением языка как культурного средства в мультикультурном тексте.

Иллюзия, которую постоянно разрушает мультикультурная литература, состоит в том, что литературный дискурс является частью процесса миметической репрезентации [Bhabha 1984]. Таким образом, становится ясно, что знаки идентичности и различия всегда являются вопросом изобретения и конструирования. Блестящей иллюстрацией этого факта является эпизод в романе В. Найпола «Мистический массажист» (1957), в котором одержимость героя пунктуацией при написании указывает на разрывы между языком и живым опытом [Naipaul 2002].

Вообще говоря, постколониальные знаки и знакопись играют важную роль в произведениях англотринидадского В. Найпола, потому что они напрямую используют в процессе создания произведений традиционную и конструктивную природу языка. В данном случае пунктуация не просто выполняет свою главную функцию, но становится выражением в виде синекдохи разрывов, цезур и умолчаний в постколониальном дискурсе, которые существуют между языком как олицетворением власти и опытом, представляющих этот язык. Подобные разрывы эффективно используются В. Найполом в романе «Мистический массажист», когда Ганеш и Безарри решают попрактиковаться в диалогах на «собственно английском языке» – задача, выполнение которой представляется еще более нелепой и смешной [Naipaul 2002, с. 89].

Языковые варианты, несомненно, важны, когда речь идет о письменной форме «малого английского языка». При этом воссоздание эффекта отчуждения становится особенно важным в моногlossных текстах США, англоговорящей Канады, Австралии и Новой Зеландии. В этих странах английский воспринимается как язык национального общения. Его превращение в местный диалект, народную форму общения, в понятный региональный жаргон происходит в соответствии

с местными условиями. В процессе такого становления «малый английский» самоутверждается как контрдискурс в том смысле, что он находится в оппозиции к центру и постоянно подвергает сомнению всевластие «стандарта». В то же время, когда «english» появляется из «English», он устанавливает себя как нечто независимое и самодостаточное. Лингвистические варианты создаются и воспроизводятся как некая самостоятельная суть, даже несмотря на параллельное существование «разговорных выражений» и «идиом», которые как бы «атакуют» эти языковые варианты из центра.

Таким образом, мультикультурный текст в каком-то смысле отражает функцию метонимических различий. Именно в этом качестве языковой вариант появляется в тексте как смысловое различие, констатация отсутствия какой-либо культурной реалии. В моногlossных текстах диалекты берутся на вооружение как языковой вариант с тем, чтобы обозначать вторжение аутсайдера в дискурс. Можно обозначить и прямо противоположный процесс. Местный диалект приспосабливает английский язык для фиксации нового опыта и нового местоположения литературного опыта.

Понятие различия как непереводаемого диссонанса между культурными реальностями часто строится в тексте как и понятие идентичности. Даже в моногlossном тексте М. Твена в монологе Геккельбери Финна [Twain 1967, с. 125] такое различие, обозначающее социальный статус речи как «другой», строится с помощью переоформления – лексического, орфографического, грамматического и синтаксического. Синекдоха, призванная построить мост между «центром» и «окраиной», одновременно утверждает их разделенность, в которой мостов не существует.

Похожую функцию регистрации культурной дистанции в мультикультурном тексте может играть аллюзия. Пример из романа кенийского писателя, пишущего на английском и языке кикуйю, номинанта на Букера Нгуги Ва Тхионго «Зерно пшеницы» (1967) подтверждает «отсутствие», которое лежит в точке соприкосновения и пересечения двух культур. Это ярко видно из эпизода, в котором герой романа Гиконьо поет песню своей будущей жене Мумби [Ngugi wa Thiong'o 1967, с. 145], а потом они обмениваются мнениями. Но это не означает, что песню нельзя понять, если не доступен весь ее культурный контекст. Дело, скорее, в том, что введение аллюзий устанавливает

лингвистическую дистанцию. Поддержание этой дистанции в мультикультурном тексте имеет важное значение для выражения его этнографической сути.

В результате осуществления «межкультурных диалогов» возникают некоторые трудности в процессе художественного осмысления действительности. Культуры начинают «описывать» друг друга, возникают новые взаимоотражающиеся образы, которые часто положены в основу культурной реальности другого. Текст начинает воспроизводить реальность «другого» под видом его описания.

Таким образом, возникает мысль о двойственности мультикультурного текста. С одной стороны, он может действовать как этнографическое отражение культуры «чужого», с другой – использование английского языка как бы предупреждает о том, что эта двойственность текста не подразумевает двойственности менталитета и опыта.

Лингвистические варианты с их функцией синекдохи проявляются как характерная черта всех мультикультурных текстов. Образ «писателя» сталкивается с образом «читателя» в процессе самого создания письменного произведения, которое возникает на пересечении широкого набора культурных феноменов и особенностей.

Такие письмо и культура не представляют и не стимулируют возвышения автора до масштабов глобального видения жизни, но в то же время определяют конкретные параметры топоса, сцены, площадки для установления значения. Описанные приемы прежде всего поддерживают дистанцию и инаковость. Но происходящие при этом процессы приспособления языка являются важной константой динамических возможностей, доступных словесному творчеству внутри силового поля, создаваемого между «центром» и «окраиной».

Один из способов продемонстрировать возможности приспособленного «малого английского» – сравнить его по контрасту с другим английским языком, всё еще привязанным к имперскому центру. Это сопоставление часто помогает понять, до какого предела постколониальные писатели могут прийти в конструировании своего собственного «другого места», «второй родины». Так, в стихотворении австралийского поэта Лес Мюррэя «Ферма в Новой Англии, август 1914» (1965) [Murray Les 1965] наблюдается полное приспособление языка художественного произведения, в данном случае – стихотворения, к местной австралийской культуре, в связи с чем пространственно-

временные связи в этом произведении приобретают высокую степень подлинности. Художественное пространство этого стихотворения конструируется не только «за пределами» английской литературной традиции, но и озвучивается в терминах четкого исторического опыта, связанного с Первой мировой войной, которая служит историческим фоном для конструирования мифов австралийской этнокультурной идентичности.

Такие поэты, как Лес Мюррей, сознательно выбирают творческую стезю, которую можно назвать своего рода «архетипической этнографией». Их мультикультурное «я» обращено как бы к двум различным группам слушателей и читателей, что соответствует желанию воспроизвести опыт через акт письма, используя инструменты одной культуры и общества и в то же время пытаясь остаться верным опыту «другого».

Интересно, что в предисловии к своему роману «Кантапура» индийский писатель Раджа Рао объясняет особые задачи, которые встают перед художником в процессе изображения культурной специфики «другого»: «На языке, который не является его родным, писатель должен воплотить дух, с которым он родился. При этом необходимо изображать различные оттенки определенного движения мысли, которые средствами чужого языка передаются с большим трудом. Я использую слово “чужой”, хотя в действительности английский не является для нас чужим языком. Это язык нашего “интеллектуального грима”. Мы все инстинктивно билингвистичны, многие из нас пишут на нашем родном языке и по-английски. Мы не можем писать, как коренные англичане. И не должны. Но мы и не можем писать всего лишь, как индийцы»¹ [Raо 1963, с. 7].

Таким образом, словесное творчество мультикультурного писателя по существу является и этнографическим описанием собственной культуры писателя. Писатель, находящийся на пересечении культур, обладает двойственным видением и пытается «втиснуться» на место интерпретатора, но это место уже занято его собственной интерпретацией, поскольку писатель является не объектом интерпретации, а первым и главным интерпретатором, или «самоинтерпретатором».

---

¹ Перевод наш. – С. Т.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сидорова О. Г.* Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2005. 261 с.
- Глостанова М. В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М. : Изд-во ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. 399 с.
- Толкачев С. П.* Мультикультурный контекст современного английского романа. М. : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2003. 402 с.
- Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H.* The Empire Writes Back. London : Routledge Press, 1989. 246 p.
- Bhabha H.* Representation and the colonial text: a critical exploration of some forms of mimeticism // Theory of reading / Ed. by F. Glocversmith. Brighton : Harvester, 1984. P. 93–122.
- Ngugi wa Thiong'o.* A Grain of Wheat. London : Heinemann, 1967. 247 p.
- Murray Les A.* The Ilex Tree. Canberra: ANU Press, 1965. 110 p.
- Naipaul V. S.* The Mystic Masseur. London : Vintage, 2002. 180 p.
- Ngugi wa Thiong'o.* A Grain of Wheat. London : Heinemann, 1967. 247 p.
- Rao R.* Kanthapura. New York : New Directions, 1963. 245 p.
- Rushdie S.* Satanic Verses. Dover, Delaware : The Consortium Inc., 1988. 450 p.
- Twain M.* The Adventures of Huckleberry Finn. London : Chatto & Windus, 1967. 366 p.

УДК 008

О. В. Родионова

кандидат культурологии, доцент, доцент каф. мировой культуры ФГН МГЛУ;
e-mail: olgavrodionova@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ФЕНОМЕНА ВОСТОКА В КУЛЬТУРЕ РОССИИ В XIX–XX ВЕКОВ

В статье рассматривается культурная политика Российской империи и первых лет СССР в отношении мусульманских территорий. Затрагиваются проблематика Своего и Чужого в контексте Кавказской войны. Анализируется влияние культурной политики на процесс формирования наций и национального самосознания. Кавказская война как факт русской культуры «золотого века». Феномен собственного Востока в культуре России.

Ключевые слова: культурная политика; этническая идентичность; Восток; Свой и Чужой; Кавказ.

O. V. Rodionova

Ph.D. in cultural studies, associate Professor,
associate Professor of the Department of World Culture
of the faculty of Humanities, MSLU; e-mail: olgavrodionova@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE EAST IN RUSSIAN CULTURE 19TH – 20TH CENTURES

Discusses the cultural policy of the Russian Empire and the first years of the USSR, the Russian Federation in relation to Muslim territories. Addresses the problems of mine and others in the context of the Caucasian war. Examines the impact of cultural policy on the process of the formation of Nations and national identity. The Caucasian war as a fact of Russian culture from the Golden age. The phenomenon of a private of the East in Russian culture.

Key words: cultural policy; ethnic identity; East; His and others'; the Caucasus.

Начало XIX в. знаменуется новой волной восточной моды, на этот раз под Востоком подразумевается мусульманский мир, в Санкт-Петербурге в 1832 г. на Университетской набережной устанавливаются

сфинксы времен Аменхотепа III, купленные Академией Художеств в 1830 г. по предложению Андрея Николаевича Муравьева.

Восточная мода проявилась и в модных тенденциях, отразившихся в живописи (Луи Жироде «Голова женщины в тюрбане» с уточнением *La Caucasienne* – жительница Кавказа), около 1820 г.; Томас Филлипс «Портрет лорда Байрона в тюрбане», 1835 г.; Карл Брюллов «Турчанка», 1838 г. и, конечно же, «Алжирские женщины» Эжена Делакруа (1834 г.). Разумеется, список работ может быть значительно расширен. Основная тенденция визуального ряда заключается в передаче экзотического материала (поэтому зарисовки могут носить и этнографический характер) и завуалированную мечту о прекрасной, таинственной, покорной и страстной женщине, которую с распространением феминистических идей становилось всё труднее найти в Европе. Образ восточной женщины в качестве роковой красавицы и грезы определенно-го рода перешел и в стиль модерн: живопись (Л. Бакст, Н. Гончарова), мода (П. Пуаре), литература (М. Волошин, С. Есенин), театр (балеты Н. Римского-Корсакова «Шахрезада», «Золотой петушок» (опера-балет), И. Стравинский «Жар-Птица» и т. д. Интересно отметить появление восточных (мавританских, реже египетских) залов во многих домах. В Москве можно вспомнить мавританские комнаты в особняках Стахеева (архитектор М. Ф. Бугровский), Морозовых (архитектор Ф. О. Шехтель), мавританские кабинеты в Сандуновских (архитектор Б. В. Фрейденберг) и Китайских банях (архитектор Л. Н. Кекушев). Практически все интерьеры относятся к мужским помещениям, как правило, это курительные комнаты, также интересно отметить, что практически во всех отсмотренных домах (более 20 в Москве и Санкт-Петербурге) восточные комнаты соседствуют (не всегда напрямую) с псевдосредневековыми залами. Можно сделать предположение, что образ роковой женщины, воплощенный в восточных грезах, словно бы уравновешивается образом идеального мужчины-рыцаря – хозяина готического кабинета.

Мавританские комнаты встречаются и в Санкт-Петербурге. Арабская графика в интерьерах подобного рода появляется в качестве графического орнаментального элемента и, как правило, не несет никакой смысловой нагрузки, т. е. речь идет всего лишь о графической стилизации арабской вязи. Вместе с тем регулярно встречается надпись: *الله* – *Аллах*, которая, видимо, используется архитекторами

как устойчивый элемент орнамента. Обращает на себя внимание, что лишь в Мавританской гостиной в Юсуповского дворца на Мойке в оформлении дверных порталов довольно ясно читается формула: *لا اله الا الله* – *нет Бога, кроме Аллаха*, что составляет первую часть шахады.

Но это всё жизнь столиц, жизнь знати и жизнь бытовая. Проблема, которая интересует нас сегодня формирование самого понятия «Восток» в русской культуре и отечественной научной мысли. Как ни странно эта, казалось бы, узконаучная проблематика, касается жизни каждого из нас и отражается во внутренней и внешней политике России как минимум последние два с половиной века.

Дихотомия Запад – Восток – одна из базовых в современном мире. Мы редко задаем себе вопрос – как, когда, каким образом, почему так, а не иначе она сложилась. Слова Р. Киплинга из «Баллады о Востоке и Западе» подводят итог всем размышлениям и одновременно являются отправной точкой для всей темы. С трудом отдавая себе отчет, мы конструируем свой мир как биполярный, где есть я и он, друг и враг и, да, Восток и Запад.

Попытаемся разобраться, как это появилось и к чему привело. «С XIV в. Европа всё больше отождествляется с западным христианством. Бартольд пришел к выводу, что современные представления о Востоке и Западе окончательно выкристаллизовались в эпоху Просвещения, связавшую в один нарратив представления римлян о превосходстве над Востоком и христианские предубеждения против ислама, распространив при этом “отчуждение на дохристианское прошлое”, т. е. Восток – “мир вне греко-римской цивилизации”¹ в прошлом, в Новейшее время – вне ее возрождения”» [Тольц, 2013, с. 97]. «Изучая “собственный Восток”, российские ученые нередко сравнивали свою страну с другими империями, имевшими колонии в Азии» [там же, с. 51].

---

¹ Стоит обратить внимание на наименование цивилизаций, предложенное О. Шпенглером в «Закате Европы»: наряду с аполлоновской (греко-римской) и фаустовской (западноевропейской) заявлена и магическая (византийско-мусульманская). Очевидно, что речь здесь идет не о прямом наследовании Стамбула Константинополю, а общей идее Иного мира христианства (восточного, а не западного) и просто Иного, каким со Средних веков стал устойчиво видеться ислам.

Произнося словосочетание: «Российская империя», мы думаем об определенном периоде времени 1721–1917 гг. и о географии (размерах страны). Но империи континентальные или заморские не могут обойтись без ядра и периферии; метрополии и колоний; коренных земель и новых. Все вышеперечисленное относится и к России.

Войны XVIII в. велись за устойчивый выход России к морям, это было необходимо для развития экономики, для торговли. Петр I дал империи, которую сам и создал, Балтику, Екатерина II – Черное море. Таким образом основные внешнеполитические задачи были решены. Итогом более чем тридцатилетнего правления Екатерины стало новое «непоротое»¹ поколение русского дворянства, в составе которого мы найдем не только Пушкина и генералов Двенадцатого года, но и внука Императрицы – Александра I, одержанная им во главе коалиционных войск победа над Наполеоном делает Александра новым Агамемноном – «царем царей», как называет его Пушкин в десятой главе «Евгения Онегина». Здесь Пушкин не льстит и не лукавит, к моменту написания романа в стихах на престоле уже новый император, которого поэт жалует куда больше чем Александра, правда, без взаимности.

Именно Александр начинает или точнее активизирует колониальную политику империи, помимо Русской Америки происходит и экстенсивное расширение государства. Обратим внимание на Русско-турецкие² и Русско-персидские³ войны XIX в., смысл их совсем иной, чем у войн XVIII в. Николай I назовет основную их цель – получить ключи от дома (подразумевая под этим проливы Босфор и Дарданеллы, а в перспективе и сам Константинополь / Стамбул).

Не меньший интерес вызывает и Каспий – море (географически озеро), хотя и внутренне чрезвычайно притягательно таинственной Персией (о нефти речи еще нет и в помине), а также потенциальной дорогой в Индию. Противоречия России и Британии (после устранения общего врага – Наполеона) становятся всё более острыми. Индия,

---

¹ Екатерина подтвердила «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г. «Указ о вольности дворянства» 1762 г. Петра III. Оба документа в числе прочего отменяли телесные наказания для дворянского сословия, к слову сказать, Павел I Указ и Грамоту в этом аспекте отменил.

² 1806–1812 гг. – Бухарестский мир; 1828–1829 гг. – Адринопольский мир; 1877–1878 гг. – Сан-Стефанский мир.

³ 1804–1813 гг. – Гулистанский мир; 1826–1828 гг. – Туркманчайский мир.

потенциально сфера пересечения интересов, равно как и подступы к ней, слабеющие Османская и Персидские империи то вместе, то попеременно принимают сторону Англии. Катастрофа Крымской войны лишает Россию земель в Северной Америке, но не отменяет мечтаний о Константинополе и Индии. Дорога же в Персию (а за ней и в Индию) одна через Северный Кавказ и Закавказье – война на Кавказе переходит в активную фазу.

Кавказ, будучи театром военных действий в XIX в., получил в литературе и обслуживаемом ею читающем обществе статус экзотической страны. Романтическая проекция едва ли не лучше всего удалась именно в отношении Кавказа как природной зоны и как обиталища племен и народов. Наличие Кавказа как места для подвига, для славной смерти сыграло важную роль в становлении этической системы российского дворянства, как раз тогда, когда оно (дворянство) закладывало основы того, что теперь называется «русской культурой “золотого века”».

«Нужды нет, что европейские романтические прототипы сражались за независимость, скажем, греков, а их российские почитатели против независимости, скажем, черкесов¹. Возможность литературной проекции на себя соответствующих героико-романтических интерпретаций сохранялась, например, за счет общих антиосманских и тем “европейских” рамок» [Левинсон 2005]. Возможность «славно умереть» в духе века романтизма в Николаевскую эпоху стоило дорого.

Здесь будет уместно вспомнить материалы собственной диссертации: «Бой противопоставляется эстетике парадов. “Пушкин отчетливо подчеркнул связь между либерализмом и воинским прошлым поколения людей. Бой открывал значительную свободу для личной инициативы, где, кроме Аустерлицкого поля, младший офицер мог увидеть плачущего императора? Парад был полной противоположностью боя – он строго регламентировал поведение каждого человека, превращая его в безмолвный винтик огромной машины” [Лотман 1998, с. 630]. При этом определенное сходство всё же наблюдается: “оно заключается в том, что происходящее разделено на два зрелища. С одной стороны, зрелище представляет собой масса (в бою и на параде),

---

¹ В этом смысле Лермонтов полностью прав, говоря: «Нет, я не Байрон, я другой». Байрон умирает на войне за свободу греков от турок, Лермонтов – на дуэли в ходе Кавказской войны.

а зритель представлен одним человеком. С другой стороны, сам этот человек оказывается зрелищем для массы, которая выступает уже как зритель” [Лотман 1998, с. 631]. Поскольку и поэтика боя и эстетика парада была неотъемлемой частью жизни молодого офицера начала XIX века, равно как и романтическое осмысление своего поведения, той роли, которую сам Наполеон “подхватил из той же литературы, но, воплотив ее в пьесе своей жизни, он вернул эту роль литературе с возросшей мощью” [там же, с. 632]. Всё это, вместе взятое, приводило к тому, что романтизм при всей своей театрализованности “не читки требовал с актера, а полной гибели всерьез” [Пастернак 1998, с. 351]. Возможно, поэтому такое значение приобрела «театральная категория «конца», пятого акта. Введение сюжета вводило представление об окончании и одновременно приписывало этому окончанию определяющее значение. Смерть, гибель была предметом постоянных размышлений и венцом жизни. Это естественно активизировало героические, трагические модели поведения. Отождествление себя с героем трагедии задавало не только тип поведения, но и тип смерти” [Лотман 1992, с. 262]» [Родионова 2002, с. 87].

Важно понимать, что соприкосновение с этим Иным – Чужим миром не только создавало возможность четко осознать границы своих миром, но и отрефлексировать предикатные свойства своего и чужого. Они могут быть даны как языком официальным «разбойничья страна», как в учебнике для гимназий дедушки Марины Цветаевой Д. И. Илловайского, так и поэтическим, как это сделал М. Ю. Лермонтов. Отношение к горцам в период Кавказской войны двойственно. Пожалуй, ближе всего оно понятию дикаря в коннотациях века Просвещения. Дикость, т. е. неевропейскость, одновременно достоинство и недостаток противника. Души горцев, и это очень заметно в творчестве Лермонтова, не образованы (sic!), т. е. лишены привычки к умственной работе, опять же в европейском ее понимании, но они чище, правдивее и в этом чем-то благороднее. Конечно, опыт трактата Руссо «Эмил, или О воспитании» для русского дворянства первой трети XIX в. не прошел бесследно. Интересно отметить, что хотя кавказские стихи и проза изобилуют женскими образами, в рисунках Лермонтова их нет. Это многое говорит о создании образа «восточной» женщины в русской культурной и литературной традиции. К этой теме мы вернемся несколько позже. Пока же важно констатировать факт встречи

и противоборства двух аксиологических систем. Противоборство, которое принимало порой причудливые формы.

Полковник Константин Бенкендорф в воспоминаниях¹ фиксирует парадоксальные, на наш нынешний взгляд, ситуации. Во время наступления на одну из высот русские солдаты услышали, что ее защитники горцы громко молятся, призывая Аллаха. «Солдаты же, прежде чем броситься в атаку, приостановились, и слышно было, как они говорили: “Нехорошо, Богу молятся!”».

Однажды, в один базарный день, возникла ссора между чеченцами и солдатами Апшеронского полка, солдаты Куринского полка не преминули принять в ней участие на стороне чеченцев. «Как же нам не защищать чеченцев, – говорили куринские солдаты, – они наши братья, вот уже 20 лет как мы с ними деремся!» [цит. по: Гордин 2014, с. 477–478].

Вместе с тем с XVIII в. российской элите была присуща уверенность, что она является (и это ее миссия) носителем европейских ценностей в Азии, в том что касается образования и эмансипации женщины [Шмитт 1992, с. 52]. Важно отметить, что Кавказа закрепился в русском культурном коде как Восток. «Дошедшая до российских глаз и ушей средиземноморская, культурная линия имела сильную «присадку» мусульманской – тюрко-персидско-арабской – традиции. В культурном смысле этот «южный Запад» то и дело переходил в «южный Восток». Тифлис для россиян был столько же Парижем, сколько Стамбулом» [Левинсон 2005].

Кроме того, переживают принципиальную трансформацию отношения власти и дворянства и интеллигенции. «14 декабря 1825 года можно считать одним из поворотных пунктов в развитии России, кульминационной точкой формирования русского дворянина – аристократа (в первоначальном смысле этого слова)» [см. Родионова, 2002]. Именно поэтому, проследив процесс развития мировоззрения этого «особого типа русского человека», необходимо в завершении этой части исследования обрисовать ситуацию, сложившуюся в последующие за выступлением декабристов годы.

В период смены века «богатырей» веком «каталогов отличных» эти изменения были не только внешними, но и структурными, что

---

¹ «Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года» // Русская старина 1910, 1911 гг.

позволило Н. А. Бердяеву прийти к выводу, что «после подавления восстания декабристов, после воцарения Николая I всё пошло путем нарастания раскола и революции». Русская интеллигенция, которая начала формироваться со второй половины XVIII в., «окончательно оформилась в раскольничий тип. Она всегда будет говорить про себя “мы”, про государство – “они”» [Бердяев 1990, с. 21]. Это «всегда» Бердяева начнется с постдекабристской эпохи.

Ощущение сползания в какую-то бездну в высшей степени характерно для второй половины XIX в., правительство, с одной стороны, и интеллигенция – с другой, старалось остановить это сползание, создавая свои системы спасения. «Система официальной народности была основана на трех принципах – православие, самодержавие, народность, и система славянофильская признавала эти же три принципа. Но дух был противоположный» [там же, с. 25]. Для интеллигенции этого периода, равно как и всех последующих, в высшей степени характерна «беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями, но эта беспочвенность была характерно русской. Интеллигенция всегда увлечена какими-либо идеями, преимущественно социальными, и отдавалась им беззаветно. Она обладала способностью жить исключительно идеями» [там же, с. 18]. Традиционно обидное для интеллигенции название – «прослойка» – было в чем-то оправданным. Перестав быть «застрельщиками», проводниками новых идей и веяний, дворянство, первоначально вошедшее в ряды интеллигенции (воспринимаемой прежде всего как производное от *intellectuels*), а потом и разночинцы, занявшиеся умственным трудом, были оторваны от правительства, которое могло бы претворить мечты в действительность, и народа, который по-прежнему почитал интеллигентов «немцами» и «барамии», создавали свой образ и правительства и народа. И если от правительства как «замаранного» властью можно было с полным правом отвернуться, то в народе напротив усматривались все утраченные или еще необретенные ценности. В этой связи чрезвычайно интересны почвеннические идеи, вложенные Л. Н. Толстым в образ Пьера Безухова, идеи, которые появились да и могли появиться только после 14 декабря 1825 г., когда, потеряв верхний культурный слой, дворянство в поисках Учителя обратилось к народу, по-прежнему идеализируя его и видя в нем сосредоточие Правды.

Лев Толстой в неоконченном романе «Декабристы» писал о необыкновенном состоянии общества в 50-х гг. XIX в., когда «все старались отыскивать еще новые вопросы, все пытались разрешать их; писали, читали, говорили проекты, всё хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неопisanном восторге. Состояние, два раза повторившееся для России в XIX столетии: в первый раз, когда в двенадцатом году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в пятьдесят шестом году нас отшлепал Наполеон III. Великое, незабвенное время возрождения русского народа!» [Толстой 1987, с. 480]

Подъем в пятидесятые годы не привел к столь же высоким результатам, какими сходные общественные настроения сопровождалось в начале века. Более того, «говорение проектов» приводило к часто противоположным результатам. О любом сотрудничестве с властью после подавления декабрьского выступления не могло быть и речи, уже выросло поколение, для которого противостояние власти было не сколько сознательным выбором, сколько данностью, правилами игры. Возможно, поэтому тайные общества носили более кровавый характер, и царевубийство в них было не декларируемым, а вполне реальным. Это положение можно подтвердить не только убийствами для поддержания дисциплины, которые практиковались в группе Нечаева, но и многолетней «охотой» на Александра II, приведшей, в конце концов, к его гибели. Противоположная тенденция «хождения в народ»: стремление к распространению грамотности – подготовке почвы для будущих действий; практика, уходившая корнями в Союз благоденствия, была абсолютно утопична. Даже те немногие, кто пытался служить России, находясь во власти, такие как Я. И. Ростовцев – первый глава редакционной комиссии по крестьянскому делу, А. Н. Муравьев – нижегородский губернатор, в той или иной степени связанные с декабристскими обществами, или деятели русской правящей элиты конца века, к примеру П. А. Столыпин, не вызывали, да и не могли вызвать, большого количества положительных эмоций на свой счет. «Оставь герою сердце! Что же он будет без него? Тиран», – писал А. С. Пушкин [Пушкин], а что сказать, если сердце вынута из всего общественного, из всей государственной машины» [Родионова 2002, с. 164].

В. Тольц фиксирует в своей книге точку зрения А. Миллера, что к концу XIX в. такие имперские периферии как Сибирь, Поволжье

и западные губернии воспринимались как русские национальные (лично у меня вызывает большое сомнение Польша. – *О. Р.*); в то время как имперские окраины Кавказ и Средняя Азия были исключены из нее и воспринимались как колониальные владения [Тольц 2013, с. 67]. Очень показательно, что на протяжении всей книги Тольц, равно, видимо, как и в имперском сознании отечественных востоковедов XIX в., под Кавказом понимается исключительно Закавказье, Северный Кавказ выпадает как из востоковедческого, так и культурного дискурса. Появляется Северный Кавказ в сходных характеристиках в документах ОГПУ 20-х гг. XX вв. при описании ситуации в мусульманских регионах. «Ряд особенностей, как в группировке сил внутри духовенства, так и в методах и формах нашего воздействия, диктуют нам необходимость подразделения мусульманских окраин Союза на две группы, каждая из которых, в плоскости принципиальной постановки вопросов, может рассматриваться как единое целое. С этой точки зрения в первую группу войдут: Татария, Башкирия, Крым, Сибирь, Северный Урал, Казахстан и внутренние губернии. Во вторую группу войдут Средняя Азия и Северный Кавказ. Примечание: Закавказье не рассматривается вовсе.

Первая группа окраин характеризуется тем, что борьба между реакционным и прогрессивным духовенством закончилась в них победой прогрессивного крыла. <...> Преобладающей силой в Средней Азии и на Северном Кавказе является консервативное реакционное духовенство. <...> Причем в Средней Азии прогрессивное духовенство уже представляет более или менее реальную силу, а на Северном Кавказе оно еще чрезвычайно слабо» [Записка Восточного отдела ... 2010, вып. 2, с. 88, 91].

Во многом справедливо, что русская культура представляет собой результат взаимодействия и трансформации этнических элементов и в этом смысле носит сверхэтнический характер. Мы имеем дело не с ассимиляцией, а с взаимной трансформацией всех этнических элементов, входящих в российский культурный универсум [Малахов 2014, с. 62]. В этом универсуме присутствуют два смысловых дискурса – дискурс интеграции (в мировую цивилизацию) и дискурс уникальности (Россия как цивилизация) [там же, с. 66].

Национальный сепаратизм на окраинах (Украина и Польша) и консолидация русской нации неразрывны в дискурсе 1860-х [Миллер

2016, с. 64] По мнению норвежского исследователя Стейна Роккана, существует четыре фазы создания современного нации-государства:

- 1) консолидация элит;
- 2) всеобщее голосование и политическое представительство;
- 3) социальное государство с системой распределения;
- 4) всеобщая воинская повинность и всеобуч [прив. по: Миллер, с. 99].

Здесь очень важно отметить, что система образования не только является мощнейшим фактором идентификационных процессов, но и частью массовой культуры. Массовой культурой в нашем случае следует считать не только кич, литературный или телевизионный ширпотреб, но и образцы того, что вообще-то у нас считается классикой, вершинами российского искусства и культуры, а именно произведения ее великих Пушкина, Лермонтова, Толстого. Дело в том, что большинство россиян знакомы с кавказской темой в произведениях этих авторов не в контексте творчества и не из их книг, а в контексте школьного курса, соответствующих учебников и хрестоматий. По способу воздействия эти тексты и дискурсы принадлежат, мы настаиваем, именно массовой культуре как особому социальному институту.

Здесь перед нами еще одна серьезная тема. Этические вопросы, которыми знаменита русская литература, которыми были озабочены в свои времена российские литературные классики, не включали вопроса о правах – правах человека, правах людей разных конфессий на благодать, правах наций на самоопределение, правах одной страны на территорию другой и т. д. Для них эти вопросы еще не были актуальными в целом или же применительно к ситуации на Кавказе [Левинсон 2005].

По всей видимости фиксация мифологемы Восток (Кавказ) – Запад (Россия) произошла в головах мыслящих людей именно в период Кавказской войны. Если система ценностей горцев после объединения разрозненных военных отрядов (само это словосочетание довольно условно в ситуации, когда все мужчины носят оружие в качестве элемента повседневного костюма) имамами Гази-Мухаммадом и Шамилем и объявлении газавата не требовала рефлексии в категориях Восток – Запад, а была ясна и прозрачна, то для царской армии, особенно для офицерского корпуса, всё было совсем иначе.

Позволю себе еще раз процитировать свою диссертацию: «В той же степени в какой “Война и мир” графа Толстого старается отразить “дух

времени” начала века, произведения А. И. Куприна могут служить иллюстрацией его конца. “За исключением немногих честолюбцев и карьеристов, все офицеры несли службу принудительную, неприятную, опротивевшую барщину, томясь ею и не любя ее” [Куприн]» [Родионова, 2002, с. 163]. Осмысление столкновения двух миров, двух систем ценностей в сочетании с просветительской миссией примиряло с войной и положением дел в империи, поскольку «вся послепетровская культура была проникнута отождествлением понятий “просвещение” и “европеизм”. Европейская культура мыслилась как эталон культуры вообще, а отклонение от этого эталона воспринималось как отклонение от Разума. Два полюса романтического сознания: гипертрофированная личность и столь же гипертрофированная безличность – распределяются между Западом и Востоком. Фатализм как и волюнтаристский индивидуализм, взятые сами по себе, не препятствуют героической активности, придавая ей лишь разную окраску. Природа этих двух видов храбрости различна: одна покоится на сильно развитом чувстве личности, эгоцентризме и рационалистическом критицизме, другая – на влитости человека в воинственную архаическую традицию, верности преданию и обычаю и отказу от лично-критического начала сознания» [Лотман 1997, с. 605, 608, 613].

Процесс национальной идентификации привел к становлению наций-государств (Франция, Италия, Германия). Процесс, начавшийся на излете высокого Средневековья и завершившийся в Новое время (к. XVII – н. XVIII вв.), заменил этнической идентичностью конфессиональную; после столетия войн за веру Европа вступила на путь идей Просвещения и секуляризации сознания. С наибольшими трудностями в контексте национального вопроса пришлось столкнуться империям, особенно континентальным. Здесь параллельно шли процессы промышленного переворота на периферии и НТР – в центре; рост национального самосознания и революционного интернационализма. Всё это характерно для венгерской части Австро-Венгрии; Балканского полуострова в составе Османской империи; для Западной Украины, Польши и чуть иначе для Кавказа и Средней Азии (здесь религиозный контекст был важнее национального) в составе Российской империи. Переструктурирование рынка труда и сбыта создавало подчеркнуто подчиненное положение колонии от метрополии. Например, навязанная хлопковая монокультура сельского хозяйства в Средней Азии

поставила этот регион в зависимость от зерновых поставок из центра и создала постоянную угрозу голода.

На фоне Первой мировой войны с ростом антиевропейских настроений возрос интерес к исламу: Бартольд предпринимает научные изыскания на тему влияния мусульманской культуры на Россию; Марр предложил рассматривать Кавказ как пересечение Востока и Запада, христианства и ислама. Тем не менее используя в своих трудах категории Запада и Востока, Европы и Азии, ученые школы Розена (Бартольд, Марр, Ольденбург) четко осознают, что эти понятия являются политическими и культурными конструктами [Тольц 2013, с. 120]. Представления о буддизме и исламе как о национальных религиях разных этнических групп, многие из которых не были ни буддистами, ни мусульманами, конструировались имперскими востоковедами из местных национальных сообществ, причем местные информаторы играли ведущую роль в создании «изобретенных» традиций [там же, с. 298–299]. Стоит вспомнить, что учитель В. Р. Розена В. В. Григорьев указывал, что обучение казахских кочевников в школах на местных языках должно помешать их исламизации и отатариванию [там же, с. 62]. Интересно обратить внимание на две вещи, первая – мусульманин уже к началу XX в. являлось синонимом слова «фанатик», в таком виде это отношение к исламу особенно в периферийных регионах Средней Азии и Кавказа перейдет и в советскую национальную и религиозную политику, вторая – все мусульмане без изъятия, по умолчанию, татары, это очень заметно в русской литературе, связанной с Кавказом, а впервые встречается в Русско-турецком Кючук-Кайнарджийского мирном договоре 1744 г., где турки названы татарской нацией. Стоит обратить внимание, что «романтизм с его учением о нации как личности и представлением об оригинальности отдельного человека или национального сознания как высшей ценности подготовил почву для типологии национальных культур. Традиция же соединения в русской литературе “польской” и “кавказской” (с ее метонимическими и метафорическими вариантами – “грузинская” и “крымская”) тем восходит к “Бахчисарайскому фонтану” Пушкина» [Лотман 1997, с. 605, 616]. У современников Кавказской войны часто проскакивают соображения о внутреннем единстве череды польских восстаний и войны на Кавказе.

В качестве единого национального пространства Кавказ, Средняя Азия и Россия стали восприниматься только евразийцами в 20-е гг. XX в. [Тольц 2013, с. 67]. Видимо, сегодня можно говорить о продолжении этого явления. Стратегия применения инструментов национального строительства с целью интеграции различных групп населения возникла в европейских материковых империях (Австро-Венгрия и Россия), после Первой мировой этот опыт заимствовала Франция [там же, с. 297]. Многие эксперты усматривали влияние России, а позднее СССР на некоторые аспекты колониальной политики Франции, в частности в Алжире, с другой стороны – именно алжирский сценарий был реализован позднее в Афганистане и Чечне.

Русские востоковеды начала XX в. особенно интересовались национальными меньшинствами, чье этнонациональное самосознание воспринималось как малоразвитое. Рост национального самосознания должен был бы укрепить единство Российского государства [там же, с. 81].

Проекты «малой родины», по мнению востоковедов, должны были способствовать развитию национального самосознания; типовые проекты включали в себя создание местных музеев, библиотек, охрану исторических памятников [там же, с. 247]. Все эти тенденции сохранили свою актуальность и в советский период, более того, они стали основой национальной культурной политики, о чем красноречиво повествует пропагандистский плакат 1920–1930-х гг. «Дискурсивный анализ плакатной живописи позволяет понять отношения знания, культуры и власти в обществе, роль в их воспроизводстве разных социальных слоев, особенности восприятия и отторжения официальной пропаганды» [Бобровников 2013б, с. 7]. Можно сказать, что академическая наука сыграла важную роль в формировании этнических образов и мифов в регионах, местные помощники, чьи результаты трудов беззастенчиво присваивались в столицах, на волне коренизации элит выбились во властителей дум и мифотворцев на местах.

Политику в регионах трудно назвать не последовательной: в тяжелые годы гражданской войны и в ожидании мировой революции советское правительство идет на сознательное или вынужденное сближение с реформаторским крылом исламского духовенства (джадидами). В некоторых регионах Средней Азии они оказали большую помощь в установлении советской власти. В первые годы в мусульманских регионах сохранялись мечети, медресе, шариатские суды.

Можно говорить даже о некотором мусульманском советском дискурсе, созданном джадидами. Правда, здесь есть несколько «но» одним из первых и едва ли не главным обстоятельством стало реформирование системы мусульманского образования, которое традиционно было построено по бухарской модели, с ярко выраженным персидским влиянием. То, что после завоевания Средней Азии Россией Бухара осталась номинально свободной, было прямым следствием той невероятно важной роли, которую играла Бухара в качестве религиозного и образовательного центра мусульманского мира. Джадиды по преимуществу обучались в Турции и вместе с желанием реформирования ислама оказались во власти пантюркистских идей, что для Средней Азии было очень актуально, и можно смело сказать, актуально до сих пор. Подавляющее большинство народов этого региона тюркоязычные, если прибавить сюда еще и тюркские народы Поволжья и Кавказа, выбор в сторону единого тюрки для агитации и пропаганды будет вполне очевиден. Как будто бы на волне общей судьбы тюркских, братских народов и облегчения доступа к образованию, а также, конечно, в ожидании мировой революции, проводится еще одна реформа – латинизация, перевод языков с арабской вязи на латиницу. Правды ради надо сказать, что латинизация предполагалась для всех языков, включая русский, если же говорить о тюрки, то он несколько отличался от того, что ввел Ататюрк в Турции. Тем не менее факт остается фактом, начиная с 1921 г. в кавказском регионе (Азербайджан и Северный Кавказ) проводится латинизация, укрепленная Постановлением ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР» от 7 августа 1929 г. Очевидно, что столь резкий переход на другую систему графики резко снизил уровень грамотности населения, спровоцировал разрыв поколений и начал отдалять людей от ислама, пока под видом реформ.

К концу 1920-х гг. все без исключения обряды и обычаи, имевшие хоть какую-либо связь с религией, были объявлены вредными пережитками и оказались под запретом. Утварь мечетей и мазаров уничтожалась или сдавалась в музей [Бобровников 2013б, с. 21]. В 1929 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». В мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов была принята новая редакция 4-й статьи Конституции РСФСР: вместо

«свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» признавалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». В 1932–1937 гг. проводится «безбожная пятилетка», ее лозунг озвучен руководителем «Союза воинствующих безбожников» Емельяном Ярославским: «забыть имя Бога в СССР к 1 мая 1937 года». Развернулось социалистическое соревнования по закрытию мечетей и медресе. Культовые постройки были подразделены по разрядам в 1928 г. Сооружения построенные:

- до 1613 г. – были объявлены неприкосновенными;
- в 1613–1725 гг. – «в случае особой необходимости» могли подвергаться изменениям;
- в 1725–1825 гг. – сохранялись только фасады;
- после 1825 г. – к памятникам не причислялись и государством не охранялись.

В коренных губерниях зафиксированы волнения на религиозной почве, за которыми последовала статья Сталина «Головокружение об успехах» (март 1930 г.), массовое закрытие храмов несколько замедлило темпы, но не прекратилось, как и гонение на религиозных деятелей всех конфессий. Как пережиток религия стала считаться уделом стариков. Число образованных мусульман резко сократилось.

Таким образом, можно фиксировать несколько моментов: во-первых, территории Кавказа и Средней Азии воспринимались носителями русской культуры через призму ориентализма; во-вторых, на этих территориях осуществлялась фактически колониальная политика в национальной и культурной сфере. В-третьих, можно фиксировать преемственность культурной политики Российской империи и СССР по отношению к мусульманским окраинам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
- Бобровиков В. О.* От дореволюционного Туркестана в советскую Среднюю Азию // Плакат советского Востока 1918–1940 : альбом-каталог. М. : Издательский дом Марджани, 2013. 313 с.
- Бобровиков В. О.* Язык советской пропаганды на мусульманском Востоке между двумя мировыми войнами (1918–1940) // Плакат советского Востока 1918–1940 : альбом-каталог. М. : Издательский дом Марджани, 2013. 313 с.
- Гордин Я. А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М. : Время, 2014. 512 с.

- Записка* Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусдуховенством», октябрь 1926 г. // Ислам и советское государство (1917–1936) : сборник документов. Вып. 2. М. : Издательский дом Марджани, 2010. 208 с.
- Куприн А. И.* Поединок // Собр. соч. : в 9 т. Т. 4. М. : Худ. лит.-ра, 1971. URL : az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_0150.shtml
- Левинсон А. Г.* «Кавказ» подо мною: Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага / сост. Л. Гудков ; ред. Н. Конрадова. М. : ОГИ, 2005. 334 с. URL : library.khpg.org/files/docs/1409672112.pdf
- Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992.
- Лотман Ю. М.* «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова // О русской литературе. СПб. : Искусство-СПб, 1997. 848 с.
- Лотман Ю. М.* Театр и театральность в строе русской культуры начала XIX в. // Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 1998. 704 с.
- Малахов В. С.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : НЛЮ, 2014. 232 с.
- Миллер А. И.* Нация. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
- Пастернак Б. Л.* Избранное. Ростов-н/Д : Феникс, 1996. 512 с.
- Пушкин А. С.* Герой. Стихотворение 1830 года. URL : pishi-stihi.ru/geroj-pushkin.html
- Родионова О. В.* Субкультура реформаторства в контексте культурно-динамических процессов : на материале русской истории первой трети XIX в. : дис. ... канд. культурологии. М., 2002. 201 с. URL : www.dissercat.com/content/subkultura-reformatorstva-v-kontekste-kulturno-dinamicheskikh-protsessov-na-materiale-russko
- Толстой Л. Н.* Собрание сочинений : в 12 т. Т. 2. М. : Правда, 1987.
- Тольц В. С.* Собственный Восток России. М. : НЛЮ, 2013. 336 с.
- Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 35–67 / пер. и комм. А. Ф. Филиппова.
- Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М. : ОГИ, 2005. 334 с. URL : library.khpg.org/files/docs/1409672112.pdf

УДК 215

Р. А. Силантьев

доктор исторических наук, профессор каф. мировой культуры
факультета гуманитарных наук МГЛУ; e-mail: rsilantiev@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЗАПРЕЩЕННЫХ В РОССИИ

В статье предпринимается попытка классификации запрещенных в России организаций – экстремистских и террористических. Автор статьи рассматривает их с позиции отношения к религии, принадлежности к определенной идеологии, происхождения, активности, уровню угрозы, географии и хронологии деятельности, численности последователей.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; ультраправые; секты; исламизм.

R. A. Silantiev

Doctor of Historical Sciences, Professor at the Depart. of World Culture,
Faculty of Humanities MSLU; e-mail: rsilantiev@mail.ru

TO THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF PROHIBITED IN RUSSIA ORGANIZATIONS

This article is an attempt of classification of prohibited in Russia organizations of extremist and terrorist. The author considers their position toward religion, ideology, origin, activity, level of threat, geography and chronology of the activities, the number of followers.

Key words: extremism; terrorism; ultra-right; sects; Islamism.

С 2003 г. в России стал формироваться «Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими» («Список») [Единый федеральный список ...], с 2004 г. – «Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности”» («Перечень») [Перечень ...]. В эти списки вошли все организации, которые к настоящему времени запрещены в России – по состоянию на 20 августа 2017 г. в них значились 62 экстремистские структуры и 27 террористических. Конечно, понятия «терроризм» и «экстремизм» существовали в российском законодательстве и раньше, однако

формирование «Списка» и «Перечня» позволило упорядочить работу в этой сфере.

«Список» регулярно пополняется Верховным, Московским городским и Московским окружным военным судами, а вот «Перечень» в основном формируется по решениям судов более низких инстанций. Включенные в них организации было бы интересно классифицировать по ряду признаков.

В первую очередь они очевидно делятся на экстремистские и террористические. При этом террористические организации можно считать подтипом экстремистских – все они имеют в своей деятельности такой аспект и многие из них прошли этап именно экстремистских организаций. Если террористические организации именуются такими по факту ведения террористической деятельности (205 статья УК РФ), то экстремистские имеют более разнообразный характер. Их деятельность обычно подпадает под две статьи УК РФ: 282 (возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе) и 239 (создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением; создание некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний) [Уголовный кодекс Российской Федерации].

Таким образом, экстремизм бывает внешний, т. е. направленный вовне организации и разжигающий рознь в отношении ее не-членов, и внутренний, когда практикуются противоправные действия в отношении именно членов организации. Часто в экстремистских структурах присутствуют оба вида экстремизма. Так, Свидетели Иеговы не только порождают ненависть в отношении инаковерующих, но и жестко регулируют жизнь своих адептов, ограничивая их в медицинской помощи, выборе работы, образования и исполнения гражданских обязанностей.

Запрещенные организации можно классифицировать по их базовым типам: российского или иностранного происхождения, религиозные или нерелигиозные. Из 27 террористических организаций 24 имеют религиозный характер, 3 – нерелигиозный, из 62 экстремистских организаций: религиозных – 29, нерелигиозных – 30 и 3 – Общероссийская политическая партия ВОЛЯ, «Меджлис крымско-татарского народа» и межрегиональное национал-радикальное объединение «Misanthropic division» – имеют смешанный характер. Таким образом, доля организаций с идеологией религиозного характера составляет 58–60 %.

По своему происхождению 5 террористических и 41 экстремистская организация имеют российский характер, что в сумме дает 52 %. Зарубежные организации, в свою очередь, подразделяются на ближневосточные («Аль-Каида», ИГИЛ, «Братья-мусульмане», «Хизбут-Тахрир», «Джебхат ан-Нусра», «Нурджулар» и др.), средневосточные («Лашкар-И-Тайба», «Таблиги джамаат» и др.) и дальневосточные (Аум Синрикё); среднеазиатские (Исламское движение Туркестана, «Орда»), западноевропейские («Blood and Honour» / «Combat18», «Misanthropic Division»), американские (свидетели Иеговы) и украинские («Правый сектор», УНА-УНСО, «Меджлис крымско-татарского народа»). Здесь следует отметить, что часть организаций российского генезиса сформировалась под влиянием зарубежной идеологии, с прямым участием иностранных идеологов (например, «Имарат Кавказ»), а в некоторых случаях они являются точными копиями заграничных структур. В первую очередь это касается структур «исламистской» и «скинхэдской» групп.

Классификация запрещенных организаций обоих типов по идеологии выглядит следующим образом:

Ультраправые организации (всего от 35 до 40 %)

1. Межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия».
2. Татарстанское, омское и рязанское отделения общероссийского патриотического движения «Русское национальное единство».
3. Международное общественное объединение «Национал-социалистическое общество» (НСО, НС).
4. Местная организация города Краснодара – «Пит Буль» («Pit Bull»).

5. Региональное общественное объединение «Национал-социалистическая рабочая партия России» (НСРПР).
6. Межрегиональное общественное движение «Славянский союз».
7. Межрегиональное общественное объединение «Формат-18» .
8. Межрегиональное общественное движение «Армия воли народа».
9. Межрегиональное объединение «Русский общенациональный союз».
10. Межрегиональная общественная организация «Движение против нелегальной иммиграции».
11. Международное объединение «Кровь и честь» («Blood and Honour» / «Combat18», V&H, BandH).
12. Приморская региональная правозащитная общественная организация «Союз славян».
13. Военно-патриотический клуб «Белый крест».
14. Организация – межрегиональное национал-радикальное объединение «Misanthropic division» (название на русском языке «Мизантропик дивижн»), оно же «Misanthropic Division», MD, оно же Md.
15. Межрегиональное общественное объединение – организация «Народная социальная инициатива» (другие названия: «Народная социалистическая инициатива», «Национальная социальная инициатива», «Национальная социалистическая инициатива») и ее подразделение в Череповце.
16. Общественное движение «TulaSkins».
17. Межрегиональное общественное объединение этнополитическое объединение «Русские».
18. Региональное общественное объединение «Русское национальное объединение «Атака».
19. Межрегиональное общественное объединение «Северное братство».
20. Автономная некоммерческая организация военно-патриотического воспитания молодежи «Рубеж Севера».
21. Кировская региональная общественная организация «Клуб болельщиков футбольного клуба “Динамо”-Киров».
22. Община Коренного Русского народа Астрахани и Община Коренного Русского народа Щелковского района Московской области.

23. Организация футбольных болельщиков «ТОЙС» (иные наименования Т.О.У.S, «The Opposition Young Supporters»).
24. Украинская организация «Правый сектор».
25. Украинская организация «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА – УНСО).
26. Украинская организация «Украинская повстанческая армия» (УПА).
27. Украинская организация «Тризуб им. Степана Бандеры».
28. Украинская организация «Братство».
29. Общественное объединение «Меджлис крымско-татарского народа».
30. «Синдикат «Автономная боевая террористическая организация» (АБТО)».
31. Террористическое сообщество – структурное подразделение организации «Правый сектор» на территории Республики Крым.

Такого рода структурам свойственны радикальный национализм и часто расизм, ксенофобия, пропаганда сепаратизма (отделение частей России), симпатии к нацистским взглядам и фашистской символике. Украинские и крымско-татарские организации отличает русофобия. У профашистских организаций сильны неоязыческие настроения, а у членов «Меджлиса крымско-татарского народа» – исламистские. Среди структур такого типа наиболее активны организации наци-скинхэдов и иных неофашистов, русских, украинских и крымско-татарских националистов, радикальных футбольных болельщиков [Кузьмин 2010; Старков 2013].

Организации агрессивных исламистов (от 30 до 34 %)

- *Террористические*

1. Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа.
2. Конгресс народов Ичкерии и Дагестана.
3. База («Аль-Каида»).
4. «Асбат аль-Ансар».
5. «Священная война» («Аль-Джихад», или «Египетский исламский джихад»).
6. Исламская группа («Аль-Гамаа аль-Исламия»).

7. «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»).
  8. Партия исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»).
  9. «Лашкар-И-Тайба».
  10. «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»).
  11. Движение «Талибан».
  12. Исламская партия Туркестана (бывшее «Исламское движение Узбекистана»).
  13. Общество социальных реформ («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»).
  14. Общество возрождения исламского наследия («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»).
  15. «Дом двух святынь» («Аль-Харамейн»).
  16. «Джунд аш-Шам» (Войско Великой Сирии).
  17. «Исламский джихад – Джамаат моджахедов».
  18. «Аль-Каида в странах исламского Магриба».
  19. «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»).
  20. Исламское государство (другие названия: Исламское Государство Ирака и Сирии, Исламское Государство Ирака и Леванта, Исламское Государство Ирака и Шама).
  21. «Джебхат ан-Нусра» («Фронт победы»); другие названия: «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам» («Фронт поддержки Великой Сирии»).
  22. «Аджр от Аллаха Субхану уа Тагьяля Шам».
  23. «Муджахеды джамаата ат-Тавхида валь-Джихад».
- *Экстремистские*
    1. Группа «Джамаат Мувахидов».
    2. Международное религиозное объединение «Ат-Такфир валь-Хиджра».
    3. «Объединенный Вилаят Кабарды, Балкарии и Карачая».
    4. Международное религиозное объединение «Нурджулар».
    5. Международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат».
    6. Религиозная группа молельный дом «Мечеть Мирмамед» (Самарская область).
    7. Местная религиозная организация «Мусульманская религиозная организация п. Боровский Тюменского района Тюменской области».

Среди исламистских организаций, которые в большинстве своем являются агрессивными сектами, можно выделить пять основных групп:

- 1) «классических» ваххабитов, именующих себя салафитами (приверженцами «саф ислама», или «чистого» ислама). Именно ваххабитами являются члены самых террористических организаций современности – ИГИЛ, «Аль-Каиды» и «Джебхат ан-Нусры»;
- 2) ихванов, или «Братьев-мусульман»;
- 3) хизбутов или хэтэшников (сторонников террористической партии «Хизбут-Тахрир»);
- 4) таблигитов, или таблигов (адептов экстремистской пакистанской секты «Таблиги джамаат»);
- 5) гюленитов и сунгуритов (группа «Нурджулар»).

Всех их отличает нетерпимое отношение к инакомыслящим и инаковерующим, стремление к созданию «шариатского» государства в той или иной форме (как правило, всемирного халифата), уверенность в том, что они ведут джихад против безбожной власти и склонность к силовым методам в миссионерской работе. Многие исламистские группы признали терроризм самым эффективным способом достижения поставленных целей. К другим особенностям исламистов следует отнести их нигилистическое отношение к адатам (доисламским обычаям) и светскому законодательству. Исламисты считают возможным отлучать от ислама (делать такфир) на основании уклонения от ежедневной пятикратной молитвы (намаза) или неучастия в джихаде. Нередко они объявляют «врагами ислама» вообще всех несогласных с ними мусульман. С особой враждебностью ваххабиты относятся к суфиям и шиитам, причем последних нередко называют шайтанской (сатанинской) сектой. Ваххабиты считают идолопоклонством почитание захоронений и ведут борьбу с ним. Среди исламистов особняком стоят гюлениты и сунгуриты, которые идеологии панисламизма предпочитают идеологию пантюркизма, в связи с чем имеют существенные различия с первыми четырьмя группами [Карта этнорелигиозных угроз].

Деструктивные секты (от 24 до 25 %)

- *Христианские*

1. Религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и более 300 ее региональных

подразделений, а также отдельными позициями таганрогская, самарская, абинская, староскольская, белгородская, элистинская, орловская и биробиджанская местные религиозные организации «Свидетелей Иеговы» (запрещены до Управленческого центра).

- *Мусульманские*
  1. Религиозное объединение «Орда».
  2. Религиозная группа «Файзрахманисты».
- *Неоязыческие*
  1. Местная религиозная организация «Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов» и четыре ее подразделения отдельными позициями.
  2. Религиозная группа Краснодарской Православной Славянской общины «ВЕК РА» (Ведической Культуры Российских Ариев) Скифской Веси Рассени.
  3. Межрегиональное общественное объединение «Духовно-Родовая Держава Русь» и ее отделение в Краснодарском крае отдельной позицией.
- *Сатанинские и оккультные*
  1. Религиозная группа «Благородный Орден Дьявола».
  2. Общероссийская политическая партия ВОЛЯ, ее региональные отделения и иные структурные подразделения.
  3. Общественное объединение Ахтубинское народное движение «К Богодержавию».
- *Буддийские*
  1. Международное религиозное объединение «Аум Синрикё» (AumShinrikyo, AUM, Aleph).

Вышеперечисленные организации часто именуется специалистами тоталитарными сектами, или деструктивными культурами, поскольку наносят серьезный урон психическому и физическому здоровью своих членов, ограничивают их права, совершают насилие над личностью и нередко разжигают рознь в отношении инаковерующих.

Разнообразие тоталитарных сект в России достаточно велико, однако в целом численность их адептов незначительна, за исключением Свидетелей Иеговы, насчитывающих в нашей стране 170 тыс. взрослых членов [Смирнова, Дворянчиков 2015].

- *Иные (около 1 %):*

1. Всероссийское общественное движение «Народное ополчение имени К. Минина и Д. Пожарского».

Данная особняком стоящая структура имела во многом уникальный и стихийный характер, будучи созданной отставным полковником ГРУ Владимиром Квачковым для вооруженного мятежа. Особой идеологии она не имела, хотя ее члены в целом тяготели к левым взглядам [Власов 2017].

Классификация запрещенных организаций по иным параметрам

- *По степени активности на территории Российской Федерации*

Представляющие угрозу

1. Высокоактивные – ИГИЛ, «Хизбут-Тахрир», «Таблиги-Джамаат», «Нурджулар», неоязыческие секты, Свидетели Иеговы.
2. Среднеактивные – «Меджлис крымско-татарского народа», «Правый сектор» и другие организации украинского происхождения.
3. Низкоактивные – «Братья-мусульмане», «Исламская партия Туркестана», «Талибан».

Не представляющие угрозы

4. Деградирующие (международное религиозное объединение «Аум Синрикё», движение «К Богодержавию», религиозное объединение «Орда»).
5. Исчезнувшие («Благородный Орден Дьявола», Религиозная группа «Файзрахманисты», Всероссийское общественное движение «Народное ополчение имени К. Минина и Д. Пожарского»).

- *По степени угрозы*

Степень угрозы национальной безопасности со стороны запрещенных в России организаций может варьироваться очень серьезно и находится в прямой связи от степени их активности. По состоянию на 2017 г. наибольшая террористическая угроза нашей стране исходит от ИГИЛ (в том числе и ее местного подразделения – Имарата Кавказ), на втором месте – Джебхат ан-Нусра и Аль-Каида, на третьем – Хизбут-Тахрир и украинские террористические организации. По уровню экстремистской угрозы первое место занимают секта «Таблиги Джамаат», Свидетели Иеговы, украинские экстремистские и российские профашистские организации, ультрарадикальные футбольные фанаты; второе место – группировки «русских сепаратистов», ксенофобов и скинхэдов, а также секты неоязычников, третье место – оккультные и сатанинские секты.

- *По географии и хронологии деятельности относительно России*

1. Осуществляют деятельность на территории РФ в текущий момент.
2. Ранее осуществляли деятельность на территории РФ.
3. Не осуществляли заметной деятельности на территории РФ.

Здесь интересно отметить, что все экстремистские организации подпадают под первые два пункта, а вот часть террористических относятся к третьему. Так, «Лашкар-И-Тайба», «Аль-Каида в странах исламского Магриба», «Аджр от Аллаха Субхану уа Тагьяля Шам», «Муджахеды джамаата ат-Тавхида валь-Джихад» и ряд других террористических организаций в России присутствовали минимально либо не присутствовали вообще.

- *По численности*

Численность запрещенных в России организаций варьируется в очень широких пределах. Она может исчисляться единицами членов («Мувахидунов джамаат»), десятками («Благородный Орден Дьявола», религиозная группа «Файзрахманисты»), сотнями (Движение против нелегальной иммиграции, Национал-большевистская партия), тысячами («Имарат Кавказ», Правый сектор, «Аум Синрикё»),

десятками тысяч («Аль-Каида»), сотнями тысяч («Талибан», «Джебхат ан-Нусра»), миллионами (Свидетели Иеговы, ИГИЛ, Международное религиозное объединение «Нурджулар») и даже десятками миллионов («Братья-мусульмане», «Таблиги джамаат»). Суммарная численность их последователей сопоставима с населением всей России.

Таким образом, наибольшую угрозу национальной безопасности России представляют религиозные по своему характеру организации зарубежного происхождения. Их доля среди террористических организаций приближается к 90 %, а среди террористических она практически равна 50 %. Отраженная в «Списке» и «Перечне» картина проецируется и на Федеральный список экстремистских материалов, в котором подавляющее большинство позиций занимают материалы исламистов, нацистов и неисламистских сектантов [Федеральный список экстремистских материалов].

В заключение хотелось бы отметить некоторые недостатки «Списка» и «Перечня»:

1. В «Списке» и «Перечне» сохранились локальные группы, прекратившие свою деятельность сразу после ликвидации («Мувахидунов джамаат», «Благородный Орден дьявола», Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа, «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»). Эта мера видится избыточной, поскольку их возрождение в прежнем виде принципиально невозможно.

2. В «Перечне» значатся отдельные подразделения запрещенных в целом организаций. Но если запрещена основная организация (Свидетели Иеговы, инглинги и т. д.), то вряд ли стоит оставлять в списках ее региональные подразделения.

3. В «Перечне» фигурируют две отдельные религиозные общины мусульман – тюменская и самарская. Их правомерно запретили за систематическую деструктивную пропаганду, однако вряд ли имело смысл ставить их в один ряд с крупными международными экстремистскими сектами типа «Таблиги Джамаата». Достаточно было их просто ликвидировать.

4. В «Списке» фигурируют малоизвестные в России террористические организации, которые на ее территории вели максимум разведку. В то же время в нем нет таких крупных и опасных структур как «Боко харам», «Аш-Шабаб», которые имеют все возможности, как минимум, атаковать граждан России за рубежом.

5. Было бы очень полезно снабдить и «Список», и «Перечень» ссылками на решения судов по каждой организации, а также составить их резюме. Это бы серьезно упростило работу с ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Власов А. В. К вопросу о запрещенных в России современных террористических организациях // Вестник Международного юридического института. 2017. № 1 (60). С. 157–162.

Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. URL : www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm

Карта этнорелигиозных угроз. Ч. 1. URL : interfax-religion.ru/?act=analysis&div=195.

Кузьмин А. Г. Ультраправые скинхеды в современной России: эволюция политической идеологии и практики // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 1. С. 143–178.

Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL : minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

Смирнова Н. С., Дворянчиков Н. В. Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет // Психология и право. 2015. № 2. С. 16–40.

Старков О. А. К вопросу о терминологии в исследовании феномена праворадикального движения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 2. С. 61–64.

Уголовный кодекс Российской Федерации.

Федеральный список экстремистских материалов. URL : minjust.ru/nko/fedspisok/%C2%BB. Режим доступа свободный.

УДК 179.9

В. А. Васильев

доктор философских наук, профессор;
профессор каф. философских наук МГЛУ; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

ФИЛОСОФЫ-СТОИКИ О ПРОБЛЕМЕ БЛАГА

В статье анализируются воззрения римских стоиков на важную философско-нравственную проблему «блага», которая отражает общественные отношения, сложившиеся традиции, нормы поведения, несет в себе ценностные ориентиры в достижении жизненных целей.

Ключевые слова: мораль; стоик; благо; зло; мужество; добродетель; порок; счастье.

V. A. Vasiliev

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor,
Department of Philosophy, MSLU; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

PHILOSOPHERS STOICOS ABOUT THE PROBLEM OF WELFARE

The article analyzes the views of antic philosophers on the important moral category of welfare. It reflects social relationships, established traditions, norms of behavior and contents a set of values with regard to reaching life purposes.

Key words: moral; stoic; welfare; evil; courage; virtue; vice; happiness.

Римская империя, покорившая ко II в. до н. э. многие народы, стала наследницей их многообразных культур. Значительное влияние на ее общественную жизнь оказала эллинская культура, что способствовало органическому синтезу греческой духовности и римского практицизма. Римская почва стала особенно благоприятной для учения стоиков, основными представителями которого являлись *Марк Туллий Цицерон* (106–43 гг. до н. э.), *Луций Анней Сенека* (4 год до н. э. – 65 год н. э.), *Эпиктет* (50–138 гг.), *Марк Аврелий* (121–180 гг.).

В философии стоиков можно выделить общие методические положения, характеризующие особенность их нравственного учения

о благе, которое противоположно пороку. Во-первых, их философия исходит из того, что всё в мире и во Вселенной подчинено строгой целесообразности, гармонии, разумному порядку. Во-вторых, человек часть космоса. Его деятельность определяется природной необходимостью, ее законами. В-третьих, стоицизм не только философские размышления, но и нравственно-психологические принципы нравственного воспитания, направленные на практическое действие.

Человеку, как и всем живым существам, свойственно стремление к самосохранению. Поэтому стоиками выдвигается принцип: «жить в согласии с природой», стойко переносить жизненные испытания. В этом состоит высшее благо. Так, с точки зрения Цицерона, природа возложила на человека как бы две роли. Одна из них – общая для всех нас, так как мы наделены разумом, который требует следовать природе, выполнять божественные и общественные законы. Однако разум сам по себе не благо, поскольку знания, замечает Цицерон, не всегда связаны с нравственностью. Они могут способствовать благу и пороку. Знание-мудрость позволяет отличить деяние доброе от безнравственного и использовать разум во благо. Отсюда известное положение Цицерона: «Никто из глупцов не может быть счастливым; нет мудреца, который был бы несчастен». Другая роль, возложенная на человека природой, состоит в том, чтобы следовать своей индивидуальности, знать свои возможности, выступать судьей своим поступкам. Всегда пользоваться благоразумно умом и словом, а то, что делаешь – делать осмотрительно, не причиняя зла себе и другим [Цицерон 1999].

Состояние души подразделяется римским стоиком на теоретическое и практическое. Первое связано с размышлениями, с поиском истины. К ним относятся мудрость и рассудительность, позволяющие приобщиться к природным и божественным законам. Второе побуждает человека к практической деятельности. Это такие нравственные качества, как мужество, умеренность, благопристойность и т. п. Поскольку достижение блага требует активного человеческого участия, рассуждает Цицерон, постольку в любом начинании надо соблюдать три правила: подчинять стремления души разуму, что способствует соблюдению человеком своих обязанностей; принимать во внимание важность данного поступка, чтобы не брать на себя забот и трудов больших или меньших, чем требует дело; соблюдать меру во всем том, что относится к нравственной оценке поступка.

Из трех правил, считал стоик, самое важное – подчинять свои устремления разуму для осуществления возможно лучших дел, а данные дела невозможны без соблюдения справедливости. Она состоит в том, чтобы служить общему благу, уважать людей и никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконными действиями. Справедливость нуждается в защите. Сражающаяся за справедливость доблесть является истинной храбростью. Знание чуждое справедливости надо называть хитростью, ибо в деянии присутствует злой умысел, корысть. Что в нравственном отношении справедливо, рассуждал стоик, оно в то же время и прекрасно, и полезно. Добрым деяниям противостоят пороки (страх, трусость, неумеренность, несправедливость и др.), среди которых самым отвратительным Цицерон считал алчность, особенно если она поражает государственных деятелей, призванных защищать общественное благо. Превратить «государство в источник для стяжания не только позорно, но даже преступно и нечестиво» [Цицерон 1999, с. 334].

Достижение блага рассматривалось Цицероном в стойком перенесении жизненных испытаний. Поскольку же в одиночестве достигать блага и быть счастливым трудно, а то и невозможно, то важной нравственной ценностью, по определению римского мыслителя, выступает солидарность людей, их духовно-нравственная расположенность друг к другу. Совместная жизнь учит нас искать помощи у людей. От рождения люди связаны между собой и отдают предпочтение тем, с кем у них более тесные отношения. Согражданам оказывается предпочтение перед чужеземцами, родственникам – перед людьми сторонними. Дружба между родственниками порождена самой природой, но эта дружба может быть не совсем прочная, если устранить из родственных связей взаимную доброжелательность. В этом случае родственные отношения останутся, но исчезнет дружба. Если же устранить доброжелательность из отношений между друзьями, то и дружба закончится. У нас существует потребность в дружбе, в другой личности, схожей с нами в нравственном отношении; ведь истинный друг – как бы «второе я». В дружбе нет ничего притворного, а всё искренне и добровольно исходит из душевной склонности. Дружба возможна только между честными людьми. Ведь честному человеку свойственно избегать всего поддельного, притворного и не быть подозрительным. Поэтому честные люди стремятся к честным, близким им по нравственной

природе людям. Дружба помогает нам быть стойкими в искушениях и соблазнах, в скорбные и трагичные минуты жизни. «Итак, в дружбе должен быть незыблемым закон – не просить друга о бесчестных действиях и самому таковых не совершать, уступая его просьбам; ибо позорно и никак не приемлемо оправдание, относящееся как к другим поступкам, так и к случаю, если кто-нибудь сознается в действиях во вред государству совершенных ради друга» [Цицерон 1999, с. 235].

Стоик Сенека подразделяет блага на низшие – случайные, чувственно-материальные и высшие – духовные. Первые – временные и преходящие. Даже богатство, с точки зрения Луция, не является благом. Будь оно таковым, облагораживало бы людей. Впрочем, он признает, что обладание богатством допустимо и что оно полезно, ибо предоставляет в жизни большие преимущества. Однако у глупца оно играет господствующую роль, а у мудреца – служебную, позволяя ему духовно развиваться и быть щедрым. Высшее же благо заключается в душе, в способности господствовать над чувственными наслаждениями, презирать случайные блага и превратности судьбы. Сенека во внутреннем мире личности видит истинное благо. Блаженную жизнь создает дух свободный, высокий, неустрашимый, непоколебимый, дух без всякого страха. Для него благо – совершенный разум. Призови его к самой высокой цели, чтобы он дорос до нее, насколько может, и тем самым позволит избежать зло – бесчестье, порочность [Сенека 1999].

Сенека связывает понимание блага с естественным желанием человека быть счастливым. Только нравственный человек, живя соответственно с природой вещей, стойко перенося свою судьбу, может быть счастливым. Жизнь счастливая возможна, если человек постоянно обладает здравым умом; если дух его мужествен и энергичен, благороден, вынослив и подготовлен ко всяким обстоятельствам. При этом человек не впадает в тревожную мнительность, умеет пользоваться дарами судьбы, не делаясь их рабом. Поэтому, считал Сенека, каждый несчастен настолько, насколько полагает себя несчастным. Само же несчастье выступает необходимостью для совершенствования человеческого духа. Оно обязывает мужественно и разумно переносить жизненные невзгоды.

Благо дарует счастье, которое, по мнению Сенеки, проявляется во взаимоотношениях между людьми. Общительность лежит в основе

человеческого общества. Стоит устранить общительность, и разорвется единство человеческого рода, поскольку природа родила нас братьями. Она вложила в нас взаимную любовь, установила, что есть нравственно и справедливо. Человек не только нуждается в заботе со стороны близких, но и сам должен проникнуться состраданием и любовью к себе подобным. Творить людям благо есть свойство нравственной души, считал стоик. Наша деятельность в данном случае заключается в оказании благодеяний безо всякого расчета на их обратное возвращение. Добрый человек не записывает благодеяний в долговую книгу и не напоминает о них. Благодеяние заключается в душе человека, которая извлекает наслаждение из своего дара. По сей причине важно не только то, что делают или что дают, но то, с каким расположением духа это совершается. Люди добродетельные бывают благочестивыми даже и в том случае, когда их приношение состоит из одних зерен и похлебки; злые, наоборот, не оставляют нечестия, хотя бы и приносили обильные жертвы на алтарь. Нравственная устремленность на достижение добра (добродетель), отмечает Сенека, является началом всех благ, служит источником того, что люди так любят и к чему стремятся. Это непобедимая сила души, опытная в делах, спокойная в действии, с большим человеколюбием и заботливостью к ближним.

Сенека не соглашается с эпикурейцами, находя в их учении прославление удовольствий, что пагубно влияет на нравы людей. Примыкающие к их школе, благодаря ее заманчивому девизу, стремятся не к тем удовольствиям, к которым их призывал Эпикур, а к праздности и распутству. Благородные принципы учения античного философа остаются ими незамеченными, а соблазнительная часть бросается в глаза. Стремление человека к удовольствиям отвечает его природе, но не удовольствия приводят к благу, а высокая нравственность должна руководить удовольствиями, совершать благо и делать человека счастливым. Поэтому не вполне справедливо эпикурейцы связывают удовольствие с добром. Неумеренное удовольствие вредно; надо опасаться неумеренности, так как в ней самой заключается отсутствие чувства меры. А то, что страдает от собственной величины, не есть добро.

Стоик, римский император *Марк Аврелий* увязывает благо, с одной стороны, с божественной разумностью человеческой души,

с другой – с земными потребностями. Он, так же как все стоики, придерживался положения о мировой гармонии, в которой господствует божественный разум. В природе – постоянный круговорот, а жизнь есть бесконечное повторение. Отсюда его известный афоризм: «Тот, кто видел сегодняшний день, видел вечность». Аврелий рассматривал человека как часть природы, состоящую из тела, жизненной силы и духа. Телу принадлежат ощущения, жизненной силе – стремления, духу – разумные и добрые помыслы, деяния. Способностью получать впечатления обладают и животные, стремления проявляются бурно и в диких зверях, и в тиранах. Первые две принадлежат человеку постольку, поскольку ему надо о них заботиться, считал стоик. Дух же действительно принадлежит человеку, это его собственное Я. Для человеческой души две особенности общи с божественной душой. Во-первых, ничто чуждое душе не может оказаться для нее препятствием. Во-вторых, душа может полагать свое благо в праведном настроении и действии и ими ограничить свое стремление. «Чувством или разумом постигается благо?» – вопрошает Аврелий. И отвечает: «Ясно, что лишь разум властен выносить приговор о жизни, добродетели, о честности, а значит, и о благе и зле» [Аврелий 1999, с. 619] .

Если же духовное начало у всех людей общее, рассуждал римский философ, то общим будет и разум, повелевающий, что делать и чего не делать; если это действительно так, то мы все причастны к единому сообществу и созданы для совместной деятельности. Поэтому противодействовать друг другу – противно природе. Отношения между людьми должны быть гармоничны и справедливы, направленные к общему благу. Тем самым следует жить в согласии с человеческой природой и с самим собой, заниматься общепользуемой деятельностью и быть настоящим гражданином. Идеалом же для римского стоика выступает такой человек, который мудро и мужественно предан интересам государства.

Душевная гармония, спокойствие духа, считал Аврелий, характеризуется благоразумием и благожелательностью, сердечностью и скромностью, мужеством и щедростью, честностью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. Человек, преданный добру и справедливости, воздает каждому по его достоинству. Он обладает мягким и уравновешенным характером; простым образом жизни, далеким от всякой роскоши; запасом терпения в отношении к

людям невежественным; воздержанием от упреков и обидных замечаний по адресу людей, обмолвившихся каким-либо неблагозвучным выражением. Нравственный человек отличается немногими потребностями и пренебрежением к наслаждениям; чистосердечием, отсутствием пустословия и высокомерия, довольствуется своей судьбой.

Фригийский раб *Эпиктет*, впоследствии отпущенный на свободу, излагал свои взгляды о благе не книжной мудростью, а в непосредственном общении с людьми. В этом ему виделась возможность оказывать нравственное влияние на слушателей. Его понимание блага опирается на признание божественного творца природы и человека. Тело человека имеет общность с животными, а душа – общность с богом. Тело смертно и как все материальное, вещественное находится вне нашей власти, ибо может подвергаться насилию или быть отнято. Оно подчинено природному закону: не только люди, но все живые существа на земле подвергаются изменениям, переходят из одного состояния в другое. Кто старается вникнуть в этот порядок, тот придет к убеждению, что необходимо жить по законам природы.

По своей благодати Бог дал нам волю и частицу своего разума, т. е. нашу душу, считал фригийский мудрец. Она является собственностью человека, ее никто у него не может отнять. Это есть истинное благо. В душе человека заключается и добро, и зло. Бог даровал нам способность стремиться к добру и избегать зла, вселил свободное разумение. Разум требует желать только того, что достижимо, подчиняться тому, что не от тебя зависит, улучшать в себе то, что зависит только от тебя. Разумному человеку если и случается беспокоиться и печалиться, то только о том, что касается его собственных мыслей, желаний и поступков. Человек неразумный, вместо того чтобы разумом освещать и направлять свою жизнь, наваливает на себя множество посторонних забот. Один заботится о здоровье своего тела и дрожит при одной только мысли заболеть; другой мучает себя заботами о своем богатстве; третий волнуется об участи своих детей, о делах своего брата, об имуществе. Всё это не принадлежит тебе, и всем этим заботам, советует мудрец, следует дорожить настолько, насколько требует разум, чтобы не потерять свою истинную сущность. Ведь лошадь, рассуждает Эпиктет, спасается от врага своим быстрым бегом, и она несчастна не тогда, когда не может петь петухом, а тогда, когда потеряла то, что ей дано, – свой быстрый бег. Собака имеет чутые; когда

она лишается того, что ей дано – своего чутья, – то она несчастна, а не тогда, когда она не может летать. Точно так же и человек становится несчастным не тогда, когда он не может осилить медведя или льва, или злых людей, а тогда, когда он теряет то, что ему дано, – это доброту и рассудительность. По Эпикету, не то жалко, что человек лишился своих денег, имущества: все это ему не принадлежит. Намного важнее потерять вещественных потери духовные: теряются и чистые помыслы, и хорошие желания, и доброе поведение. Человек перестает любить добро и правду. Такой человек воистину несчастный и достоин сожаления. Он теряет свою истинную собственность – свое человеческое достоинство [Эпикет 1999].

Рассуждая о благе, стоик затрагивает важную философско-этическую проблему о свободе человека. С его точки зрения, для человека самое большое благо есть его свобода, а свободный человек не может быть несчастным. Если же он страдает, ропщет на свою судьбу – это означает, что он непременно кем-нибудь или чем-нибудь поработен. Если же он унижается перед другими, льстит им, то он добивается каких-либо благ и не свободен.

Что же такое свободная жизнь и как ей научиться? На это римский мудрец отвечает: «Когда ты выучишься и привыкнешь отличать то, что твое, от того, что не твое; то, чего можно достигнуть, от того, чего нельзя достигнуть; когда поймешь, что для тебя важно только твое, а остальное – пустяки; когда будешь желать только того, что от тебя зависит, – тогда ничто не будет страшным для тебя» [там же, с. 660]. Можно заковать твои ноги и руки в кандалы, но невозможно это сделать с твоим разумом, волей, ибо никто, кроме тебя, не в силах ими распорядиться. Никто не будет властен над тем, что твое собственное, а в нем только и заключается добро и зло. Никто не сможет отнять у тебя твое и невозможно будет остановить тебя в твоих добрых побуждениях. Тем самым Эпикет говорит о возможности внутренней свободы человеческой души, которую невозможно отнять и которая позволяет человеку сделать достойный выбор своего поступка.

С точки зрения стоиков, задача философии заключается в познании человеческой природы, смысла жизни. Этим она может найти путь к благу, содействовать гармонии тела и души с ее лучшими нравственными качествами, а людям стать более счастливыми, добродетельными гражданами, полезными своему государству. Тем самым

стойками выдвигается важная проблема – воспитание высоких нравственных принципов совместного общежития. Рассматривая воспитательную роль нравственной философии, Сенека пишет, что наши предки жаловались, и мы жалуемся, да и потомки будут жаловаться на то, что нравы развращены, что царит зло, что люди становятся всё хуже и безнравственнее. Во все времена пороки остаются теми же и будут оставаться, подвергаясь только незначительному изменению, подобно тому, как море далеко разливается во время отлива, а при приливе снова возвращается в берега. Человек от рождения, считал Сенека, не наделен добрыми качествами. Стремление к добру связана с благоразумием, которому необходимо учиться, в противном случае в душе укрепятся пороки. Поэтому невозможно представить достижения блага без воспитания необходимых душевных сил, которые в одних случаях могли бы поощрить человека, а в других – его сдерживать. Как спускающемуся с возвышенности приходится сдерживать себя, а поднимающемуся – подталкивать, так и нравственные качества бывают частью «нисходящими», а частью «восходящими». Например, терпение, мужество, стойкость и иная добродетель, преодолевающая трудности и покоряющая судьбу, требует от человека подъема духа, волевых усилий. С другой стороны, щедрость, умеренность и кротость имеют перед собой покатый путь, где нужно сдерживать увлечения души [Сенека 1999].

Для противостояния порокам следует закалять волю, а добродетельной жизни учиться. Науки, лишённые морального содержания, например, геометрия, грамматика и другие, говорил Сенека, не научают добропорядочности. Однако они могут подготовить душу к ее восприятию, т. е. содействовать нравственному воспитанию, которому служит философия. Если хочешь освободиться от пороков, советовал мудрец, старайся сторониться порочных людей. Уходи от скупцов, развратителей, жестоких людей к лучшим и разумным, которые своим примером и советом помогут достичь блага.

Сам Сенека не являлся примером добродетельной жизни и часто подвергался осуждению со стороны своих соотечественников. В трактате «О счастливой жизни» он отмечает: «Меня упрекают в том, что моя жизнь не согласна с моим учением. В этом укоряли и Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том, как они сами живут, а как следует жить» [там же, с. 562–563]. Поэтому и я,

подчеркивал Сенека, говорю не о себе, а о добрых помыслах и, выступая против пороков, имею в виду прежде всего свои собственные. И если философы не всегда выполняют то, к чему призывают других, то всё-таки приносят большую пользу тем, что они рассуждают и намечают нравственные идеалы. Философия, по его разумению, должна служить осуществлению счастья, укреплять дух, указывать на то, что необходимо делать и чего нужно избегать.

Для достижения блага, счастья, спокойствия души, считал Эпиктет, требуется воспитание, ибо всякая привычка от упражнений усиливается и укрепляется. Ведь чтобы выучиться хорошо читать, нужно много читать, чтобы быстро бегать – надо много бегать. То же самое бывает и со способностями нашей души. Когда человек сердится, то усиливает в себе привычку к гневу. А потому, если он не хочет приучать себя к гневу, то всячески должен сдерживать свой гнев и не давать привычке нарастать. Не принимать в свою душу такие пороки, как нетерпеливость и невоздержанность. Кто запечатлел в своем сердце два этих слова и помнит их, чтобы управлять и владеть собою, – тот редко впадает в ошибку и проживет вполне счастливо. В борьбе с соблазнительными помыслами, советовал мудрец, бывает полезно искать общество людей более добродетельных, чем ты сам, или вспоминать и читать поучения мудрых людей, живших прежде тебя. Обращаясь к философии, советовал Эпиктет. Как медицина врачует тело, так и философия совершенствует душу. Она прививает лучшие нравственные нормы общежития, чтобы люди находились в согласии с природой. Получивший нравственное воспитание человек, считал мудрец, является самым прекрасным творением, ибо приучил себя к внутренней борьбе со своими порочными помыслами и своими праведными делами учит людей добру.

С точки зрения Аврелия, нравственные качества не даны человеку от рождения. Здесь важная роль принадлежит воспитанию. Чтобы стать добропорядочным человеком, необходимо помнить и исполнять следующие правила: отдавать себе отчет, во-первых, в том, каково твое отношение к людям, ибо они рождены друг для друга; во-вторых, не следует сердиться на людей, если они поступают правильно; если же они не правы, то, вероятно, деяние совершается против их воли или по неведению; в-третьих, в том, что ты и сам во многом заблуждаешься и подобен им; если же не впал в какие-нибудь заблуждения,

то не чужд порождающим их склонностям; в-четвертых, в том, что ты даже не уверен, заблуждаются ли они. Ведь чужая душа – потемки. И вообще многому следует поучиться, прежде чем с уверенностью высказываться о чужих поступках; в-пятых, в том, что предаваться чрезмерной досаде или негодованию – значит забыть о мимолетности человеческой жизни; в-шестых, в том, чтобы поскорее освободиться от суждения об этих поступках как о чем-то ужасном, тогда и гнева не будет; в-седьмых, в том, насколько последствия гнева и огорчения по поводу чего-либо более тягостны, нежели то деяние, что вызывает гнев и огорчение; в-восьмых, в том, что благожелательность, если она искренняя, а не напускная, есть нечто неодолимое; в-девятых, в том, что требование, чтобы дурные люди не заблуждались, – безумно, ибо означает стремление к невозможному [Аврелий 1999, с. 795–796]. Помня об этих правилах, следует в равной мере избегать как гнева, так и лести в отношениях к людям: и то и другое противно и приносит вред. В приступе гнева никогда не забывай, что ярость не свидетельствует о мужестве, а, наоборот, кротость и мягкость и более человеческие, и более достойные. Как огорчение, так и гнев обличают бессилие. Для достижения блага, считает Аврелий, необходимо исправлять и образовывать характер, быть чуждым суетливости, бездеятельности, лицемерию. Формируя в себе лучшие нравственные качества, советовал римский стоик, думай о людях, с которыми ты живешь. Одни отличаются деловитостью, другие – скромностью, третьи – щедростью. Поэтому всегда имей их перед глазами. Усвой также, что честолюбец видит свое благо в чужом действии, а разумный человек – в своей деятельности.

Итак, в учениях римских философов, стоик – это человек с твердым характером, мужественно переносящий жизненные испытания. Благо рассматривалось как нечто полезное для тела и души. Оно соответствует добродетельной жизни, которая измеряется не своей продолжительностью, а добрыми поступками. Не только миропонимание, но и вся философия римских мыслителей приобретала преимущественно этический характер. Она не предъявляла к человеку нравственно преувеличенных норм поведения, не требовала от него ухода от жизненных бурь в разгул чувственных наслаждений, а возвеличивала деятельную стойкость души, добросовестность исполнения гражданами своих обязанностей. Стоики подчеркивали, что

нравственный человек всю свою жизнь заботится о том, чтобы не дать своей душе опуститься до состояния, недостойного разума.

Обращая особое внимание на внутренний мир человека, ими подчеркивалась свобода нравственного выбора и ответственность за него. Идеалом человека являлась мудрость, которая бы терпеливо и сдержанно контролировала чувства, способствовала душевному спокойствию, достижению счастья. Римские стоики уделяли важное внимание воспитанию лучших нравственных качеств, ибо без постоянной работы над собой в душу могут проникнуть низменные страсти, которые овладеют человеком. Индивидуальное благо не противопоставлялось общему благу, что делало этические положения стоиков доступными для различных социальных слоев.

Нравственный стоицизм включал в себя общечеловеческие ценности и оказал заметное влияние на представителей зарождающейся христианской философии, а также мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени. Нравственно-психологические идеи стоиков о мужественном восприятии сложных ситуаций, и нахождении в себе духовной стойкости их преодолений звучат современно в наше время с его глобальными противоречиво-драматическими процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврелий М.* Наедине с собой // Древнеримская философия. От Эпиктета до Марка Аврелия. Харьков : Фалио, 1999. 830 с.
- Сенека.* Нравственные письма к Луцилию // Древнеримская философия. От Эпиктета до Марка Аврелия. Харьков : Фалио, 1999. 830 с.
- Цицерон.* О дружбе. Об обязанностях // Древнеримская философия. От Эпиктета до Марка Аврелия. Харьков : Фалио, 1999. 830 с.
- Эпиктет.* В чем наше благо? // Древнеримская философия. От Эпиктета до Марка Аврелия. Харьков : Фалио, 1999. 830 с.

УДК 130.2

Д. А. Прокудина

кандидат социологических наук; кафедра истории и теории мировой культуры, философский факультет, научный сотрудник, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; e-mail: info@philos.msu.ru

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МУЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ

В статье рассматриваются вопросы формирования университетских музеев, дается их классификация по уровням развития, определяется круг наиболее острых проблем, которые перед ними стоят. Отмечается, что развитие университетского образования и музейного дела всегда были тесно взаимосвязаны. Первые университетские музеи, созданные силами меценатов и ученых, а также при деятельном участии государства, не только способствовали повышению эффективности образовательного процесса и исследовательской работы в университетах, но и, становясь публичными, служили делу просвещения населения. Характеризуя нынешнее состояние университетских музеев и коллекций, подчеркивается, что у России имеется огромный ресурс музейных собраний, но многие из них закрыты для широкой публики. Кроме того, экспозиции университетских музеев часто не соответствуют качественному уровню, который удовлетворил бы запросы и требования современного посетителя. Их финансирование осуществляется по остаточному принципу, в том числе и в связи с недооцениванием их потенциала для развития вуза. В статье отмечается, что подобная ситуация характерна для университетских музеев во всем мире. В целях комплексного анализа состояния современных университетских музеев и коллекций дается характеристика четырем форматам, в которых они существуют на сегодняшний день. Особое внимание уделено потенциалу университетского музея в контексте просвещения и популяризации науки, а также развития территории и улучшения качества жизни населения. Отмечается, что публичный университетский музей может содействовать формированию позитивного образа университета, популяризировать его, а также способствовать привлечению абитуриентов на платные программы. В статье очерчивается круг актуальных задач, требующих решения, а также анализируется успешный зарубежный опыт. На примере деятельности Музея Института технологии моды колледжа Государственного университета штата Нью-Йорк демонстрируется как университетский музей может стать своего рода эффективной «витриной» колледжа, обращенной к широкой общественности, что существенно помогает ему в решении насущных проблем.

Ключевые слова: музей; университетский музей; университетская коллекция; университет; проблемы университетских музеев; потенциал университетских музеев; популяризация науки; Музей Института технологии моды.

D. A. Prokudina

PhD in Sociological sciences; the History and Theory
of World Culture Department, Faculty of Philosophy, research scientist,
Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@philos.msu.ru

UNIVERSITY MUSEUM IN THE MODERN SOCIETY: OPPORTUNITIES, PROBLEMS, CHALLENGES

The article is devoted to analysis of the questions of formation of university museums. It is given their classification according to levels of development and are determined most acute problems they have. It is noted that the development of university education and museums are closely interrelated. First university museums, created by philanthropists and scientists, but also with the active participation of governments, not only enhanced the effectiveness of the educational process and research work at universities, but, in case of becoming public, served the cause of public education. Describing the current situation of university museums and collections, it is emphasized that Russia has a huge resource in this regard, but many of them are closed to public. In addition, expositions of university museums often do not match the level of quality that would satisfy the needs and requirements of the modern visitor. Their financing is carried out on a residual basis in connection with the underestimation of their potential for the development of the university. The article notes that this situation is typical for universities all over the world. In order to comprehensively analyze the state of contemporary university museums and collections are given characteristics of the four formats in which they exist today. Special attention is paid to the characterization of the potential of university museums in the context of education and popularization of science and the development of the territory and improving the quality of life of the population. It is also noted that public university museums can contribute to a positive image of the university, to promote it and, in particular, to attract students to paid programs. The article outlines the actual problems that require solutions, and also analyzes the successful foreign experience. The example of The Museum at Fashion Institute of Technology, The State University of New York, demonstrates how the university museum became a kind of spectacular "showcase" of the college, addressed to the general public, which greatly helps him in solving current problems.

Key words: museum; university museum; university collection; university; problems of university museums; potential of university museums; popularization of science; The Museum at FIT.

Развитие университетского образования и музейного дела тесно взаимосвязаны. Для обучения и исследований в университетах всегда использовали различные инструменты и оборудование, биологические образцы, артефакты, из которых постепенно естественным образом формировалось собрание.

Историки музейного дела относят появление университетских ботанических садов и прообразов современных музеев к концу XVI в. В 1590 г. в университетах Падуи и Пизы, а в 1599 г. – Лейдена разбиваются первые ботанические сады, в которых выращиваются растения для использования в образовательном процессе. Приблизительно в то же время при университетах Падуи и Лейдена открываются анатомические театры, в которых экспонируются анатомические образцы, восковые модели, зоологический материал, различного рода древности [Литвина 2005].

Вывести университетские собрания из разряда вспомогательного методического материала на качественно новый уровень позволила практика меценатства. Английский коллекционер Элиас Эшмол был убежден в том, что знания о природе необходимы для жизни и здоровья людей и желал внести свой вклад в развитие науки и просвещения. Он передал в дар Оксфордскому университету свое обширное собрание книг, рукописей, монет, медалей и других предметов старины, а также знаменитую коллекцию «Редкостей», собранную семьей Традескант. Благодаря этому в 1683 г. в Оксфорде был открыт Музей Эшмола (Ashmolean Museum), старейший общедоступный музей в Великобритании и первый университетский музей. В нем была представлена как коллекция Э. Эшмола, так и предметы из университетского собрания [History of the Ashmolean...; The story of the world's first public museum...].

В Российской империи практика меценатства также способствовала формированию университетских музеев. 18 февраля 1755 г., практически сразу же после основания Императорского Московского университета 12 января 1755 г., уральские промышленники Демидовы в газете «Санкт-Петербургские ведомости» заявили о намерении передать в дар университету минералогическую коллекцию (6 тыс. образцов). К формированию этого собрания А. Н. Демидов приступил еще в начале 1740-х гг., обучаясь в Европе «горному делу», когда он приобрел у известного фрейбергского минералога И. Ф. Генкеля коллекцию предметов натуральной истории – «Кабинет Генкеля», которая впоследствии была существенно расширена стараниями семьи Демидовых. На базе этой коллекции в 1791 г. был открыт первый в России университетский музей – Музей естественной истории Московского университета, который в 1805 г. стал публичным и ныне известен как

Зоологический музей МГУ им. М. В. Ломоносова [Бессуднова 2005; Павлинов 2016; История. Научно-исследовательский...].

Упомянутые выше первые университетские музеи, как и многие другие, созданные позднее силами меценатов и ученых, а также при деятельном участии государства, не только способствовали повышению эффективности образовательного процесса и исследовательской работы в университетах, но и, становясь публичными, служили делу просвещения населения.

Каково же состояние университетских музеев сегодня? Лучше всего об этом можно судить по выступлениям на конференции «Музеи и коллекции университетов – универсальное наследие», проходившей в СПбГУ в декабре 2016 г. в рамках V Санкт-Петербургского международного культурного форума.

Как справедливо отметил ректор СПбГУ Н. М. Кропачев, у России огромный ресурс музейных собраний. Он подчеркнул, что, например, СПбГУ располагает многочисленными коллекциями, которые должны быть открыты всему городу, всему миру. Ректор отметил, что «перед нами стоит ряд задач, а именно – грамотно решить вопрос доступа всех желающих в музеи и взаимосвязанный с ним вопрос придания этим коллекциям музейного статуса» [Доступ к университетским музеям... 2016].

Действительно, многие университетские музеи и коллекции закрыты для широкой публики, и «уникальные экспонаты видят лишь десятки или сотни человек в год» [Доступ к университетским музеям... 2016].

Это проблема крайне важная, но она далеко не единственная. На сегодняшний день многие университетские музеи, обладая ценным фондом, не располагают экспозицией, которая привлекла бы современного посетителя. Главная причина такого положения дел – недооценивание руководством университетов их потенциала для развития вузов. Финансирование музеев осуществляется по остаточному принципу. Как отмечают музейные работники, современные университеты развиваются высокими темпами, все шире используя высокотехнологичные средства коммуникации, а их музеи при этом часто остаются «островком стабильности», где история хранится в законсервированном виде [Руководители университетских музеев... 2016]. Прежде чем стать открытыми для широкой публики, такие музеи должны быть существенно преобразованы.

Будет справедливым отметить, что подобная ситуация характерна не только для России. Президент Международного комитета университетских музеев и коллекций (UMAC), созданного в 2001 г. в структуре Международного совета музеев (ICOM), Марта Лоуренсо (Marta C. Lourenço) отмечает, что в конце 1980-х и 1990-е гг. многие университетские музеи столкнулись с тем, что, с одной стороны, у них были слабые позиции в структуре своих университетов, с другой – их не признавали в музейной среде и культурном секторе. Остро встали проблемы ограниченности финансовых и человеческих ресурсов, поиска современных методов преподавания и исследования, а также обеспечения публичного доступа в них. Такая кризисная ситуация привела к тому, что некоторые музеи были закрыты. Музейная общественность попыталась предпринять меры по преодолению этой ситуации, в том числе путем создания Международного комитета университетских музеев и коллекций (UMAC) [Message from the President... 2017].

В целях комплексного анализа состояния современных университетских музеев и коллекций выделим четыре формата, в которых они существуют на сегодняшний день: *первый* – это университетская коллекция, которая не оформлена в полноценную экспозицию; *второй* – своего рода прообраз музея. Он используется исключительно для обеспечения учебного процесса и научных исследований. В нем обычно уже присутствует системная расстановка экспонатов, витрины, пояснительные тексты, но они рассчитаны только на внутреннее пользование людьми, профессионально разбирающимися в данной тематике. Экспозиция не адаптирована для более широкой аудитории; *третий* – музей, открытый для студентов и сотрудников университета, гостей, делегаций; *четвертый* – публичный университетский музей.

Обратимся к вопросу о том, какую пользу университету и обществу могут принести музеи третьего и четвертого форматов, а также какие задачи в таком случае перед ним и встают.

Открытие музеев для всего университета представляется особенно значимым в целях развития у студентов общенаучного кругозора. Как отмечает ректор МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Садовничий, «именно сейчас современное общество как никогда нуждается не в узких специалистах, а в людях, видящих научные процессы в целом и способных к междисциплинарному синтезу» [Межфакультетские курсы ... 2013]. Примером реализации такого рода проекта может

служить практика межфакультетских курсов, введенная в Московском университете с 2013 г.

У университетского музея третьего формата большие возможности в реализации обозначенных задач, но при условии, если он предлагает посетителям современную и качественную экспозицию, рассчитанную на широкую аудиторию. Ее создание требует финансовых вложений, на которые, к сожалению, многие университеты сегодня не идут. По сути, они открывают коллекции второго формата, которые не адаптированы для широкой аудитории, технически не оснащены, и, как следствие, не могут способствовать популяризации науки, а скорее производят противоположный эффект.

Важнейшая задача, которую могут выполнять публичные музеи четвертого формата, – просвещение и популяризация науки. Как замечает ректор Московского университета В. А. Садовничий: «Значительная часть общества часто не сопоставляет те блага, удобства и тот прогресс, который мы наблюдаем, с тем, что это все сделано благодаря научным открытиям. Многие не понимают, что в основе развития общества всегда лежала наука. Наука должна быть открытой и понятной. Ученые должны показывать и рассказывать обществу, зачем нужна их деятельность» [Успешным можно быть не только в бизнесе ... 2016].

Публичный университетский музей может также внести существенный вклад в развитие региона, в котором он находится. Так, в принятой на 38-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО «Рекомендации об охране и популяризации музеев и коллекций, их разнообразия и их роли в обществе» уделяется особое внимание экономическому потенциалу музея для развития региона. В документе отмечается, что сегодня становится особенно значимым участие музеев в развитии туристического сектора экономики и в реализации проектов, способствующих повышению качества жизни населения [Рекомендация об охране и популяризации ... 2015].

Для российских городов, в которых музеи немногочисленны, преобразование университетских музеев в публичные могло бы стать крайне полезным. Как, например, отметил М. Б. Гнедовский, ведущий аналитик Московского центра музейного развития, музейный потенциал университета г. Томска «в разы превосходит потенциал городских музеев. Но проблема заключается в том, что эти музеи абсолютно закрыты, в силу технических обстоятельств город этих музеев не видит» [Доступ к университетским музеям ... 2016].

И, наконец, публичный университетский музей может содействовать формированию позитивного образа университета, популяризировать его, в том числе способствовать привлечению абитуриентов на платные программы. Нужно отметить, что большинство государственных вузов не справляются с задачами выхода на рынок платных услуг, которые поставила перед ними ограниченность государственного финансирования.

Понятно, что переход университетских музеев в публичный формат требует серьезных финансовых затрат. Важно предложить аудитории экспозиционные решения на современном уровне. Иначе они не выдержат конкуренции с другими музеями и культурно-досуговыми учреждениями и их коллекции окажутся невостребованными. Необходимость именно такого качественного преобразования, к сожалению, становится камнем преткновения для развития многих университетских музеев. Но и выходя на публичный уровень, они, к сожалению, часто предлагают экспозиции, не отвечающие в полной мере высоким техническим и эстетическим требованиям.

Как уже отмечалось, многие российские университеты еще не научились привлекать финансовые средства для развития своих музеев, равно как и эффективно работать на рынке платных образовательных услуг. В этой связи представляется полезным обратиться к практике США, где высшее образование давно является платным и университеты имеют многолетний опыт работы по привлечению абитуриентов. Успешный пример в этой связи демонстрирует, в частности, Музей Института технологии моды (The Museum at Fashion Institute of Technology/ The Museum at FIT), колледжа Государственного университета штата Нью-Йорк (The State University of New York / SUNY).

Музей был основан в 1969 г. для содействия в реализации образовательных программ института, и сегодня он входит в число ведущих музеев Нью-Йорка. Его фонд насчитывает около 50 тыс. предметов одежды и аксессуаров, созданных в период с XVIII в. по настоящее время. С 1975 г. здесь проводятся выставки, многие из которых были удостоены престижных премий, например: «Мода Лондона», «Корсет: моделирование тела», «Мадам Гре: сфинкс моды», «Готика: мрачный гламур». В год музей посещают в среднем 100 тыс. человек [About the Museum ...].

С 1997 г. главным куратором музея, а с 2003 г. и его директором, является признанный историк моды и медийная персона доктор Валери

Стил (Valerie Steele). Помимо энергичной кураторской деятельности, она известна как автор более 20 книг по истории и теории моды, а также основатель и главный редактор журнала «Теория моды: одежда, тело, культура» (Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture) [Valerie Steele – Director ...].

Касаясь вопроса финансирования, отметим, что в «Стратегическом плане музея на 2014–2019 гг.» указано, что он опирается не только на средства колледжа, но и использует такие источники финансирования, как гранты, корпоративное спонсорство, пожертвования, членские взносы, мероприятия по сбору средств и т. д. [MFIT Strategic Plan 2014–2019].

Пример Музея Института технологии моды показывает, как университетский музей может стать своего рода эффективной «витриной» колледжа, обращенной к широкой общественности, которая существенно помогает ему в решении насущных проблем.

В заключение отметим, что сколько бы ни говорилось о трудностях российских университетских музеев, очевиден их огромный потенциал, который ждет своего раскрытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессуднова З. А.* Музей естественной истории Императорского Московского университета до и после Отечественной войны 1812 года / Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях : сб. материалов XIII Всерос. науч. конф., 22–23 окт. 2004 г. Малоярославец, 2005. URL : letopis.msu.ru/content/muzej-estestvennoy-istorii-imperatorskogo-moskovskogo-universiteta-do-i-posle-otechestvennoy
- Доступ* к университетским музеям обсуждают в рамках Международного культурного форума в СПбГУ. Пресс-релизы. 1 декабря 2016. URL : spbu.ru/press-center/press-relizy/dostup-k-universitetskim-muzeyam-obsuzhdayut-v-ramkah-mezhdunarodnogo
- История.* Научно-исследовательский Зоологический музей МГУ им. М. В. Ломоносова. URL : zmmu.msu.ru/musei/istoriya
- Литвина Л.* Университетские музеи за рубежом – прошлое и настоящее // Обсерватория культуры / НИЦ Информкультура РГБ. 2005. № 2. С. 1–78.
- Межфакультетские курсы* станут атрибутом нового семестра. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. URL : www.msu.ru/news/mezhfakultetskie_kursy_stanut_atributom_novogo_semestra.html?sphrase_id=12404347

- Павлинов И. Я.* Зоологический музей Московского университета: фрагменты истории (1755–1991) / Зоологические исследования / Zoologicheskie Issledovania. 2016. No. 19. С. 57–157.
- Рекомендация об охране и популяризации музеев и коллекций, их разнообразия и их роли в обществе / Акты Генеральной конференции, 38-я сессия. Париж, 3–18 ноября 2015 г. Т. 1. Резолюции, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL : unesdoc.unesco.org/images/0024/002433/243325r.pdf*
- Руководители университетских музеев изучили новые формы работы с аудиторией. Благотворительный фонд В. Потанина. URL: www.fondpotanin.ru/novosti/2016-04-25/9340553*
- Успешным можно быть не только в бизнесе: Виктор Садовничий о превращении фестиваля науки во всероссийский праздник. 6 октября 2016. lenta.ru. URL : lenta.ru/articles/2016/10/06/vas_speaking/*
- About the Museum. The Museum at FIT. URL : www.fitnyc.edu/museum/about/index.php*
- History of the Ashmolean. Ashmolean. URL : www.ashmolean.org/history-ashmolean*
- Message from the President. International council of museums. Committee for university museums and collections. 21 August 2017. URL : umac.icom.museum/about-umac/message-of-the-president/*
- MFIT Strategic Plan 2014-2019. URL : www.fitnyc.edu/files/pdfs/MFITStrategicPlan2014_FINAL_Jan2015.pdf*
- The story of the world's first public museum: The New 'Ashmolean Story' Gallery. Ashmolean. URL : www.ashmolean.org/sites/default/files/ashmolean/documents/media/ashmolean_press_release_-_the_ashmolean_story_03.10.2017_v2_0.pdf*
- Valerie Steele – Director. The Museum at FIT. URL : www.fitnyc.edu/museum/about/director.php*

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 9 (781)	Issue 9 (781)

Над выпуском 9 (781) работали:
доктор филологических наук, профессор Е. Е. Голубкова

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 28.12.2017
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 13,1
Заказ № 1570

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Филология и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна